

АССОЦИАЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР»

И. М. РАГИМОВ

**ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ
В МИРОВЫХ РЕЛИГИЯХ**

**ИСТОРИЧЕСКИЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ,
ПРАВОВЫЕ И ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2023

УДК 343.24
ББК 67.408.02
Р14

Автор
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Азербайджан,
иностраннный член Российской академии наук
Ильгам Мамедгасан оглы Рагимов

Рецензенты:
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Республики Казахстан,
член Комиссии по правам человека при Президенте РК,
академик Российской академии естественных наук (РАЕН)
Есберген Оразұлы Алауханов;

доктор юридических наук, профессор
Бакинского государственного университета
Шахла Самедова;

доктор философских наук,
член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана
Кёнуль Юсиф кызы Буньядзаде

Рагимов И. М.

Р14 Преступление и наказание в мировых религиях. Исторические, религиозные, правовые и философские аспекты. — СПб.: Ассоциация «Юридический центр», 2023. — 303 с.
ISBN 978-5-6050435-5-3

Настоящая работа является продолжением размышлений автора относительно роли и значения религии в эволюции идеи института преступления и наказания как существенной, значимой основы уголовного права, ранее изложенных в книге «Религия и наказание» (СПб., 2020). Рассматриваются не только правовые, но и исторические, религиозные и философские аспекты понятия «преступление», его причины, сущность и социальная роль наказания в мировых религиях.

Книга рассчитана на широкий круг читателей: юристов, философов, представителей различных религий.

ББК 67.408.02

ISBN 978-5-6050435-5-3

© Рагимов И. М., 2023

© Ассоциация «Юридический центр», 2023

ВВЕДЕНИЕ

1. Религия всегда была предметом различных исследований. В зарубежных источниках подчеркивается, что в современных западных обществах еще совсем недавно делались уверенные прогнозы об отмирании религии в общественной жизни. К настоящему времени, однако, ситуация существенно и во многом неожиданно изменилась: религия стала занимать значительное место как внутри государства, так и на международном уровне. Именно по этой причине мы считаем весьма актуальным исследование роли и значения религии в эволюции идеи института преступления и наказания как основы уголовного права. Нет сомнения в том, что истоки учения об этих понятиях обнаруживаются в религии, и первые попытки определения сути основания преступления и наказания находятся в религиозных верованиях и источниках. Изучая Священные Писания, мы находим пласты идей, выражающих суть воззрений древнего человека на убийство, кару и кровную месть. После первого послания Всевышнего — Пятикнижия стал видоизменяться институт преступления и наказания. С этого момента библейской истории начинается формирование религиозной основы уголовного права. Преступление рассматривается уже как оскорбление божества, а наказание — как примирение с Богом, очищение от греха, искупление вины. Нравственной основой института преступления и наказания выступают уже не обычаи и традиции, а религия.

2. Религия стремится объяснить философские вопросы преступления и наказания в своем ключе, в отличие от науки, в частности от философии. Поэтому для нас важны вопросы: чем отличаются научное познание понятия преступления и источник преступного поведения человека, а также суть наказания как противодействие этому злу, деянию от религиозного; каково соотношение между верой и разумом в понимании данных правовых феноменов?

3. Отсутствие ясного ответа на вопрос об источниках преступного поведения человека и эффективного противодействия этим явлениям посредством наказания в науке отсылает нас к Господу Богу как к нашему Создателю. Ведь именно Ему должны быть известны все тайны существа, которое Он создал. Наука дала нам возможность познать Космос, увидеть обратную сторону Луны, найти средства от многих болезней, создать самые сложные технологии, но не в состоянии в полной мере познать сути человеческого поведения, в том числе агрессивного. Неужели эту проблему следует отнести к категории закрытых для человеческого постижения? Вообще «непостижимое» — это понятие временное или закрытое навечно в понимании Всевышнего? Именно от ответа на данные вопросы зависит отношение человечества к преступности, преступлению и наказанию. Если, действительно, Бог отнес причины человеческого насилия, агрессии, зла к непостижимым для нас вопросам, тогда эти явления будут существовать до тех пор, пока Всевышний не откроет человечеству эту тайну. Неужели Он определил границу наших познаний и дает возможность нам постепенно и медленно приближаться к этой черте, но не переходить границу?

4. В отличие от научных познаний, которые возможно исследовать объективно, эмпирически, религиозное объяснение человеческого преступного поведения не имеет под собой научности и в качестве научного не признается. Религиозное познание основано на вере в бытие Бога и духовном опыте человека. Следовательно, для религиозной философии познания причин преступного поведения человека особое значение имеет установление Всевышнего в Священных Писаниях. Тем не менее наука нуждается в религиозном анализе и наоборот. Как говорил Эйнштейн: «Наука без религии хрома, религия без науки слаба».

Еще в средневековой схоластике был поставлен вопрос, который стал одним из ключевых во всей философии эпохи Средних веков, — это вопрос о соотношении между верой и разумом, между религиозным и научным познанием. По сути, речь шла о выборе предпочтительных парадигм мышления, средств познания. В целом, в ранней средневековой философии научный подход был слабо выражен. В вопросах соотношения разума и веры обычно приоритет оставался за религиозной верой. Поэтому особо известных научных теорий относительно причин человеческого агрессивно-преступного поведения не было. В период средней схоластики происходит отделение научно-философского знания от религиозного. В эпоху Нового времени религия была подвергнута научному исследованию. Развитие науки привело к усложнению и усовершенствованию научной методологии, которая стала применяться также и в отношении проблемы человеческого поведения. Рядом исследователей будущее современной науки мыслится в контексте ее связи с теологическими науками. Научное познание в отличие от религиозного движется в области науки,

которая порождает знание о преступлении как о проблеме, создает приспособленное для практических нужд представление о сущности преступления как человеческого поведения и его причинах. Однако не всегда научное знание имеет совершенный результат. Вот почему представляет интерес религиозная философия относительно проблем свободы воли, предопределения, изложенных, в частности, в изречении И. Христа «о непротивлении злу насилием» и в еще более ясной форме — в исламе. Подход к этим философским вопросам связан с противоположным пониманием науки и религии в сотворении человека. Религия считает человека творением Бога. Следовательно, должен существовать Творец. Ничто не происходит из ничего. Должно быть нечто, давшее начало всему. Исходя из этой логики должно быть что-то в человеке, дающее начало любому его деянию — хорошему и плохому, добру и злу.

Религия в отличие от науки считает, что преступления обязательно предшествует уклонение человека от Бога. Речь идет о мысленном удалении человека от Всевышнего. И это удаление способствует приобретению человеком свойств, противоположных милосердию Создателя: жестокости, эгоизма, злости, что является основой преступного поведения. Иначе говоря, по религии, все люди сотворены слабыми и поэтому способны на преступление. Однако чтобы эта слабость не была причиной преступления, человек всегда должен помнить своего Господа, который его создал. Религия утверждает, что, удаляясь от Бога, человек словно находится в ночи беспросветной. Главная причина такого его состояния — внутренняя «болезнь», толкающая его к преступлению, насилию и злу. Этот вопрос имеет принципиальное значение, ибо речь идет о свободе воли человека и ответственности за свое

поведение. Поэтому мы решили в работе уделить данной проблеме определенное внимание с точки зрения религиозной философии.

5. История авраамического Бога и религий свидетельствует о том, что отношение Всевышнего к вопросу о наказании, его сущности и целевом назначении менялось с каждым Его посланием. Так, если Он в Еврейской Библии видит в наказании только возмездие, то в учении И. Христа, т. е. в Новом Завете, Господь неожиданно меняет Свое отношение к этому средству воздействия на людей и провозглашает другую, совершенно противоположную заповедь: «Не противься злему». В VII в. н. э. Всевышний посредством Пророка Мухаммада заявляет в Коране о возвращении к возмездию как сущности наказания, однако в отличие от иудаизма и христианства в исламе уже нет ни одной крайности в формуле «зуб за зуб», ни другой — «подставь левую щеку после того, как тебя ударили по правой». Господь Бог устанавливает «золотое» правило, согласно которому возможно прощение, если это целесообразно как для самого преступника, так и для общего блага, — тем самым начинается следующий этап Божьей идеи эволюции института преступления и наказания. В этих трех религиях мы видим различный подход Всевышнего в отношении феномена наказания и его применения, в то время как понятие преступления как греха остается неизменным.

6. Нужна ли нам вера в Бога, чтобы не совершать насилия, преступления? Следует согласиться с тем, что религия всегда служила основополагающим началом жизни, пронизывая все стороны существования человека, включая его поведение в обществе. Религии стремятся помочь нам сделать этический выбор, развить лучшие нравственные качества, предлагают идеалы, которые способны

радикально изменить поведение людей, противостоять злу и насилию, присущим человеческой природе. Так, например, медики выявили весьма полезную сторону религии для нашего здоровья, ибо исследования свидетельствуют о фактах долголетия среди тех, кто посещает службу в храме, мечети или достаточно часто читает Священные Писания, они менее подвержены депрессиям, реже страдают от гипертонии и курят на 90% реже.

Иногда можно слышать утверждение о том, что богобоязненные люди не способны совершать убийства, насилия, воровство и т. д. Так ли это? Рассуждающий таким образом исходит из того, что страх перед Богом за преступное поведение — это не просто страх огорчить Его, а представление о том, что придется целую вечность подвергаться мучениям в аду, о чем говорится и в христианстве, и в особенности в исламе. Например, в Откровении Иоанна написано об «озере огненном и серном» (Откр. 20:10), а в Коране — о тех, кто не верит написанному в нем: «Всякий раз, как стоговится их кожа, мы заменим им другой кожей, чтобы они вкусили наказание». И действительно, многие люди верят в существование ада, хотя и не знают о подробностях Божьего наказания. Возможно, для определенной части людей это предупреждение Священных Писаний и является обстоятельством несовершения ими преступлений. Угроза наказанием после смерти и его исполнение настолько дополнены различными страшными картинками пыток, что человеку кажется все это неправдоподобной угрозой, беззубой угрозой. Люди будут бояться Божьего наказания тогда, когда будут убеждены в реальности Бога. Иначе, каким бы устрашающим ни был ад, расписанный в Священных Писаниях, он на человеческое поведение особого влияния не окажет, ибо четких доказательств

религия и Писания не предоставили. Потенциальный убийца, насильник, вор, грабитель, очевидно, не решится совершать эти деяния, если будет убежден в том, что находится в поле зрения Всевышнего и что Он следит за каждым нашим шагом, ежедневно и ежеминутно наблюдает за нами. И не только знает о нашем поведении, но даже знает и читает наши мысли и может заранее предвидеть неудобные Ему противоправные, преступные дела, которые мы только еще замыслиаем.

Неужели человек старается не совершать преступления, не творить зло, а, наоборот, быть законопослушным только для того, чтобы Бог это знал и похвалил его, или для того, чтобы избежать кары как в этой жизни, так и в другой? Ведь это похоже на подхалимство. Значит, исчезни вера неожиданно — и мы тотчас превратимся в эгоистов, не знающих доброты, милосердия, а это соответственно сделает людей более агрессивными и жестокими, а значит, приведет к резкому росту преступности. Неужели, чтобы не скатываться к такому состоянию, нам действительно требуется надсмотрщик в лице Всевышнего?

Эйнштейн сказал: «Если люди хороши только из-за боязни наказания и желания награды, то мы действительно жалкие создания»¹.

В книге «Наука добра и зла» Майк Шермер пишет, что «если вы утверждаете, что в отсутствие бога вас ничто не удержит от совершения разбоя, насилия и убийства, ваша аморальность несомненна и остальным стоит посоветовать держаться от вас подальше. Если же, с другой стороны, вы сознаетесь, что будете продолжать быть хорошим и в отсутствие божественного надзора, то тем самым вы неизбежно подрываете заявление о необходимости Бога

¹ Цит. по: Докинз Р. Бог как иллюзия. М., 2020. С. 318.

для нравственного поведения»¹. Мы не пытаемся доказывать, что атеизм так же, как и теизм, оказывает влияние на состояние и уровень преступности, хотя и было бы интересно проследить, имеет ли место, пусть даже небольшая, статистическая тенденция относительно проявления более законопослушного поведения со стороны верующих по сравнению с поведением атеистов, в частности их отношения к убийствам и насилиям, а также к смертной казни за эти деяния.

Если действительно существует достоверная научно обоснованная корреляция между правоверным поведением и религиозным убеждением, тогда государству следует обратить особое внимание на религиозное воспитание населения, в особенности молодежи, увеличить количество мечетей для мусульман, церквей для христиан, а также синагог для евреев. Имеющиеся на сегодняшний день статистические данные, безусловно, не подтверждают бытующее мнение среди верующих о положительной корреляции религии и преступности. Наши наблюдения показывают, что подавляющее большинство осужденных в местах лишения свободы делают намаз (молятся), начинают познавать Коран и суть ислама, т. е. стремятся показать свое желание верить в Бога. Тем не менее многие из них вновь совершают преступления после освобождения и возвращаются в места лишения свободы. В то же время социологические исследования и уголовная статистика утверждают, что понижающими позывы к преступному поведению являются высокий уровень образования и умственных способностей или склонности к размышлению.

¹ Цит. по: *Докинз Р.* Бог как иллюзия. С. 318.

По словам лауреата Нобелевской премии американского физика Стивена Вайнберга, «религия оскорбляет достоинство человека. Есть она или нет, добрые люди будут творить добро, а дурные — зло. А вот, чтобы заставить доброго человека совершить зло — тут без религии не обойтись». Ему вторит Блез Паскаль: «Никогда злые дела не творятся так легко и охотно, как во имя религиозных убеждений»¹. Но можно ли сделать так, чтобы люди поверили в Бога? Сложно понять Всевышнего, который исключительно в материальном смысле является непознаваемым. Поэтому сущность Бога не может выражаться в человеческих понятиях. Мы можем говорить лишь об атрибутах Господа, посредством которых судим о Его бытии. Но этого недостаточно для того, чтобы все поверили в Его существование. Для этого человек должен целиком зависеть от Бога. Такая зависимость должна быть признана человеком свободно и с радостью. М. А. Рейнер пишет: «Сердце, лишенное свободного общения с Богом, становится злым и корыстным. Разум, придавленный догмой, тупеет. Нравственность теряет искренность и правдивость, превращается в пустую обрядность»². Однако при такой зависимости от Бога человек теряет свою свободу и соответственно свободу воли. Следовательно, он не может быть свободным при совершении преступлений, а значит, не может нести ответственность за свои действия.

7. Итак, религия побудила нас по-новому подойти к исследованию основных институтов уголовного права: преступления и его причин, наказания и его сущности.

¹ Цит. по: Там же. С. 357.

² Рейнер М. А. Государство и верующая личность. М., 2011. С. 103.

При этом, естественно, в нашу задачу не входило рассмотрение в подробностях религиозных и ритуальных правил, установленных в Священных Писаниях и принятых религиями. В то же время обойти их оказалось невозможным. Ясно одно: значение религиозных позиций относительно зарождения и эволюции идеи института преступления и наказания не может быть оставлено без внимания, поскольку они тесно связаны с народными воззрениями на эти исторические понятия.

ГЛАВА I

ИУДАИЗМ: ПРЕСТУПЛЕНИЕ — ГРЕХ, НАКАЗАНИЕ — РАВНОЕ ВОЗМЕЗДИЕ

§ 1. Пятикнижие: эволюция института преступления и наказания в иудаизме

1. Однозначного ответа на вопрос о времени и периоде происхождения этих понятий не только в науке уголовного права, но и у богословов не существует.

Как в дореволюционные, так и в нынешние времена некоторые исследователи, пытаясь выявить Божественные начала уголовно-правовых запретов и наказаний за их нарушения, обычно в качестве отправной точки избирают описываемый в Ветхом Завете период исхода евреев из Египта под руководством пророка Моисея¹. Ряд авторов указывают на то, что «Ветхий Завет, в частности книга Исход, содержит охранительные уголовно-правовые нормы с четко выраженной структурой (гипотеза, диспозиция, санкция) и признаками (общий характер, формальная определенность)»². По мнению В. Г. Беспалько, «Пятикнижие представляет собой кладезь богатого юридического и исторического материала, который не только не остался

¹ См., напр.: Аксенов П. Моисеево уголовное право. СПб.: Тип. П. Сойкина, 1904; Тер-Акопов А. Законодательство Моисея: общая характеристика // Российская юстиция. 2003. № 9. С. 40–42; Лопухин А. П. Законодательство Моисея. Исследование о семейных, социально-экономических и государственных законах Моисея. 1882.

² Федосова Н. С. Уголовное право и религия: Проблемы взаимодействия и взаимодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2003. С. 12.

в далеком прошлом, но еще долгое время будет формировать правовую культуру огромных масс людей, их отношение к власти и законам, преступлениям и наказаниям»¹.

В работах христианских ученых-правоведов можно встретить утверждение о том, что первое слово Господа Бога о преступлении и наказании сказано именно в Законе пророка Моисея². А Протоиерей Александр Сорокин исходит из того, что Закон Моисея следует «принимать как Слово Бога, Присутствующего в самом Законе»³. Действительно, Моисей был не только первым из пророков, «глашатаем Слова Божия»⁴, но и его толкователем: «...народ приходит ко мне просить суда у Бога; когда случается у них какое дело, они приходят ко мне, и я сужу между тем и другим, и объявляю уставы Божии и законы Его» (Исх. 18:15–16). Но значит ли это, что до Моисеева Закона не было понятия преступления и наказания и что началом зарождения уголовного права следует считать Десять заповедей, дарованных Богом Израилю на горе Синай, в которых о санкции ничего не говорится? А ведь для того чтобы уголовное право считалось отраслью права, необходимо наличие не только преступления, но и института наказания. Именно отсутствие второго компонента уголовного права послужило основанием для многих утверждать, что термин «наказание» так же, как и термин «преступление», своими корнями восходит не к Десятисловию, а к грехопадению Адама и Евы⁵. В. А. Никонов полагает, что

¹ Беспалько В. Г. Учение о преступлении и наказании в Пятикнижии Моисея: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 5.

² См.: Христианское учение о преступлении и наказании / науч. ред. К. В. Харabet, А. А. Толкаченко. М., 2009. С. 54.

³ Протоиерей Александр Сорокин. Введение в Священное Писание Ветхого Завета: курс лекций. СПб., 2009. С. 72.

⁴ Никонов В. А. Уголовное наказание. Поиск истины. Тюмень, 2000. С. 17.

⁵ Беспалько В. Г. Указ. соч. С. 30.

«закон, а особенно закон уголовный, изначально рассматривается в Священном Писании как прерогатива Бога»¹. Но чтобы убедиться в том, что в ветхозаветной истории человечества первым уголовно-правовым установлением можно, с некоторыми допущениями, считать именно библейскую заповедь, постановленную Богом для Адама после его поселения «в саду Эдемском», необходимо доказать преступный характер деяния Адама и Евы, за которое они были наказаны. Иначе мы не сможем проследить картину зарождения и последующего развития Божьего наказания и Его отношение к понятию преступления. «И заповедовал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла, не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2:16–17). Следовательно, чтобы утверждать, что уголовное право началось именно с этого Божьего установления, необходимо установить: запрет, нарушение запрета, объявление этого запрета преступлением (грехом), опасность нарушения запрета, причинение вреда в результате нарушения запрета и соответствующую санкцию. Первая в библейской истории норма, установленная Всевышним, имела своей целью не допустить нарушение того порядка, который определен Богом. Для этого Господь Бог использует термин «не ешь». Будем исходить из того, что это и есть Божий запрет. И первым, кто нарушил этот созданный и устроенный Им (Богом) мир, был первый человек, которого звали Адам. Можно ли считать поведение Адама преступлением? В. Г. Беспалько полагает, что термин «преступление», являющийся одним из важных в науке уголовного права, своими корнями восходит к грехопадению Адама и Евы, ибо первое преступление было не чем иным, как преступлением заповеди Божией. Оно стало архетипом всех

¹ Никонов В. А. Указ. соч. С. 20.

последующих преступлений, совершенных и совершаемых людьми¹.

В чем, собственно, обвиняет В. Беспалько Адама и Еву? По его мнению, тяжесть их грехопадения кроется не столько в опасности их поступка, выразившегося вовне, сколько в их душевном помрачении, достигшем уровня неслыханной для религиозного общества дерзости — ослушания воли Божией, воли любящего Создателя². В. Беспалько считает, что действие Адама служит «прообразом конкретного уголовно наказуемого деяния — преступного посягательства на всякую законную власть»³. Автор даже сравнивает поступок Адама и Евы с насильственным захватом власти или присвоением полномочий должностного лица. Не понятно, как возможно «посягнуть на всякую законную власть» Бога, если Господь Бог является единоличным Властелином и Создателем Вселенной? Представители религии в обвинениях Адама за его поведение пошли еще дальше. Митрополит Черниговский Петр Петрович Негож (1813–1851 гг.) называет грехопадение Адама не иначе как «мятеж ничтожный», устроенный Сатаной, который хотел дать падшему человеку «другой закон», а святитель Игнатий (Бренганинов) считает, что поведение Адама — попытка человека стать равным Богу⁴.

Немецкий библист Б. Зальцман поведение Адама и Евы вообще расценивает как кражу собственности Бога!⁵ Более лояльно высказались Г. П. Чистяков, который усмотрел в действиях

¹ *Беспалько В. Г.* Ветхозаветные корни уголовного права в Пятикнижии Моисея. СПб., 2015. С. 30.

² Там же. С. 33.

³ Там же. С. 34.

⁴ *Игнатий (Бренганинов)*. Жизнь и смерть. Слово о человеке. Слово о смерти. М., 2007. С. 101–102.

⁵ *Зальцман Б.* Криминальные истории в Библии / пер. с нем.; сост. Б. Зальцман. М., 2005. С. 71–72.

Адама не нарушение запрета, а «безответственность»¹, а также Александр Мень, считающий, что «грехопадение было первым моментом, когда в человеке восторжествовала воля к власти»².

Безусловно, с точки зрения религии поведение Адама и Евы можно расценивать как грех. Однако, как правильно подметил Т. Гоббс, «всякое преступление есть грех, но не всякий грех есть преступление»³. В чем же, собственно говоря, выражается общественная опасность деяния Адама и Евы? Кому причинен вред в результате их деяния? Как вообще могли «умственно нерадивые» (а именно такими они представлены в Библии) осознавать преступный характер своих поступков? И наконец, каким образом Адам мог бы «стать равным Богу», по утверждению Святителя Игнатия, если его создал Сам Всевышний Господь Бог?

Еще более странно высказывание Б. Зальцмана, который обвиняет Адама и Еву в краже собственности Бога. Разве все, что существует и на земле, и на небе, не принадлежит Богу? Да, можно согласиться с Г. П. Чистяковым, считающим, что поступок Адама «безответственный», но не первородный грех. Представляется, что поведение Адама можно сравнить с поведением ребенка, которому мать запретила пользоваться мобильным телефоном или же компьютером, а он ослушался и был наказан. Не более. Поэтому вряд ли можно считать поступок Адама и Евы прообразом всякого преступления и первым преступлением, совершенным первым человеком, как утверждает Б. Беспалько. Весьма интересен тот факт, что Аллах в Коране уподобляет Иисуса Христа первому человеку Адаму: «Воистину, Иса (Иисус) перед Аллахом подобен Адаму. Он сотворил его из праха, а затем сказал ему: “Будь!” — и тот возник» (Сура 3, аят 59).

¹ Чистяков Г. П. Пятикнижие: дорога к свободе. М., 2011. С. 48–49.

² Отец Александр Мень отвечает на вопросы слушателей. М., ФОНД им. А. Меня. 1999. С. 73.

³ Гоббс Т. Левиафан. М., 2001. С. 200.

Такая высочайшая оценка, данная Создателем пророку И. Христу, подтверждает тот факт, что Адам, хотя и послушался Всевышнего, однако он совершил не такой уж серьезный проступок, чтобы называть его поведение преступлением, а самого преступником.

Ислам считает, что, если в Адаме человечество получило начало своего физического развития, то в Иисусе — начало своей духовности, в нем оно как бы заново родилось. Божье установление «смертью умрешь», условно говоря, также считают первоначальным видом наказания Господа Бога. Вообще, следует констатировать, что данный эпизод многими исследователями истоков наказания оценивается буквально: акт неповиновения и его последствие в виде конечности жизни (в Эдеме люди были бессмертны).

Что вкладывал Всевышний в словосочетание «смертью умрешь»? В чем же сущность выражения «ибо в день, в который ты вкусишь от него (дерева познания добра и зла. — *И. Р.*), смертью умрешь?».

Здесь необходимо указать на различие религиозного и общепhilosophического, а также медицинского подходов к пониманию смерти. Религиозное понимание понятий «смерть» и «умереть», в отличие от философского и медицинского определений, означает завершение жизни человека, причем не в смысле противоположности рождению, а как неотъемлемой части воскресения. Если рассматривать заповедь «смертью умрешь» с правовой, а точнее, с уголовно-правовой позиции, то можно установить, что Всевышний вкладывает в это словосочетание суть и цель того наказания, которое он применяет к Адаму. Бог не преследует цели умертвить его, ибо в таком случае Он использовал бы абсолютно другие слова: «казню» или «убью» и, наконец, «будешь казнен». Однако такие формулировки в Священном Писании применительно к данной ситуации не используются. Бог дал понять Адаму, что тот будет наказан

за непослушание в виде «смертью умрешь», что означает, на наш взгляд, закончить жизнь на грешной земле. Поэтому можно сделать вывод о том, что в высказанных словах нет угрозы, тем более наказания, а имеется только предупреждение о неизбежных неблагоприятных для человека последствиях — он сам уничтожает себя.

Таким образом, суть Божьего наказания в отношении Адама следует понимать как переход от бессмертия в смертную жизнь. Особенность же выражения «смертью умрешь» заключается не в том, что это понятие изначальное, самое первое, а в сущности и порядке исполнения лишения жизни Адама. Заметим, что религией (какой бы то ни было) понятие «жизнь» воспринимается гораздо шире — как полноценное духовное бытие, основанное на твердой вере в Создателя мира, покорности Ему, пребывании в постоянном внутреннем диалоге с Ним¹. Поэтому выражение «смертью умрешь», на наш взгляд, обозначает духовную, а не физическую смерть от Бога и рассматривается как «смерть для Бога», как «духовный разрыв человека» с Богом, лишение благодати Божьей² и не имеет собственно наказательной основы. Именно так покарал Бог Адама, переводя его в иную, смертную жизнь, хотя мог тут же умертвить его.

Следует заметить, что ни в одном Божественном Послании мы не сталкиваемся с понятием «смертная казнь», хотя понятно, что в любом случае выражение «смертью умрешь», так же как и перечисленные понятия, употребляемые Богом, имеют вид смерти и она от Господа, ибо именно Он впервые употребил данное выражение, когда предупреждал Адама относительно запрета. Поэтому прав В. А. Никонов, утверждая, что в словах

¹ См.: Щедровицкий Д. А. Сияющий Коран. Взгляд библиста. М., 2016. С. 10.

² Схожую мысль можно встретить у В. А. Никонова (см.: *Никонов В. А. Уголовное наказание. Поиск истины.* С. 21).

«смертью умрешь» вовсе нет угрозы, а есть только предупреждение о неизбежных последствиях¹.

Такое прекращение жизнедеятельности Адама вряд ли можно назвать смертной казнью и, более того, наказанием смертной казнью в современном понимании. Скорее, такое Божье наказание можно рассматривать как альтернативу смертной казни. Господь Бог, отправляя Адама в смертную жизнь как в заключение, тем самым ограничил его пребывание там физической смертью. Возможно, в этом есть проявление любви и милосердия к своему первотворению и отсутствие акта мести. Возможно, Бог изначально не намерен был наказывать Адама, а хотел проверить проявление присущих созданному Им человеку внутренней свободы, гордости и бесстрашия. Ясно одно: Всевышний слишком жестоко обошелся с Адамом, ибо наказание, в нашем понимании, не соответствовало совершенному деянию. По сути, поведение Адама есть свидетельство того, что Бог создал достаточно совершенное существо, способное к самостоятельному волевому выбору. Г. В. Лейбниц в свое время отмечал: «...мир есть наилучшее государство, монархом которого по истине и по праву будет совершеннейший из духов — Бог; что если однажды твердо установлено, что всем позволено быть счастливыми, то никто не может быть несчастным, кроме как по собственной вине»².

Таким образом, представляется, что слова «смертью умрешь» нельзя понимать буквально, как наказание вообще, в виде смертной казни, в частности. В связи с этим Вольтер писал: «В Книге Бытия даже не сказано, что Бог осудил Адама на смерть за то, что он проглотил яблоко. Правда, он сказал: “Ты обязательно умрешь в день, когда вкусишь от него”», но согласно

¹ См.: Никонов В. А. Библия и уголовный закон. Тюмень: Тюменская высшая школа МВД России, 1995. С. 12.

² Лейбниц Г. В. Соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1982. С. 177.

этой же Книге Бытия, Адам прожил 930 лет после этого преступного завтрака»¹.

Смерть как наказание, указанное в санкции заповеди «смертью умрешь», следует рассматривать именно как смерть духовную, ибо с правовой точки зрения, смерть — лишение человека физической жизни путем казни, а казнь — это уголовно-правовой, а не библейский термин, обозначающий справедливое воздаяние за совершенное преступление от имени соответствующей организации или должностного лица. Именно поэтому термин «казнь» используется только в выражении «смертная казнь».

Определенный интерес представляет тот факт, что Всевышний в Коране, в отличие от Библии, смертность человека не увязывает с актом его непослушания в раю и вообще нигде не использует понятие «смертью умрешь». Более того, в Коране неоднократно отрицается смертность в жизни вечной: «Там они не вкусят смерти после первой смерти» (Сура 44, аят 56); «С ними не покончат, и не умрут» (Сура 33, аят 36); «...а потом не умрет там и жить не будет» (Сура 87, аят 13). Если в Библии Бог велит Адаму не есть от этого дерева, говоря: «...а не то смертью умрешь», то Аллах в Своем Послании — Коране только предупреждает Адама: «О Адам! Поселись в Раю вместе со своей супругой. Ешьте там вволю, где пожелаете, но не приближайтесь к этому дереву, а не то окажетесь одним из беззаконников» (Сура 2, аят 35). В другом месте Корана Всевышний еще раз предостерегает Адама от ослушания: «О Адам! Это враг тебе и твоей жене. Пусть же он не выведет вас из Рая, а не ты станешь несчастным» (Сура 20, аят 117). Всевышний напоминает Адаму о той жизни, которая ждет его, если он Его не послушает: жизнь твоя станет полна тягот, страданий и мучений

¹ *Вольтер*. Из философского словаря. Бог и люди. Вопросы о чудах. М., 2010. С. 164.

в противоположность тому, что в Раю, где ты будешь сыт и одет и никогда не будешь мучиться от жажды и зноя» (Сура 20, аяты 118–119).

Итак, исходя из Библии, первоначальным наказанием можно считать наказание, применяемое Всевышним к Адаму и Еве. Однако это не наказание в уголовно-правовом смысле за уголовно-правовое деяние, а наказание духовное за безрассудное легкомысленное поведение первого человека, подобное поведению малолетнего ребенка, которого Бог создал и любил так же, как мать любит свое непослушное дитя. Вторым деянием, признаваемым по религии преступлением, называют убийство Каином своего брата Авеля. Если эта библейская история соответствует действительности, то поступок Каина можно расценивать как умышленное убийство, а значит, и как преступление, с уголовно-правовой точки зрения. Каково же было Божье наказание? «И сказал ему Господь: за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его» (Быт. 4:15). Несколько позже потомок Каина Лашех высказывает эту же мысль в стихах, выражение которых туманно, но цель очевидна: смерть Каина будет отмщена семь раз, а смерть Лашеха — семьдесят раз. А. П. Лопухин совершенно справедливо отмечает, что Бог мог бы наказать Каина смертью, однако Он «должен был служить предостерегающим примером для других»¹.

Согласно еврейской религиозно-правовой традиции, Господь освободил Каина от наказания «смертью умрешь», так как он принес жертву и тем умилостивил Бога не слишком гневаться на него (Иосиф Флавий). Христианские ученые-правоведы полагают, что назначенное наказание Каин воспринял

¹ Лопухин А. П. Библейская история Ветхого Завета. Киев: Общество любителей православной литературы. Изд-во им. Св. Льва, папы Римского, 2005. С. 50.

как чрезмерное, ни с каким иным, даже со смертью, не сравнимое, что подтверждается цитатой из Священного Писания: «И сказал Каин Господу: наказание мое больше, нежели снести можно» (Быт. 4:13). Это наказание воспринимается как более суровое, чрезвычайное, исключительное, потому что Бог впервые произносит проклятие человеку именно за братоубийство, тем самым утверждая, что преступление Каина страшнее первородного греха прародителей, а значит, его наказание больше, нежели изгнание из рая в смертную жизнь. Святитель Иоанн Златоуст следующим образом описал отбывание Каином назначенного Богом наказания: «И Каин ходил всюду, как живой закон, как столп движущийся, безмолвный, и однако не издававший голос звучнее всякой трубы. Никто не делай, говорил он, того же, что я сделал, дабы не потерпеть того же, что я терплю»¹. Как бы мы ни пытались объяснить отношение Всевышнего к характеру наказания Каина, по сути своей оно не уголовно-правовое, а религиозное, духовное, моральное. Поэтому если в действиях Адама мы не видим преступления, но есть наказание, то в случае с Каином — наоборот: есть преступление, но нет наказания с точки зрения уголовного права.

Итак, изначально, в допотопный период библейской истории, возможность наказания человека человеком за преступление смертью не предусматривалась. Мечь запрещалась даже за совершение убийства, и право человека наказывать себе подобного смертной казнью дается ему Богом уже после Всемирного потопа, когда в результате Божьего наказания водами Потопа «истребилось всякое существо, которое было на поверхности земли; от человека до скота, и гадов, и птиц небесных, все истребилось с Земли: остался только Ной и что было с ним в Ковчеге» (Быт. 7:23); наказанию смертью подверглись огромные

¹ Святитель Иоанн Златоуст. Творения: в 3 т. Т. 1. Житомир, 2002. С. 132–133.

массы грешников, так же как в Содоме и Гоморре. Это было следующее, третье наказание Бога, но уже в качестве кары за преступление против Его воли.

Как следует из Библии, после Потопа Бог через Ноя, в качестве патриарха и родоначальника нового поколения, отправляет людям положение нового закона, в котором, в частности, говорится: «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию» (Быт. 9:6).

Согласно историко-религиозным источникам, в результате соглашения Ноя с Господом Богом человечество получило Свод ясных правил, пусть и относительно небольшой по объему. Эти правила на долгое время стали основой правовой жизни его потомства вплоть до появления Моисеева Закона под названием «Новые Законы», предоставляющего человеку и обществу право наказывать другого человека смертью. Таким образом, Господь, как следует из текста Книги Бытия, отказался от собственного права применять в будущем потоп в качестве наказания за преступления людей (Быт. 9:11–13). Хотя далее, как следует из религиозных источников, свое право наказания Всевышний все же использовал для уничтожения жителей Содома и Гоморры, обвинив первых в мужеложстве, а вторых — в лесбиянстве.

После Книги Бытия начинается эволюция института преступления и наказания и модернизация его еврейским обществом, о чем повествуется в следующих четырех из пяти книг Ветхого Завета: Исходе, Левите, Числах и Второзаконии.

Именно этот период библейской истории следует считать началом формирования религиозной основы института преступления и наказания. Преступление стало рассматриваться как оскорбление божества, а наказание — как примирение с Богом, очищение от греха, искупление вины. С этого времени нравственной основой института преступления и наказания

стали выступать уже не обычаи и традиции, а религия, которая приобщается к нравственному и почти целиком подчиняет себе дело нравственного надзора и нравственного воспитания масс. А. Ф. Кистяковский пишет: «Преступление есть оскорбление божества: оно возбуждает гнев его не только против преступника, но и против всего народа, среди которого он живет; для умилоствления божества и смягчения его гнева необходима кара преступника; эта кара должна состоять в пролитии крови, мучениях и телесных страданиях; кровь, мучения и истязания очищают, омывают, искупают вину и умилоствляют божество»¹.

2. В принципе историю развития института преступления и наказания в иудаизме можно разделить на следующие этапы.

Первый этап — эпоха патриархов (XVI–XV вв. до н. э.). Право было в этот период в основном прецедентным. Законодательство только начинало обретать форму систематического, прежде всего в сферах, касающихся брачных отношений и вопросов наследования. Что же касается институтов преступления и наказания, т. е. уголовного законодательства, то оно имело много общих черт с законами соседних народов.

Второй этап — это период Исхода (XIII в. до н. э.) — выход евреев из Египта, их странствия по пустыне и Синайское откровение. Можно предположить, что именно в тот период и возникло ядро первого законодательного свода — Декалог; активно шло развитие законов, регулирующих внутривидовые отношения, в частности обычай кровной мести. Во время странствий по пустыне, вероятно, у евреев сложилась первая судебная система (Исх. 18:1–27).

Третий этап — период судей (XII–XI вв. до н. э.). Появляются новые типы законов. Эти законы делятся на следующие группы:

¹ Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая. 2-е изд. Киев, 1882. С. 161.

а) законы, относящиеся к преступлениям, караемым смертью (Исх. 21–12); б) законы, относящиеся к преступлениям, караемым проклятием (Втор. 27:15–26); в) законы, применяемые к тем, кто вступает в табуированные формы сексуальных отношений (Лев. 18:6–25); Декалог (Исх. 20; Втор. 5).

Четвертый этап — это эпоха царств (XI–VI вв. до н. э.). Наряду с другими законами развивается уголовное право (Исх. 20–13–17; 21–22 и др.).

Пятый этап — вавилонский плен и послепленный период (VI–IV вв. до н. э.). В этот период в сознании иудеев закрепляется представление, которое станет ключевым для всех последующих этапов развития законодательной системы: в ее основу кладется записанный закон, кодифицированный в Писании, признанном Священным. Данный закон не может быть изменен, но может интерпретироваться и становится основой для вывода новых законов мудрецами и законоучителями. Закон Моисея, который дополнялся до 550 г. до н. э., когда образовался сборник, называется Талмудом (Торой). По верованиям позднего иудаизма помимо письменной Торы в пользовании пребывала также устная Тора. Таким образом, Тора состоит из 5 книг (отсюда другое название Торы — Пятикнижие Моисея — наряду с названием Закон Моисея): 1-я книга — Бытие; 2-я книга — Исход; 3-я книга — Левит; 4-я книга — Числа; 5-я книга — Второзаконие. На более простом уровне Тора — Пятикнижие Моисеево. На более сложном уровне это вся Еврейская Библия и Талмуд — устные и письменные законы. На самом высоком уровне Тора — воля Бога и Его Премудрость. Евреи, приверженцы традиций, верят в то, что Пятикнижие было даровано Моисею в Божественном откровении и записано им как единый текст. Поэтому они называют Пятикнижие — «Пять книг Моисея». Ученые же считают, что, вероятнее, Пятикнижие было окончательно оформлено лишь во времена Ездры — книжника в V в. до н. э.

После канонизации Пятикнижия как Божественного Закона в виде письменного текста началась работа по его устному комментированию и применению в религиозной практике. Тора применялась также с учетом обычаев, и это сочетание Торы с обычаем именовалась **минхашим**. С VI в. наступает период комментариев к ним, которые называлось книжниками — фарисеи и саддукеи. Последние считались буквалистами Библии, преимущественно Торы. Они в отличие от фарисеев отрицали устные предания, веру в воскресение мертвых, в ангелов и Последний суд. Самым известным сборником толкований Пятикнижия является Талмуд (учение), составленный раввинами-законодателями, преемниками фарисеев в первые века нашей эры. Еврейский закон не разделяет религиозную и светскую жизнь: он содержит в себе как основание этические максимы, такие как Десять заповедей или знаменитое высказывание из Лев. 19:18 — «Возлюби ближнего как самого себя», а также детально разработанные законы, связанные со всеми сторонами жизни, в том числе и уголовные законы. Главенство закона и справедливости в обществе считается большим благом.

Е. В. Спектарский писал, что весь Ветхий Завет понимался как закон, как нечто юридическое, как какая-то сакральная юриспруденция¹. И Израиль гордился своей юридической религией: «Как люблю я закон Твой! Весь день промышляю о нем», — восклицал псалмопевец (Пс. 118:92).

Кто же все-таки является автором Пятикнижия — Бог или Моисей? Обратимся к самой Библии. На горе Синай Моисей получил от Бога текст Завета и законы, которые он должен был объявить своему народу. Об этом прямо говорится в Библии (Исх. 20:1–17; 21:1–36; 22:1–31; 23:1–33). Это был договор между

¹ Спектарский Е. В. Христианство и правовая культура. Русская философия права: философия веры и нравственность. СПб., 1997. С. 338.

Богом и еврейским народом. При этом следует заметить, что автором письменного текста документа в виде Книги Завета был Бог. И это тоже подтверждается Ветхим Заветом: «И сказали они: все, что сказал Господь, сделаем и будем послушны» (Исх. 24:7). Моисей же всего-навсего получил от Бога «скрижали каменные», «закон и заповеди», которые Господь «написал для научения их» (Исх. 24:12). Далее в Библии говорится: «Скрижали были дело Божие, и письма, начертанные на скрижалях, были письма Божии» (Исх. 32:16).

Сам же Моисей всегда говорил о **Божьем Законе**. Например, он выполнял от имени Бога также функцию верховного судьи, которая определялась пророческим статусом Моисея — суд, как и закон, считался Божественным: «...народ приходит ко мне просить суда у Бога; когда случается у них какое дело, они приходят ко мне, и я сужу между тем и другим и объявляю уставы Божии и законы» (Исх. 18:15–16). На первый взгляд, может показаться, что это уточнение не имеет принципиального значения. Однако, называя Божий Закон «Законом Моисея», мы тем самым ставим под сомнение его Божественное происхождение. Поэтому является также ошибочным называть учение И. Христа «Новым Законом И. Христа», ибо Он не только не является автором Евангелия, но и не может претендовать на соавторство. И Моисей, и И. Христос, так же, как и Пророк Мухаммад, исполняли волю Всевышнего, доводя Его слова до людей. Мусульмане, кстати, всегда считали и сейчас считают, что Коран — это Закон Аллаха, и никто никогда не слышал, чтобы эту Священную книгу называли «Законом Мухаммада».

Традиционно принято считать, что Моисей получил от Бога скрижали с высеченными 10 заповедями. Во времена Моисея Его, т. е. того, кто общался с Моисеем, именовали Яхве, но затем это обращение к Богу было признано непочтительным и к нему стали обращаться просто Аданат — Господь. А. А. Гусейнов

отмечает, что «когда говорят “кодекс Моисея”, то обычно имеют в виду именно Десять заповедей, хотя на самом деле нормотворческая деятельность Моисея ими не исчерпывается»¹. Десять заповедей в законодательной части Пятикнижия характеризуются тем, что Яхве возвестил их израильтянам Сам, естественно, не без помощи Моисея, а при активном его посредничестве. Но ведь так называемый Закон Моисея содержит помимо этих Десяти заповедей сотни других законов, по которым должны жить и жили израильтяне. Будем считать, что автором этих Десяти заповедей является Бог, ибо Он сам лично диктовал их Моисею. Мог ли Бог также предписать огромное количество законодательных актов через Моисея? При положительном ответе можно считать, что Пятикнижие целиком является Законом Яхве, а не Моисея. Если же только 10 заповедей переданы Моисею, а остальная законодательная часть Пятикнижия к Господу Богу — Яхве отношения не имеет, соответственно нельзя считать этот Закон законом Бога. Но значит ли это, что тогда помимо Десяти заповедей все, что есть в Пятикнижии, — творчество Моисея? Кто же является автором Пятикнижия? Почему Пятикнижие именуют Законом Моисея? П. Д. Баренбойм считает, что правовые нормы, а значит, и уголовно-правовые, изложены в Ветхом Завете от имени Моисея, который, в свою очередь, представлял их от имени Бога². Употребление слова «представлял», на наш взгляд, свидетельствует о неуверенности автора в том, что Моисей имеет отношение к Пятикнижию. Тогда получается, что автором этого Закона является Сам Господь Бог. Но как, посредством кого Он передавал эти законодательные нормы в течение сотен лет?

¹ Гусейнов А. А. Десятисловие Моисея: канон справедливости // *Философия права Пятикнижия*. М., 2012. С. 56.

² Баренбойм П. Д. Библиейский момент философии права // *Философия права Пятикнижия*. М., 2012. С. 115.

А не значит ли это, что за исключением Десяти заповедей остальная часть Пятикнижия — это творчество многих людей после смерти Моисея? В. Сорокин также считает, что Тора была предложена народу, т. е. евреям, через посредника — Моисея: «Собственно, традиция приписывает ему (Моисею. — *И. Р.*) не только Декалог, но и все Пятикнижие в целом»¹.

Одним словом, на сегодня нет четкого ответа ни в науке, ни в теологии на вопрос о том, кто является автором Пятикнижия — Бог Яхве или Моисей?

Отсутствует также однозначный ответ на вопрос об исторической фигуре самого Моисея. П. Д. Баренбойм пишет: «Сомневающимся в историчности Моисея, как и сомневающимся в историчности Сократа ничто не мешает анализировать их мысли о праве, древность записи которых уж точно исторически доказана и не может вызывать сомнений»². Поэтому, считает автор, сейчас, в XXI в., уже не важно, Бог диктовал Моисею законы или он сам их писал на вершине вулканической горы, а потом преподнес людям от имени Бога. Неважно даже, существовал исторически Моисей или это мифологическая фигура, воплощающая в себе некие идеалы, выработанные за века коллективной человеческой мыслью. С точностью не доказаны историческое существование Лао-Дзы, Будды, Сократа, что не мешает человечеству тысячелетиями воспринимать их идеи. Сегодня это уже вопрос не религиозности, а сути того, что они провозглашали. А воинствующий постсоветский атеизм вообще не является здесь каким-либо аргументом. При всех спорах о датах ни у кого уже не вызывает сомнения, что правовые идеи, написанные в Библии от имени Моисея, отредактированы при всех последующих переписываниях и появились

¹ Сорокин В. Тора: Пространство правовое и пространство духовное // *Философия права Пятикнижия*. С. 178.

² Баренбойм П. Д. Библейский момент философии права... С. 104.

в окончательном виде не позже VI–V вв. до н. э. Сам же он существовал (если существовал) в период VI–XI вв. до н. э.¹

П. Баренбойм считает Моисея первым известным философом в истории философии права. По его мнению, Пятикнижие — первые пять книг Ветхого Завета — являются началом философии права, из которого проистекают все важнейшие постулаты и нормы правовых систем иудаизма, христианства и ислама². Следовательно, как утверждает П. Д. Баренбойм, философия уголовного права начинается с Пятикнижия, а Моисей является первым известным истории философом права, а значит, и уголовного права. Он задается вопросом: «Если Сократ, не оставивший ни одной собственной книги, является общепризнанным основателем политической философии, то почему Моисей, пять книг которого сохранились в составе Ветхого Завета, а последняя существенная редакция последующими переписчиками в основном завершилась к VI в. до н. э., сотню-другую лет до рождения Сократа, не может рассматриваться как отец философии права»³.

Потому что до Пятикнижия появились Законы Хаммурапи, которые были составлены вавилонским царем примерно за тысячу лет до Ветхого Завета.

Кроме того, в Законе Моисея можно найти несколько цитат, пришедших прямоком из Законов Хаммурапи (см.: Лев. 24:19; Втор. 19:21). Об этом будет сказано подробно в другом разделе. Наконец, до сих пор еще не выяснен окончательно вопрос относительно авторства Моисея Пятикнижия. Ведь традиционно считается, что автором Писания является Яхве, а Моисей

¹ См.: Баренбойм П. Д. А. П. Лопухин о философско-правовом учении Моисея // Бог. Человек. Конституция / под ред. А. И. Овчинникова. С. 115–116.

² Баренбойм П. Д. Библиейский момент философии права... С. 103.

³ Там же.

только был в качестве посредника между Богом Яхве и народом Израиля, в то время как царь Хаммурапи — историческая личность, являющаяся автором Законов Хаммурапи.

Тогда с таким же успехом, к примеру, можно отметить в качестве философа права и Хаммурапи, который тоже предложил своему народу законы от лица богов — покровителей своей страны. Отличия лишь в том, как правильно отмечает В. Сорокин, что Хаммурапи не был лидером-харизматиком в библейском смысле слова. Он, действительно, воспринимался своими подданными как посредник между ними и высшими силами, но не потому, что он был избран богами, а потому, что занимал место царя¹. То же самое можно сказать и о Ману, который является создателем не менее значимого с точки зрения права документа — Законов Ману. Позже мы более детально обратимся к этим законам.

Влиятельный мыслитель Филон Александрийский (ок. 25 до н. э. — 50 н. э.) рассматривал Моисея в первую очередь как философа. В любом случае отнесемся с уважением к мнению древних иудеев, убежденных в том, что Закон Моисея и комментарии к нему даны Самим Богом народу Израиля через этого великого пророка.

Авторитетный библеист Ахад Ха'аш писал более ста лет назад: «Меня не заботит, действительно ли существовал человек Моисей. Даже если мне докажут, что человек Моисей никогда не существовал или что это был не такой человек, каким он представлен, никто не отнимет и маленькой части исторической реальности идеального Моисея, который остается нашим лидером не только на сорок лет хождения по всевозможным пустыням со времен Исхода»².

¹ См.: *Сорокин В.* Тора: Пространство правовое и пространство духовное // *Философия права* Пятикнижия. М., 2012. С. 181.

² *Kizsch J. A. Life. N. Y., 1999. P. 364;* — Цит. по: *Баренбойм П. Д., Лопухин А. П.* О философско-правовом учении Моисея // *Бог. Человек. Конституция* / под ред. А. И. Овчинникова. М., 2023. С. 116.

Традиционно считается, что **Десять заповедей**, или **Декалог**, — древнейшие из еврейских законов, где можно встретить понятие преступления и наказания, — были получены Моисеем от Бога примерно в XV в. до н. э., за 480 лет до начала строительства Храма Соломона. Десять заповедей представлены в Пятикнижии в двух вариантах, которые реализуются по своим объемам: вариант к книге Исход состоит из 62 слов, вариант к книге Второзаконие — из 89 слов.

Что это за документ, в чем его суть? Что требует Бог Яхве от израильтян через Моисея в этом Декалоге? Если коротко, то суть заповедей Десятисловия — способность жить по законам, предначертанным Богом, по Его законам. Если исходить из того, что центром всех усилий Яхве с помощью Моисея посредством Декалога является государственное устройство Израиля, создание политической системы для объединения и становления еврейского народа, то Десятисловие следует считать в первую очередь документом законодательным, в котором, кстати, особое внимание уделяется именно институту преступления: «не убивай», «не прелюбодействуй», «не кради», «не производи ложного свидетельства на ближнего твоего». В целом, из содержания Декалога видно, что Бог делает ставку не на убеждение и свободу духа, а на принудительную силу заповедей. Поэтому Десятисловие с государственно-политической точки зрения благоразумно и эффективно с учетом уровня развития еврейского народа, но по нравственным критериям эти заповеди слишком спорны. Можно даже сказать, что моральные критерии в этом документе отсутствуют, ибо некоторые особенности Декалога концентрируют внимание не на внутреннем мире человека, не на моральном образе мыслей, а на внешних действиях человека. Принципы Декалога выступают как принуждение, а иногда даже как угроза: «...ибо Я Господь, Бог твой, Бог-ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода...» (п. 2 Десятисловия).

В дальнейшем мы убедимся, что смысловым центром Закона Моисея, основанного на принципах Декалога, будет не милосердие и добродетель, а суровость, жестокость и беспощадность. А. А. Гусейнов отмечает, что «идея милосердия и добродетели в ней (в Десятиисловии. — *И. Р.*) выражена крайне слабо... и не обрела самоценного значения...»¹.

Из 10 заповедей первые четыре требуют от людей должного отношения к Богу, к Его почитанию и Его наставлениям на сей счет (Исх. 20:3–4, 7–8), а в других наставляют, как по-доброму относиться к ближним и не обижать их, и не причинять им вреда (Исх. 20:12–17). Десятиисловие (Декалог) — самый краткий и самый известный в истории кодекс правил, который можно считать руководством для праведной жизни. В то же время Десять заповедей являются религиозной основой института преступления и наказания. Вместе с тем это самое близкое сочетание, скорее даже переплетение нравственных и уголовно-правовых норм, правил и принципов. Несомненно, не трудно заметить более широкое нормативное пространство моральных и религиозно-моральных требований: «Законник, искушая Его, спросил, говоря: “Учитель! Какая наибольшая заповедь в Законе?” Иисус сказал ему: “Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: “Возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь Закон и Пророки”» (Мф. 22:35–40; Втор. 6:5; Лев. 19:18).

Следует обратить внимание на три различных истолкования смысла и назначения 10 заповедей: 1) как исключительно моральных наставлений, так как отсутствуют санкции за их нарушения; 2) как правовых правил, которые содержат зачатки правовых норм; и 3) как тесное переплетение моральных

¹ Гусейнов А. А. Великие моралисты. М., 2008. С. 110.

и правовых норм, что является, по нашему мнению, наиболее убедительным истолкованием.

С юридической точки зрения, каждая заповедь имеет вполне конкретный смысл. Например, запрет на убийство: «не убивай». Пять заповедей, образующих вторую часть Декалога, закладывают основу института преступления и наказания. Эти заповеди возвышают народ, делают его великим, ибо они законы праведные: 1) «Не убивай» (Исх. 20:13; 21:12; 13, 14. Второзаконие. 17:6); 2) «Почитай отца твоего...» (Исх. 20:12); 3) «Не прелюбодействуй» (Исх. 20:14; Втор. 21:11; Исх. 21:20); 4) «Не кради» (Исх. 21:20; 20:15; 22:7); 5) «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» (Исх. 20:16; Втор. 19:15).

Среди Десяти заповедей только три непосредственно имеют отношение к религиозным нормам. Может казаться, что вторая заповедь: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им; ибо Господь, Бог твой, ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои», — не имеет юридического, правового характера, однако потом, когда за это деяние Закон установит строгое наказание, мы убедимся, что и эта заповедь, по сути, является уголовно-правовой, ибо Господь Бог определил поклонение и службу кому-либо другому тяжким преступлением. На первый взгляд, заповедь: «Почитай отца своего и мать свою» имеет, скорее, не правовой, а нравственно-воспитательный смысл. Однако далее в Исходе будет сказано: «Кто ударит отца своего или мать свою, того должно предать смерти». Вот это деяние уже является уголовно-правовым, т. е. преступлением, и воздаяние ему — смерть. Даже, «кто злословит отца своего или мать свою...» также карается смертью (Исх. 21). Как видим, Десятисловие представляет собой систему религиозных, повседневно-

житейских, нравственных и юридических (правовых) норм. При этом более всего в этом документе Бог уделяет внимание тем деяниям человека, которые, по Его мнению, являются особо опасными, а значит, более запрещенными. Что касается наказания, в Декалоге Бог предупреждает о наказании только за неисполнение Его заповедей, касающихся религиозных установлений. А. А. Гусейнов считает, что «десять заповедей — это общие религиозно-нравственно-юридические принципы, своего рода философия Моисеева законодательства»¹. Следует отметить, что заповеди, которые Моисей якобы получил лично из руки Бога, присутствуют фактически во всех религиях, включая те, которые возникли задолго до иудаизма. Например, такие заповеди, как «не убий», «не кради», «не прелюбодействуй», фиксировались в индуизме и буддизме. Есть совпадение двух Десяти заповедей: Бога Яхвы и Будды. Кодекс Хаммурапи гласит: «Если кто выбил зубы лицу, равному ему, то ему выбьют зубы» (§ 200). Библия устанавливает: «Око за око, зуб за зуб» (Исх. XXI. 24).

Отсутствие в Декалоге наказаний как таковых означает добровольный характер соблюдения заповедей Десятисловия. Декалог, скорее всего, выступает в роли декларации или конституции, которая провозглашает наиболее важные социальные ценности и излагает общие положения, поэтому в ней отсутствует и ответственность за неисполнение установленных правил поведения. Возможно, Всевышний сознательно отказался от санкций, рассчитывая на то, что израильтяне будут добровольно без принуждения соблюдать запреты. А может быть, Господь Бог еще не определился относительно характера наказаний за нарушение конкретных Им установленных запретов. Ясно одно: по той или иной причине в Декалоге отсутствует средство принудительного воздействия на человека за неисполнение Его воли. И только после того, когда Господь Бог убедился

¹ Гусейнов А. А. Великие моралисты. С. 101.

в том, что созданное Им человеческое существо не в состоянии в силу своего сознания и уровня развития, без принуждения и силы соблюдать правила поведения и запреты, определенные в Декалоге, то заявил о необходимости наказания, которые предусмотрены и называются в остальной части Ветхого Завета, т. е. в книгах: Исход, Левит, Числа, Второзаконие.

Исход. Анализ наказаний, содержащихся в книге Исход, относящихся к Синайскому законодательству, показывает, что, во-первых, подавляющее большинство их является абсолютно определенными и, во-вторых, в основной своей массе они безальтернативные. Безусловно, это можно понимать как превосходство принципа абсолютного равенства перед Законом Божиим всех виновных в преступлениях над принципом индивидуализации наказания. Иными словами, Господь как Законодатель исходит из верховенства принципа равенства над принципом целесообразности и индивидуализации ответственности, что является свидетельством воплощения в законе всеправедности, справедливости Бога как одного из свойств Божиих.

Таким образом, значение принципа равенства как отражение общественных представлений о справедливости наказания за преступления в книге Исход состоит не только в том, что через него утверждалась понятная всем идея допущения и дозволения равного возмездия преступнику, но также тем, что данным установлением одновременно устанавливались пределы наказуемости. Следует отметить, что наказаний, связанных с лишением или ограничением личной свободы, в книге Исход еще не существует. Речь идет только: а) о телесных наказаниях: смертная казнь, членовредительство; б) об имущественных наказаниях: выкуп, лишение имущества; в) об иных наказаниях: порабощение, удаление в город убежища. В связи с этим Д. В. Шедровицкий пишет: «Господь не учредил тюремного (а тем более лагерного) заключения в качестве наказания, ибо

цель Закона Божьего — возмездие, но вразумление и исправление человека»¹.

Левит. Система наказаний по книге Левит, предусмотренных за совершение преступлений, традиционна и схожа с тем, как этот институт был регламентирован в книге Исход. Так же широко применяется смертная казнь. Кроме того, исходя из древнего принципа талиона, предусмотрены и членовредительские виды наказаний за преступное причинение телесных повреждений. Впервые в книге Левит мы находим упоминание о заключении под стражу. Так, например, сына израильянки, совершившего богохульство, привели к Моисею и посадили под стражу, доколе не будет объявлена им воля Господня (Лев. 24, 11–12). Наказание же в виде лишения свободы в книге Левит не упоминается. Интересно, что Левит содержит зарожде-ние института амнистии. Речь идет об учреждении «священно-го праздника юбилейного пятидесятого года, в честь которого подлежали освобождению из рабства лица, наказанные порабощением за преступления против собственности»².

Книга Числа. Практически, не учреждая новых видов наказания, книга Числа тем не менее вносит свою весомую лепту в развитие института преступления и наказания Израиля. Моисей учреждает новый институт — города-убежища. Это было проявлением гуманизма, которого мы сейчас себе не можем представить.

Закон о городах-убежищах предусматривал выделение городов в качестве убежища для того, кто «убьет ближнего своего неумышленно, не ненавидя его ни вчера, ни третьего дня» (Втор. 19:4), чтобы не «проливалась кровь невинного в стране

¹ Шедровицкий Д. В. Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево. М., 2003. С. 446.

² Беспалько В. Г. Учение о преступлении и наказании в Пятикнижии Моисея: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 5, 22.

твоей» (Втор. 19:10). Из этого установления вытекает, что Бог требует, чтобы были отделены три города, где должны быть убежища, куда могут убежать убийцы и остаться живыми. Но это в том случае, если убийства совершены без намерения, т. е. неумышленно, что свидетельствует о том, что убийца и жертва не были врагами ни вчера, ни третьего дня: например, если кто пойдет с ближним своим в лес рубить дрова и размахнется, чтобы срубить дерево, но соскочит железо с топорика и попадет в ближнего и он умрет (пример из самого Закона). Законодатель понимает, что мститель за кровь сгорая не в состоянии будет погнаться за убийцею и не догонит его, ибо путь длинный до города-убежища. Это способствует предотвращению кровной мести, которая, видимо, к этому времени существовала. Но если это будет убийством умышленным и убийца убежит в город-убежище, то его должны вернуть и передать властям.

Второзаконие. Книга Второзаконие содержит собственную формулу талиона (*inustalion*): «Душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу» (Втор. 19, 21). Таким образом, и во Второзаконии справедливость выражается Богом через присущий древнему обычному праву принцип талиона, согласно которому мера наказания должна буквально воспроизводить вред, причиненный преступлением. Характерная особенность Второзакония — отчетливо проявляющаяся в нем установка пророка Моисея на внушение народу понимания незыблемости закона в качестве его основного и непреложного принципа. Обращаясь к народу своему, он говорит: «Итак, люби Господа, Бога твоего, и соблюдай, что повелено Им соблюдать, и постановления Его, и законы Его, и заповеди Его во все дни» (Втор. 11, 1).

Следует особо подчеркнуть стабильность законодательных норм Ветхого Завета и последовательность применения смертной казни. Так, например, система наказаний по книге Левит традиционно схожа с тем, что данный институт был

регламентирован в книге Исход, ибо также широко применяется смертная казнь за подавляющее большинство преступных деяний.

В книге Числа, так же как и в предыдущих книгах, по-прежнему лидирующее место в системе наказаний занимает смертная казнь с дифференциацией способов исполнения: как правило, побивание камнями, повешение. Для более эффективного психологического устрашения применяется сожжение. За умышленное убийство допускается также кровная месть. Устрашение людей через угрозу смертной казни мыслилось библейским законодательством в Пятикнижии самым эффективным средством сдерживания преступных проявлений. Современные ученые-правоведы отмечают родство Ветхого Завета и уголовного законодательства, а книгу Исход называют главным источником уголовно-правовых норм христианства. При этом они исходят из того, что данное законодательство восстанавливает в человеке Богом данный природный закон. Иудейская и основанная на ней христианская уголовно-правовые доктрины придерживаются убеждения, что Бог — главный автор всей описываемой в Пятикнижии древней системы преступлений и уголовных наказаний, в том числе смертной казни, получившей обобщенное название Моисеева законодательства по имени проводника этих запретов, санкций в народную среду. В соответствии с имеющимися историко-религиозными источниками можно сделать вывод о том, что после получения Моисеем от Господа на горе Синай нового кодекса и обретения скрижалей правовая система Древнего Израиля получила и целую систему преступлений и наказаний, которые с санкции Божией по предусмотренным законом Божиим основаниям еврейские судьи смогут самостоятельно своим решением назначать, а другие представители еврейской администрации исполнять. В Синайском уголовном кодексе речь идет именно о системе преступлений и наказаний, а не о каком-то единичном,

преступном деянии. Хотя она и не столь разнообразна, однако является достаточно развитой для того времени, ибо включает в себя различные виды преступлений и наказаний. Итак, первый Божественный Закон был ниспослан через Моисея, чтобы направлять жизнь человека в его отношениях с сообществом людей, живущих под Богом. И в достижении этой цели Всевышний уделяет особое специфическое место именно институту преступления и наказания, который постоянно был предметом критики из-за чрезвычайно сурового характера мер уголовной ответственности, присущих этому закону.

Таким образом, можно утверждать, что в основе письменных источников норм иудейского уголовного законодательства — Тора (Пятикнижие), Талмуд, Шулхан арух, Ветхий Завет — лежат именно эти Десять заповедей. Тора — сердцевина Ветхого Завета и означает Закон. Потом термин «Тора», или «Закон», обрел более широкое значение и стал указывать на первые пять книг Библии (Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие).

3. Понятие преступления. Все нормы уголовного законодательства Моисея переплетены с нравственными и религиозными предписаниями. Поэтому Закон не дает четкого определения понятия преступления, которое одновременно считается грехом.

Всевышний ни в одном из своих Священных посланий, в том числе и в Ветхом Завете, не определяет понятия преступления и наказания. Однако глубокое осмысление постановлений Господа Бога в этих книгах позволяет нам уяснить то, что Он вкладывает в их содержание и как велит нам понимать сущность этих понятий. Иудаизм, как все другие религии, исходит из того, что преступление есть в то же время грех, т. е. понятие «греховность» в религии отождествляется с понятием «преступление». Теологи утверждают, что, поскольку религиозные нормы — нормы от Бога, постольку они не подлежат никакой критике, как и изменению.

Какие же деяния по Ветхому Завету считаются греховными (преступными)? «Проклят тот, кто не выполнит слов учения этого и не исполнит их! И скажет весь народ: амен!» (Дварим. 27/26/). Из этого установления вытекает, что любое поведение человека вопреки этой заповеди можно считать греховным (преступным). «Идущий путем безупречным, идет уверенно, а ступающий кривыми путями, страдает» (Мишлей. 10/9/). Преступлением (грехом) в этой заповеди понимается такое поведение человека, которое не соответствует правильному пути, установленному Всевышним. Одним словом, Ветхий Завет считает преступлением любое деяние, которое нарушает установления, адресованные людям в Писании. В первую очередь, речь идет о деяниях против Бога и религии. Но в чем заключается характер зла, которое имеет тенденции производить преступление–грех против религии?

И. Бентам пишет: «Я говорю: преступления против религии как фиктивного объекта, а не преступления против Бога как реального существа. Ибо какие страдания может слабосильный смертный причинить существу, не доступному страданиям? Как может преступление затронуть его? Будет ли это преступлением против его личности, его собственности, его репутации или его положения?»¹. На самом деле, как можно Всевышнему навредить? Ведь Он Всемогущ. По книге Исход закон требует от преступника лишь действия, такого действия, которое само по себе стало бы свидетельством признания нарушения им нормы. Таким образом, преступление–грех рассматривается как деяние в отрыве от личности человека. Речь не может идти о возможности его «исправления и раскаяния». Даже применение смертной казни за умышленное убийство не преследует цели устрашения. Она есть вариант все того же

¹ Бентам И. Введение в основание нравственности и законодательства. М., 1998. Гл. VIII.

талиона, который был ранее. Иначе говоря, смысл следующий: «Человек, не умеющий пользоваться своим правом на жизнь без того, чтобы лишать жизни своих ближних, должен быть сам лишен этого права»¹. А уже в книге Второзаконие мы видим, что на первый план выходит именно осознание преступником своей вины (Втор. 6:1–9). В. Сорокин считает, что «потому-то и появляется здесь такой вид наказания, как наказание телесное, которое имеет смысл лишь в том случае, если преступника хотят заставить не столько возместить нанесенный им ущерб, сколько задуматься о том, что он сделал»². Очевидно то, что «Тора не наказывает человека за преступление, а помогает ему преодолеть их последствия, поскольку они преодолимы. Тем самым Тора помогает человеку восстановить то духовное качество своей жизни, которое позволит ему пройти Божий суд с наименьшими потерями»³.

Из книги Второзаконие (1:16, 17) Ветхого Завета мы узнаем напутствия Моисея, данные судьям, где он отделяет понятие «преступление» от понятия «грех». Иудеи отвергают идею первородного греха. Они заявляют, что грех — это действие, а не состояние. Из этого следует, что у каждого человека есть право и способность жить в соответствии с Законом⁴. Святой Григорий Богослов считает, что первозданному Адаму был дан «закон для упражнения свободы». Законом же была дана заповедь, какими растениями ему пользоваться и какого растения не касаться⁵. После нарушения этой заповеди человек вкусил

¹ Сорокин В. Тора: Пространство правовое и пространство духовное. С. 204–205.

² Там же. С. 205.

³ Там же. С. 217.

⁴ Иудаизм /авт.-сост. В. А. Барановский, Ю. Н. Иванов. Минск, 2009. С. 7–8.

⁵ Св. Григорий Богослов. Собрание творений: в 2 т. Репринт. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. Т. 1. С. 527.

духовную смерть, а спустя некоторое время и телесную. Природа человека расстроилась, естество «заразилось» грехом. Как поступил Всевышний в этой ситуации? Он решил заставить человека жить по Его правилам, чтобы он не погиб окончательно в своем грехе. И тогда Бог, по своей благодати, дал человеку многочисленные заповеди, по которым следует жить дальше. Псаломпевец Давид так сказал об этом: «Благ и праведен Господь, по сему дарует закон свой согрешающим на пути» (Пс. 24, 8).

Преступлением является отступление еврея от своего народа: «Если еврей отступит от народа своего в дни его тревог, то два ангела возложат ему руки на голову и скажут: “Да будет он отлучен от своего народа во дни его утешения и славы”» (Талмуд — Таанит, 11а). Именно так поступили с Б. Спинозой.

Преступлением считается также отказ от брака и деторождения: «Кто отказывается от супружества, нарушая тем самым заповедь о размножении рода человеческого, тот считается душегубом, уменьшающим число подобий Божьих»¹.

Считается преступлением злословие отца своего или своей матери: «Отца своего и мать свою он злословил; кровь его на нем» (Лев. 29, 9). Убийство как умышленное, так и неумышленное, считается преступлением, хотя наказания и разные (Исх. 21:12, 14).

Является дискуссионным вопрос относительно времени появления запрета на убийство: после заповеди «не убивай» или же еще до этой заповеди? История с Каином показывает, что задолго до заповеди: «Сделал Господь Бог Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его» (Быт. 4, 15). На наш взгляд, заповедь «не убий» не несет того значения, которое мы вкладываем в нее сейчас. Она запрещала убивать евреев. Вообще, все заповеди, упоминающие «ближнего», относятся только

¹ (Иевот, 63б) см.: *Беленький М. С. Иудаизм. М., 1974. С. 210–211, 213.*

к евреям, т. е., убивая еврея, человек нарушает заповедь Священного Писания, где сказано «не убий».

Представляется, что очень важно развести понятия «убийство» как преступление и «смерть» как наказание. Убийство — изначально неприемлемое для Бога и человечества явление, но правовой, писанный запрет на него впервые появляется в Законе Моисея¹. В принципе, Закон рекомендует воздержаться от любых вредных для человека деяний, даже от опьяняющих напитков и одурманивающих средств (Чис. 6, 3; Втор. 28, 39).

Особое внимание в Законе Моисея уделяется предотвращению путем применения самых строгих наказаний к преступлениям нравственного характера: «Не должно быть блудницы, и не должно быть блудника... то и другое есть мерзость пред Господом Богом твоим» (Втор. 23, 17); «Если кто будет прелюбодействовать с женою ближнего своего, да будет предан смерти и прелюбодей, и прелюбодейка» (Лев. 20, 10). Обращает на себя внимание следующий факт: Закон запрещает прелюбодеяние только с женою ближнего своего. Следовательно, не считается преступлением — грехом подобное деяние в отношении жен не ближнего.

Все виды сексуальных отношений были чрезвычайно распространены практически у всех языческих народов. Поэтому следует обратить внимание на введение Моисеем целого ряда сексуальных запретов — на гомосексуализм, скотоложство, а также на интимные отношения близких родственников — детей с родителями, брата с сестрой, свекра с невесткой и т. д. Это был гигантский шаг вперед в формировании новой сексуальной культуры человечества. Многие народы Востока в древности не видели ничего предосудительного в удовлетворении своих сексуальных потребностей с животными, а греки и римляне

¹ См.: Мировые религии о преступлении и наказании / науч. ред. А. Толкаченко, К. Харабет. М., 2013. С. 87.

аналогичным образом относились к гомосексуализму. Запрет Всевышнего на определенные сексуальные отношения — стремление положить конец половой распущенности и укрепить институт семьи. Однако Господь понимал, что этого невозможно добиться нравоучением, в силу неразвитости созданного Им существа, а необходима жесткая уголовно-правовая санкция, вплоть до смертной казни. Институт семьи объявляется священным. Поэтому вводится суровое наказание также за супружескую измену. Если большинство сводов законов Древнего Ближнего Востока, например, предусматривали прощение со стороны обманутого мужа неверной жены и ее любовника, то Кодекс Моисея, напротив, требует предания обоим смерти, так как усматривает в прелюбодеянии глобальную угрозу институту семьи и общественной морали.

Высшая мера предусмотрена также за изнасилование, обязательным признаком которого должно быть наличие сопротивления со стороны женщины: например, она должна звать на помощь.

Наличие многочисленных взглядов, источников в иудаизме показывает, что отношение к преступлению и наказанию зависит от мировоззрения конкретного человека и от того, к какому идейному течению он принадлежит. «Вора следует наказывать строже, чем разбойника, ибо он, действуя втихую, боится человека, а не Бога» (Иоханан б. Закхай — Микилша, 22:6). В Талмуде сказано о том, что в определенных условиях ложь допускается: «Запрещена любая ложь, если только она не способствует миру и покою» (Талмуд — Берита Перек Хошалаш).

4. Понятие наказания. «Отмщу врагам Моим и ненавидящим Меня воздам» (Втор. 32, 41). Основная цель Закона — устрашение, т. е. Господь Бог посредством наказания желает держать народ Израиля в страхе: «Весь Израиль услышит и убоится, и не станут впредь делать» (Втор. 13, 15); «Весь народ услышит и убоится и не будет впредь поступать дерзко» (Втор.

1–7, 13). Мотивом правопослушного поведения, считает Закон, является страх наказания, ибо он намного сильнее, чем жажда награды: «Не говори: “Я не желаю запретной пищи, запретной одежды или запретной любви”. Говори иначе: “Я желаю все это, но отказываюсь от всего, ибо Отец наш Небесный запрещает”» (Элеазарт. Азария — Сифра к Левит, 20626). Здесь прослеживается важная мысль о том, что Закон нельзя нарушать именно потому, что он дан, установлен Богом.

Закон предусматривает в качестве истребления зла, насилия, убийств — наказание как кару. Этим ставится знак равенства между наказанием и карой. В то же время за некоторые виды преступления этот знак равенства снимается, и Закон устанавливает, что кара по степени тяжести (строгости) выше наказания. Таким образом, Закон в определенных случаях определяет наказание как меру возмездия неравносильным каре, т. е. менее строгим.

«А кто поступит так дерзко, тот должен умереть, — и так истреби зло от Израиля» (Втор. 17, 12). Понятно, что речь идет о смертной казни как наказании. Всевышний считает смертную казнь именно карой. Наказание и кара направлены также на предупреждение преступлений со стороны других, т. е. на современном уголовно-правовом языке речь идет об общем предупреждении, превенции: «И так истребит зло из среды себя; и прочие услышат, и убоятся, и не станут впредь делать такое зло среди тебя» (Втор. 19, 19–20). Из содержания этого установления Закона видно, что Господь Бог возлагает большие надежды на наказание и кару в борьбе с преступностью и злом. Наиболее строгий вид наказания — **смертная казнь**, или, как было отмечено, кара, которая как бы выделяется из системы наказания. Ее основой является постулат «душу за душу» (Втор. 21, 23). Смертная казнь согласно Пятикнижию полагается только за умышленное убийство, если, конечно, оно совершенно преднамеренно. Но если еврей убил язычника, т. е. не еврея,

то он не может быть казнен. В законах о наказаниях за убийство различаются: убийство с намерением, которое влечет смертную казнь и убийство без злого умысла. В этом случае убийца может бежать в укрытие. Смертью карались похищение и продажа в рабство соплеменников. Под особой защитой находятся жизнь, здоровье и честь родителей от посягательств со стороны детей. За удар своего отца или своей матери, а также в отношении того, «кто злословит отца своего или свою мать», — смертная казнь (Исх. 20:12–17). Это наказание применялось также за многие другие деяния: за скотоложство, за приношение жертв другим богам (Исх. 22:18–20), за прелюбодеяние с замужней женщиной (Втор. 22:22), изнасилование, мужеложство и т. д. (Лев. 20:9:21). Наиболее тяжкие наказания предусмотрены за отступление от религиозно-обрядовых предписаний: непочитание субботы, подстрекательство к идолопоклонению, к хуле на Бога. Смертная казнь осуществлялась путем побивания камнями, пронзания копьем, повешения, сожжения, которые имели целью особое устрашение. Этот способ был предусмотрен, например, для тех, «кто возьмет себе жену и мать ее» (Лев. 20, 14).

Повешение — наиболее распространенная форма смертной казни — наказания: «Если в ком найдется преступление, достойное смерти... ты повесишь его на дереве» (Втор. 21, 22). Из этого положения усматривается, что в Законе отсутствует четкий и окончательный перечень деяний (преступлений), за которые следует применять смертную казнь, и что в реальной жизни приходится сталкиваться с доселе неизвестными преступлениями, которые требуют применения именно этого самого сурового наказания.

Телесные наказания, если виновный будет достоин побоев, — 40 ударов плетью, и не больше, «чтобы не был обезображен перед глазами твоими брат твой...» (Втор. 25:2). К женщине, оскорбившей своего мужа действием, применяется отсечение руки. Видимо, речь идет о рукоприкладстве со стороны жены.

Помимо обычного наказания существовала обязанность приносить в храм для всесожжения жертву за грех и жертву повинности (теляца, мелкий рогатый скот и т. д.) (Лев. 5:4–11). В большинстве преступлений Пятикнижие требует не тюремного заключения преступника, не нанесения ему какого-либо увечья, а выплаты им денежной компенсации пострадавшему от его действий человеку. Существовала и небольшая группа крайне редко встречающихся преступлений, за которые полагалось то или иное физическое наказание — палочные удары или даже отсечение руки (Втор. 25:2–3, 12).

В Книге Исаяи содержится высказывание, относящееся к основаниям уголовной ответственности. Господь «воздаст человеку по делам его и за дела людей — по намерению» (Сир. 35, 21). Из слова «воздаст» можно понять, что наказание за преступное деяние характеризуется как воздаяние. В этом сущность наказания Господа. Наказание по Закону Моисея — изначально установленное Богом средство воздействия на созданное Им человеческое существо.

Фундаментальной идеей философии Моисея является идея свободы выбора: человек тем и отличается от животного и стоит даже выше ангелов, что в отличие от тех и от других наделен такой свободой, — и в этом, по большому счету, и заключается суть его подобия Богу. Моисей учит, что человек сотворен по образу Бога, поэтому его жизнь не просто драгоценная, — она священна. Убить человека значит совершить преступление против Бога, причем настолько тяжелое, что за него полагается высшая мера наказания, т. е. своего рода конфискация, отнятие жизни. Этим подчеркивается святость человеческой жизни. Именно в этом заключается суть заповеди «не убий».

5. Уголовное законодательство Моисея позднее оказало серьезное влияние на институт преступления и наказания христианских народов, хотя и утверждается, что Новый Завет в определенном смысле отменяет Ветхий. «...закон духа жизни

во Христа Иисуса освободил меня от закона греха и смерти», — пишет апостол Павел в своем Послании к римлянам (Рим. 8:2). Внедрение воззрений на понятие преступления и сущности наказания христианства началось в Армении, как утверждает Е. Н. Мысловский, в IV–V вв., когда с греческого и сирийского языков были переведены на армянский язык Ветхий и Новый Заветы¹. Примечательно, что армянские правители отвергли развитую систему римского уголовного права как «языческую» и заимствовали иноплеменной институт преступления и наказания, полагая его не земным, а божественным². Речь идет о древнейших памятниках права (вообще-то, уголовного права) — Судебнике Мхитара Гоша (примерно 1185 г.) и Судебнике Смбата Спарапета (1265 г.). Авторы законов буквально дословно цитировали Библию.

Читаем: «Когда войдешь в виноградник ближнего твоего, можешь есть ягоды досыта, сколько хочет душа твоя, а в сосуд твой не клади» (Библия. Втор. XXIII. 24, 192). В Судебнике Мхитара Гоша сказано: «Когда войдешь в виноградник ближнего твоего, можешь есть ягоды досыта, сколько захочешь, но не собирай в сосуд...» (Армянский судебник Мхитара Гоша — 1185 г. Ереван, 1954, с. 193).

«А если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб» (Библия. Исх. XXI. 23, 24, 25). А вот Судебник Мхитара Гоша: «Око за око, зуб за зуб, рука за руку, нога за ногу, обожжение за обожжение, рана за рану, ушиб за ушиб. По Божественному милосердию Евангелия наказание это заменит возмещением соразмерно цене крови» (Судебник Мхитара Гоша, с. 162). Как видим, звучит несколько иначе, чем в Библии.

¹ См.: Мысловский Е. Н. Религиозно-светские начала уголовно-правовых норм // Философия права Пятикнижия. М., 2012. С. 537.

² Там же.

Это есть влияние Евангелия, т. е. уже в христианской религии обычай мести «око за око» видоизменяется.

В армянских судебныхниках усматривается явное неравенство перед уголовным законом христианина и человека другой веры, в частности турка-мусульманина. При этом речь идет не только о христианине-армянине, а вообще о всех людях, принадлежащих к христианской религии. Кстати, такое же неравенство можно встретить и в Законе Моисея.

Читаем: «Если чужеземец убьет христианина, то он должен умереть, а если он убил его нечаянно (неволью), то ему отрубают обе руки и берут с него цену крови... А цена крови мусульманина составляет одну треть этого... Эти деньги нужно платить за такого мусульманина, который является подданным царя... Если же убийство было непреднамеренным, то платить в казну лишь половину назначенной суммы, и казна поделит ее с родственниками убитого турка...» (Судебник Смбата, с. 10). «Если неверный убьет христианина, то ввиду великой ненависти между нами закон велит приговорить неверного убийцу непременно к смертной казни...» (с. 33).

Армянские судебники ссылаются на Моисея и на его Закон: «Если человек убьет кого-нибудь без суда, то его за это приговаривают к мучительной смерти по закону Моисея» (Судебник Смбата, с. 95): «Тот, кто украдет христианина, увезет его и продаст неверным, тому по старому закону невозможно оставаться в живых...» (с. 18); «Моисей повелевает устами Бога, что тот, кто бьет своего отца или мать, должен умереть; или кто оскорбляет их и сплетничает, также должен умереть...» (с. 114). Судебники считают также, что бранить и хулить Господа — это грех, за который Сам Господь через Моисея изрек осуждение. За это по закону следует «вывести на ровное место и те, кто это сделал, должны положить руку на его голову и тут же побить его камнями. Таково наказание, как для богатых, так и для бедных...» (с. 74).

Позднее некоторые другие христианские народы переняли армянские судебники и на их основе приняли свои законы (Грузия, Сербия).

Следует отметить, что отечественные ученые достаточно внимания уделяли и уделяют сейчас исследованию влияния Пятикнижия на древнерусское право, в частности и в особенности на институты преступления и наказания. Так, В. О. Ключевский считал, что ряд уголовно-правовых норм Русской Правды сформировался под влиянием книги Исход, где сказано: «Если **кто** застанет вора подкапывающего и ударит его, так что он умрет, то кровь не **вменится** ему; но если взошло над ним солнце, то **вменится** ему кровь» (Исх. 22. 2–3). Ключевский сравнивает этот текст Исхода с текстом Русской Правды (ст. 40) «О воровстве». В Краткой редакции (ст. 38) это звучит так: «Если убьют вора на своем дворе, или у клети, или у хлева, то тот убит, если же вора додержат до рассвета, то привести его на княжеский двор, а если его убьют, а люди видели вора связанным, то платить за него».

§ 2. Закон Моисея и восточные уголовные кодексы

Если существует общество, значит, его члены не могут жить без определенных правил, которым должны подчиняться все. Такие правила приобретают форму законов тогда, когда это общество сформировалось в виде государства. И в обществе, и в государстве, т. е. там, где есть люди, обязательно присутствует поведение, именуемое преступлением, на которое однозначно должно быть противодействие. Еще задолго до того, как Всевышний послал людям первое Священное Писание — Библию, существовало и преступление, и наказание. Об этом свидетельствует и содержание Пятикнижия, например: «Не поступайте по обычаям страны Египет, в которой вы жили, по обычаям страны Ханаан, в которую я вас веду, и не следуйте

законам их. Мои предписания выполняйте и Мои законы сохраняйте...» (Лев. 18:3 и сл.). «По делам земли Египетской, в которой вы жили, не поступайте, и по делам земли Ханаанской, в которую я веду вас, не поступайте, и по установлениям их не ходите: Мои законы исполняйте и Мои постановления соблюдайте, поступая по ним. Я Господь, Бог ваш. Соблюдайте постановления Мои и законы Мои, которые, исполняя, человек будет жив» (Лев. 18:3, 4, 5). Бог использует слова: «по делам», «по установлениям», когда говорит о Египте и Ханаане; «Мои законы», «Мои постановления», когда обращается к народу Израиля. Не значит ли это, что до Послания Всевышнего существовали законы и установления в Египте, Ханаане и вообще на востоке? Ясно одно, что уголовные законы, как и другие правовые нормы, играли важную роль в жизни этих народов, хотя осознание данных законов как важного стабилизирующего и упорядочивающего фактора было выражено слабо. Выполнение установлений и их соблюдение было проявлением существующего правопорядка, а нарушение считалось поступком отвратительным для общества. Обратимся к этим законам и попробуем сравнить их с содержанием Закона Моисея, чтобы убедиться в том, что слишком уж много совпадений в текстах статей, касающихся определения тех или иных деяний в качестве преступных, а также наказаний за эти преступления.

1. Законы Хаммурапи. Время, которое описывается в Библии, — всего лишь 1250 г. до Рождества Христова. Еще за тысячу лет до этого существовал **Свод законов Хаммурапи**, в котором были развернуты законы установления государства в Египте. Библейские события, исход евреев из Египта датируются 1250 г., а первые письменные способы отразить законы относятся к VIII–IX вв. до н. э. Отмечается, что и Авраам, и Иаков, и Лаван жили по вавилонскому праву.

Текст ветхозаветного законодательства имеет некоторые параллели с текстами иных памятников права, прежде всего

законодательством Древней Месопотамии. Иначе и быть не могло, учитывая близость населявших эти земли народов. Однако самое главное отличие библейского от иного законодательства в том, что в Священном Писании право имеет трансцендентное происхождение. В нем явно выражено представление о Боге как об источнике законов. Это не означает, что тексты других законов не имеют «привязки» к божествам¹. Например, законодательные памятники Древней Месопотамии и многие другие опирались на идеи божественных истоков своих норм и велений: «Меня, Хаммурапи, славного, богобоязненного государя, для того чтобы дать сиять справедливости в стране, чтобы погубить незаконных и злых... призвали Ану и Энлиль для благоденствия людей»².

Важной особенностью Ветхого Завета было то, что языческие народы не заключали договор со своими божествами. Поэтому законы, переданные богами людям, воспринимались как средство упорядочения жизни.

Языческие боги считались подчиненными установленным вечно законам бытия. В Месопотамии божество является не творцом законов, а лишь покровителем правосудия. И в этом смысле закон предстает как космическая истина, стоящая выше божества. Однако это было только в теории, а на практике земной законодатель считал себя источником, подлинным автором закона. Однако в Библии Бог сам является автором законов, данных Моисею: «Вот, я научил вас постановлениям и законам, как повелел мне Господь, Бог мой» (Втор. 4:5). При этом законы в Пятикнижии провозглашаются от первого лица и являются не словами человека, а словами самого Единого Бога-Творца.

¹ См.: Бог. Человек. Конституция / под ред. А. И. Овчинникова. М., 2023. С. 180.

² Законы Хаммурапи // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: в 2 т. / отв. ред. Н. А. Крашенинников. М., 2007. С. 12.

Свод законов Хаммурапи — это древнейший из сохранившихся законодательных сборников. Считается, что Хаммурапи получил правосудие от Бога солнца и правды Шамашу. Мардук — Бог-покровитель Вавилона. Он признавался национальным Богом. Хаммурапи достаточно часто ссылается на Бога-«хранителя», «богов-покровителей». «Если (же) этот человек не будет соблюдать мои слова, написанные мною на моем памятнике, не обратит внимание на мое проклятие, не побоится проклятия богов, отменит данное мною законодательство, исказит мои слова, изменит мои начертания, выскоблит мое имя или из страха пред этим проклятием побудит другого (сделать это), то будет ли это царь или вельможа... пусть великий Ану, отец богов, лишит его царского величия, сложит его жезл, проклянет его судьбу». Из слов Хаммурапи видно, что он признает не только одного Бога-хранителя, но и несколько богов, т. е. многобожие. Далее Хаммурапи приказывает, чтобы ни при каких обстоятельствах никто не изменял содержания его закона.

Это напоминает Закон Моисея, который также не может быть изменен, ибо он священный. В этом смысле Законы Хаммурапи отличаются от Закона Моисея только тем, что Законы Хаммурапи составлен им по призыву великих богов (у Моисея один бог) для того, чтобы сильный не обижал слабого, чтобы сироте и вдове оказывалась справедливость. Поэтому Он начертал в Вавилоне свои драгоценные слова на своем памятнике и поставил перед изображением себя, царя-законодателя. Хаммурапи представляет себя как царя справедливости, который озабочен, помимо всего прочего, чтобы сильный не притеснял слабого, чтобы оказать «справедливость сироте и вдове», чтобы «притесненному оказать справедливость». При этом он обращается и в будущие времена: «Царь, который будет в стране, пусть хранит справедливые слова, которые я начертал на своем теле». А вот что говорил Моисей своему народу: «Вот, я научил вас постановлениям и законам, как повелел мне Господь,

Бог мой, дабы вы так поступали в той земле, в которую...» (Втор. 4:5:8).

Хаммурапи неоднократно обращается к справедливости в законе: «Когда Мардук послал меня управлять людьми и доставлять стране благополучие, я вложил правду и справедливость в уста страны и дал благоденствие людям»¹. «Вот справедливые законы, которые установил Хаммурапи, могучий царь, и тем самым давший стране истинное счастье и доброе управление»². Складывается впечатление, что эти слова принадлежат Богу Мардук, а Хаммурапи только доводит их до сведения посредством закона.

Моисей также довел до своего народа 10 заповедей Бога Яхве. Однако «несмотря на этот сонм богов и на благочестивый тон всей приписки, несмотря на то, что весь свод выдается за откровение Шамаша, несмотря, наконец, на то, что в затруднительных случаях дело решает клятва “пред богом” (по документам, главным образом перед Шамашем или Мардуком), все-таки законы не стоят на теократической основе, чужды религиозного и морализующего элемента и с этой стороны отличаются от других восточных кодексов, не различающих права от обычая и нравственности. Кодексу чуждо понятие “преступление”, как греха, отпадение от Бога, нарушение его воли; его законы не знают страха божия, не выводят всего права из любви к богу и ближнему; они рассматривают поступки исключительно с точки зрения материального вреда для личности или опасности для государства и общества. В этом отношении вавилонский свод законов резко отличается от законодательства

¹ Законы вавилонского царя Хаммурапи. Пролог. Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 1. Античность и восточные цивилизации. М., 1999. С. 47.

² Там же. С. 51 (публикации по: Хрестоматия по истории Древнего Востока). Ч. 1. М., 1980. С. 174–179.

Моисея с его ярко выраженным религиозным чувством. Это, впрочем, вполне понятно, если вспомнить, что «еврейский закон мы имеем в том виде, в каком он был внесен в Священную книгу, тогда как вавилонские законы дошли до нас на современном официальном памятнике, в точных выражениях»¹.

Хаммурапи не забыл также установить порядок и процедуру использования законов в обеспечении «правды и справедливости»: «Угнетенный человек, который обретает судебное дело, пусть подойдет к моему, царя справедливости, изображению, пусть заставит прочесть мой написанный памятник, пусть он услышит мои драгоценные слова, а мой памятник пусть покажет ему его дело, пусть он увидит свое решение, пусть успокоит свое сердце...»².

Кодекс Хаммурапи содержит в себе главным образом уголовные и в определенной мере гражданские нормы. В Законах отсутствуют общие уголовно-правовые принципы, нет строгой системы преступлений и наказаний, зато каждый случай разбирается детально и обстоятельно. Тем не менее Кодекс свидетельствует о том, что Вавилония является достаточно развитым во всех отношениях, в том числе культурном, обществом, уже пережившим все стадии своего развития. В частности, из свода законов была упразднена кровная месть, как пережиток прошлого.

Кодекс Хаммурапи представлял собой собрание около 300 формул. Все статьи (если так можно сказать. — *И. Р.*) Кодекса начинаются следующими словами: «Если кто-либо сделает то-то, то подвергается тому-то». Это говорит о том, что законы состоят из перечня случаев жизни и судебной практики, которые и разбираются с большой обстоятельностью для установления

¹ Тураев Б. А. Законы Хаммурапи. 2015. Мультимедийное изд-во Стрельбучского. С. 13.

² Законы вавилонского царя Хаммурапи. Пролог... С. 51.

противоправности и соответствующей ответственности. Так, ст. 218 Законов гласит: «Если врач, делая кому-то тяжелый надрез бронзовым ножом, причинит смерть (этому) человеку или, снимая с чьего-нибудь глаза бельмо бронзовым ножом, повредит глаз (этого) человека, то ему должно отсечь руки».

По своему составу, т. е. по структуре, Законы состоят из трех частей: введения, статей и заключения. Сначала приводятся положения, касающиеся преступлений и нарушения порядка при осуществлении судопроизводства и правосудия. Начиная со ст. 6 речь идет о преступлениях против частной собственности: кража (ст. 6–8); купля-продажа украденного (ст. 9–13); ночная кража со взломом (ст. 21); грабеж (ст. 22–25); кража садовых деревьев (ст. 59). Так, ст. 6 гласит: «Если кто-нибудь украдет храмовое (божье) или дворцовое (в смысле казенное) имущество, то его должно предать смерти; смерти должен быть предан и тот, кто примет из его рук украденное». Предусматривается также ответственность за кражу людей: «Если кто-нибудь украдет малолетнего сына другого, то его должно предать смерти». Смертной казни подвергается преступник и за грабеж: «Если кто-нибудь совершит грабеж и будет пойман, то его должно предать смерти». Существует смертная казнь и за клевету: «Если кто-нибудь, обвинив другого и бросив на него подозрение в убийстве, не докажет этого, то того, кто его обвинил, должно предать смерти» (ст. 1).

Нетрудно заметить суровость наказания за воровство и грабеж. Видимо, это связано с распространением данных видов преступлений. Особо обращает на себя внимание суровость Кодекса за преступления против семейных устоев и нравственности. Закон не использует понятие «прелюбодеяние». Вместо этого употребляются выражения «ляжет спать», «лежащая с другим». Статья 129 гласит: «Если чья-нибудь жена будет захвачена лежащей с другим мужчиною, то должно связавши, бросить в воду». Хотя в Законах Хаммурапи отсутствует

четкий перечень деяний, считающихся преступными, тем не менее к их числу можно отнести кражу, грабеж, кражу со взломом, соучастие в преступлении, преступную группу, не задержание преступников, взлом корчмы, вхождение в корчму, прелюбодеяние, клевету, убийство, убийство мужа и др.

В системе наказаний имеет место принцип талиона, т. е. преступления против личности наказываются по принципу «око за око, зуб за зуб», если субъект преступления (обидчик. — *И. Р.*) и потерпевший равны по социальному положению. Вавилонское общество времен Хаммурапи состоит из трех сословий: класс свободных — граждански полноправные вавилонские подданные; вольноотпущенные — бывшие рабы дворов или храмов (вольноотпущенники); низкий слой — рабы. Следует подчеркнуть резкую обособленность этих сословий в отношении их прав и обязанностей. Например: «Если вольноотпущенник ударит по щеке вольноотпущенника, то обязан уплатить десять сиклей серебра» (ст. 208), но «если чей-либо раб ударит по щеке свободного, то должно отрезать ему ухо» (ст. 205). «Если кто-нибудь повредит глаз у свободного, то должно повредить глаз ему (самому)» (ст. 196). «Если он сломает кость у свободного, то должно сломать кость ему» (ст. 197). Не трудно заметить, что принцип талиона носит скорее символический характер. Так, например, непослушный раб лишается уха, дерзкий приемный сын — языка, виновная кормилица — груди и т. д. Итак, наказания за преступления необычайно суровы. Более чем в тридцати случаев карою за преступления служит смертная казнь. Помимо этого наказания закон предусматривает в системе наказаний членовредительство, нанесение ударов плетью, наложение знаков бесчестья, изгнание из родной местности или родного дома, пожизненную кабалу, потерю должности навсегда. Смертная казнь исполняется в разных формах: удушение, сожжение, посадка на

кол или повешение. Характерно, что Кодекс Хаммурапи почти не предусматривает родовую месть. Мы обратились к Законам Хаммурапи в связи с исследованием института преступления и наказания, чтобы ответить на принципиальный вопрос относительно происхождения Закона Моисея: действительно ли он имеет божественное происхождение, или же существовавшие тогда восточные уголовные кодексы оказали на Закон существенное влияние? Известно, что Моисей был хорошо знаком с египетской и другими законодательными системами, регулирующими уголовно-правовые отношения восточных народов. Поэтому возникает вопрос: насколько новаторским было уголовное законодательство, данное Моисеем евреям? В частности, проведенный А. Б. Рановичем сравнительный анализ Кодекса Хаммурапи и хеттских кодексов с законами Пятикнижия и в самом деле выглядит весьма убедительно в пользу мнения о том, что «Книга Заветов является одним из многих аналогичных восточных кодексов и испытала на себе значительное влияние со стороны последних»¹.

Такой вывод ставит нас перед дилеммой: или сомнительно-божественное происхождение Закона Моисея, или же признание существовавших тогда восточных кодексов также Священными Посланиями. Представляем еще одно мнение. Петр Люкимсон пишет: «Многие страницы Пятикнижия напоминают законодательный кодекс, детально регулирующий имущественные отношения между людьми, а также определяющий наказание за различные виды уголовных преступлений. Эти страницы и в самом деле напоминают законодательные кодексы древних народов, да и было бы странно, если бы было иначе. Однако в области уголовного права Закон Моисеев с точки зрения гуманности представляет собой поистине гигантский шаг

¹ Ранович А. Б. Миф об Исходе и Моисее. Критика иудейской религии. М., 1962. С. 212–215.

вперед по сравнению как с современным ему, так и более поздними кодексами законов древних народов»¹.

Если согласиться с позицией этих авторов, получается, что «и до “Моисеевой” и после нее в передней Азии в обращении были законодательные своды, в которых еврейские законодатели нашли готовые образцы для письменного оформления обычного права и судебной практики своего времени, не нуждаясь в творчестве “богооткровенного пророка”, и при этом заимствовали оттуда ряд постановлений»².

Попробуем сравнить тексты Кодекса Хаммурапи, касающиеся уголовно-правовых отношений, и тексты Моисея, чтобы прийти к какому-то, хотя и неутвержденному и недоказанному фактическому выводу. Кодекс Хаммурапи (п. 21): «Если кто вломился в дом, его убивают на месте взлома», Исход (22, 1): «Если вор захвачен при подкопе, и его ударили, и он умер, нет крови на нем». Как видим, содержание этих статей, по сути, не отличается друг от друга. Некоторые отличия лишь в форме их изложения. И в том, и в другом случае такое деяние считается преступлением. Вор, по Кодексу Хаммурапи и по Пятикнижию, является опасным преступником, поэтому достоин смерти. Приведем еще пару сравнений. Законы Хаммурапи (п. 200): «Если кто выбил зубы лицу, равному ему, то ему выбьют зубы»; Исход (21, 24): «Око за око, зуб за зуб». Законы Хаммурапи (п. 206): «Если кто во время драки ударил другого и при этом нанес ему повреждение, то пусть виновный поклянется: “Сознательно я его не ударил”; он должен также удовлетворить врача»; Исход (21, 18): «Если ссорятся люди и ударит один другого камнями или кулаком, и тот не умрет, но сляжет в постель, то, если встанет и будет выходить из дома с палкой, ударивший не будет повинен, но пусть заплатит за простой и пусть лечит его».

¹ Люкимсон П. Моисей. М., 2013. С. 266–267.

² Ранович А. Б. Указ. соч. С. 212–215.

Можно привести достаточно много примеров, подтверждающих близость многих установлений, как по содержанию, так и по форме оформления, в Законах Хаммурапи и в Законе Моисея. Тем не менее следует заметить, что на фоне не только Кодекса Хаммурапи, но и иных кодексов Ветхий Завет прогрессивен и более человеколюбив. Например, Кодекс Хаммурапи гласит: «Если человек украл либо вола, либо овцу, либо осла, либо свинью, либо же лодку, то, если это принадлежит богу или дворцу, он должен заплатить в тридцатикратном размере, а если это принадлежит мушкенуму (крестьянину-арендатору), он должен возместить в десятикратном размере. Если вор не имеет чем платить, он должен быть убит». За преступление против имущества Ветхий Завет не предусматривает казни: «Укрavший должен заплатить; а если нечем, то пусть продадут его для уплаты за украденное; если он пойман будет и украденное найдется у него в руках живым, вол ли то, или осел, или овца, пусть заплатит за них вдвое» (Исх. 22:3–4). В Законах Ману укравший более пятидесяти пан карается отсечением руки, за хищение коров и иных животных — обеих ног¹. «При первой краже надо велеть отрезать у вора два пальца, при второй — руку и ногу, при третьей — он заслуживает смертной казни»².

Еще более жестко отрицает равноправие и достоинство каждой личности законодательство Древнего мира. Например, в Кодексе Хаммурапи различное наказание полагалось для тех, кто рожден свободными, и для рабов, а также в отношении рабов преступление часто вообще не влекло наказания для свободных. Когда же эти законы (Хаммурапи, Моисея) были оформлены и начали исполняться? При раскопках в Сузах

¹ Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: в 2 т. / под ред. Н. А. Крашенинникова. Т. 1. Законы Ману. М., 2003. С. 116.

² Там же. С. 123.

(1901–1902 гг.) найдена стела с изображением царя Хаммурапи (около 1750 г. до н. э.), получающего законы от Бога Шамама, и с полным текстом этих законов, которые в течение долгого времени были на Востоке образцом уголовного кодекса. Ученые утверждают, что, вероятнее всего, Пятикнижие было окончательно оформлено лишь во времена Ездры — книжника в V в. до н. э. По еврейской традиции, подлинным автором Торы является сам Господь Бог. Кодекс Хаммурапи преподносился от имени царя Хаммурапи. В то же время Хаммурапи начал текст своих законов с напоминания, что, когда Бог Мардук послал его управлять людьми и доставлять стране благополучие, он «вложил правду и справедливость в уста страны и дал благоденствие людям».

Еврейские религиозные авторитеты утверждают, что в отличие от других Писаний, Пятикнижие от начала до конца является абсолютно точным выражением Откровения Бога, а Моисей — единственный автор Пятикнижия и весь его текст продиктован Богом.

Однако следует отметить, что большая часть стоящих на позициях так называемой библейской критики историков и мыслителей убеждена, что текст Пятикнижия является компиляцией нескольких древних источников, ни один из которых не принадлежит перу Моисея; что само еврейское законодательство складывалось постепенно и уже затем было кодифицировано оставшимися неизвестными составителями Пятикнижия¹.

Первый серьезный удар по догмату, что автор Пятикнижия — Моисей, нанес Б. Спиноза, который в своем «Богословско-политическом трактате» выдвинул версию, что канонический текст Пятикнижия был скомпилирован из разных источников книжником Ездрой в V в. до н. э. Кстати, эту мысль

¹ См.: Люкимсон П. Моисей. С. 254.

затем развили и другие библеисты и католические богословы-историки, например Ж. Астрик, Ю. Вельгаузен.

Дата кодификации все время была предметом спора и дискуссий. То утверждалось, что текст Пятикнижия сложился в IV в. до н. э., затем это время было сдвинуто до VI в., потом — до VII и VIII вв. до н. э. Одним словом, дата кодификации в результате все новых и новых археологических исследований Библии постоянно сдвигается в сторону большей и большей древности.

Хаммурапи в своем законе, так же как и Моисей, ссылается на Бога, который требует от Хаммурапи, чтобы он вложил в закон от Его (Бога) имени правду и справедливость. Получается, что Законы Хаммурапи хотя и называется его именем, но автором его является так же, как и Закона Моисея — Бог. Только Бога Хаммурапи зовут не Яхве, а Мардук. Вся разница в том, что если Кодекс Хаммурапи преподносился от его имени и мог поддаваться переработке и изменениям, хотя это было запрещено, то согласно Библии авторство законов, изложенных в Пятикнижии, принадлежит самому Богу, а потому ни одному израильскому царю непозволительно было, да и не приходило в голову издать собственный свод законов. Но если автором этих Законов является Сам Всевышний, Бог Яхве, почему они называются Законами Моисея, а не Бога Яхве? Если бы царь Хаммурапи именовал себя посланником Бога Мардука, то как бы мы тогда его воспринимали? Именно объявление изложенных в Пятикнижии законов, исходящих от самого Бога и тем самым преобразивших статус неизменности и неоспоримости, делало законодательство Моисея принципиально отличным не только от Кодекса Хаммурапи, но и от уголовного Хеттского и Шумерского кодексов, относящихся, вероятно, к эпохе 3-й династии Ура.

2. Уголовный закон Древнего Египта. Большинство исследователей утверждают, что самое древнее государство возникло именно в Египте примерно в XXXIV–XXXI вв. до н. э.

Следовательно, если эти даты действительно соответствуют истине и приняты современной исторической наукой, значит, и история возникновения института преступления и наказания, а точнее понятий «преступление» и «наказание», начинается и эволюционирует именно в Египте. Однако древнеегипетский институт преступления и наказания в отличие от других древневосточных институтов преступления и наказания отличался тем, что он эволюционировался в течение нескольких тысячелетий. В. А. Томсинов отмечает: «В дошедших до нас древнеегипетских правовых материалах времен “старого”, “среднего” и “нового” царств нет ни ссылок на такой свод, ни других каких-либо признаков, которые бы указывали на его существование в эти эпохи. Мало сохранилось от первых эпох истории древнеегипетского государства текстов отдельных законов»¹.

Следует отметить, что понятия преступления и наказания в государствах Древнего Востока обладали отличительными чертами, хотя и имели общие черты. Ясно одно: если было государство, значит, были преступления в этой стране и, соответственно, существовала система наказаний за такие деяния. Понятно, что было бы неправильно говорить об институте преступления и наказания, но понятия «преступление» и «наказание» имели место, т. е. было определено, кого, за что и как наказывать. Но, если, как утверждает В. А. Томсинов, до сих пор не обнаружено ни одного свода действовавших в этой стране правовых норм наподобие, например, Законов Хаммурапи, на основе каких же актов применялся институт преступления и наказания?

Актами древнеегипетского уголовного законодательства, регулировавшими и определявшими понятия преступления

¹ Томсинов В. А. Государство и право Древнего Египта. М., 2011. С. 369.

и порядок применения наказания, можно считать указы царей, о содержании которых свидетельствуют надписи на погребениях, на папирусе, а также описания Диодора.

Понятие преступления, сущность наказания у древних египтян подчинялись религиозному мировоззрению, в основе которого лежала следующая философия: правопорядок в обществе рассматривался неотъемлемой частью порядка вселенной, который является творением (созданием) не человеческим, земным, а божественным. Поэтому такой порядок не может не быть разумным и справедливым. Значит, по разумению египтян, нарушение данного порядка считается преступлением против божественного духа разумности, справедливости и правопорядка. Персональным воплощением этого правопорядка они считали богиню **Маат**. По мнению французского египтолога Бернадетта Меню, «маат — это понятие идеала права (добродетели и справедливости), основанное на фундаментальном различии между добром и злом, противопоставляемое беспорядку, беззаконию, неправде»¹.

Логично, что если **маат** — творение божественного духа, то и институт преступления и наказания — также творение божества египтян, и его функцией является охрана созданного этим богом порядка. Следовательно, сущность понятия преступления и наказания должна выражать сущность **маат** и обеспечивать правопорядок и справедливость. Иначе говоря, институт преступления и наказания должен соответствовать божественному духу справедливости и разумности. Поэтому преступление расценивается как деяние человеческой души, а не тела, откуда следует, что преступник должен нести не столько телесное, сколько духовное наказание. В древнеегипетской религиозной доктрине существовало также понятие «посмертного

¹ *Menu B. Le tombeau de Pétoiris (2). Maat, Thot et le droit // Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. Le Caire, 1995. P. 285.*

суда», смысл которого заключается в определении места души умершего человека в другом, лучшем мире на основании его поступков в мире земном. В. Томсинов отмечает: «Из доктрины “посмертного суда” вытекала идея неотвратимости наказания: если человек во время пребывания на Земле совершил преступление, то он в любом случае получит наказание»¹. Душа человека, совершившего в земной жизни преступление, не допускалась к вечной жизни, т. е. преступник обрекал свою душу на смерть. О религиозной основе института преступления и наказания свидетельствует, например, следующее: воровство личного имущества частного человека считается личным конфликтом (делом) между вором и потерпевшим. Кража же предметов из могил — это уже не нанесение ущерба конкретному человеку, не личное дело, а нарушение вселенского порядка, выраженного в религиозном мировоззрении. Такое деяние относится к категории тяжких преступлений. Преступление считалось не грехом, как в официальных религиях, основанных на Священных Писаниях, а деянием, выходящим за границы нормального функционирования мироустройства, в результате которого причиняется зло всем живым существам. В древнеегипетском мировоззрении преступление рассматривалось как явление, необходимое для существования мира условие. Преступление считалось психической болезнью, а человек, совершивший такое деяние, — психически больным, ибо всякое зло, преступление — явление ненормальное, потому что разумный адекватный человек не может совершать агрессивные деяния. Определение преступления как неотъемлемой части мироустройства общества напоминает теорию Э. Дюркгейма. Философская основа такого мировоззрения основана на том, что любое явление в мире существует только благодаря противоположности его другому. Поэтому «силы зла — хаоса,

¹ Томсинов В. А. Указ. соч. С. 473.

несправедливости, лжи и т. д. — обожествлялись так же, как силы добра: порядка, справедливости, правды»¹.

На основе существующих материалов можно перечислить преступные деяния, т. е. преступления. Так, например, к великим преступлениям относили заговор, а заговорщики считались великими преступниками («Судебный Туринский папирус». Рассказ о «гаремном заговоре против Рамсеса III. Рассказ ведется от имени Рамсеса». «Папирус Роллин». «Папирус Ли»). Эти документы посвящены «гаремному заговору» против Рамсеса III.

К тяжким преступлениям примыкали также деяния, связанные с посягательством на храмы и храмовое имущество. Второй царь XII династии Сенусерт I назначил за эти преступления самые суровые наказания. Под особой охраной находились могилы и погребения, т. е. посягательство, разграбление могил считалось одним из тяжких преступлений и жестоко наказывалось.

Древние египтяне как преступление рассматривали и прелюбодеяние. За это мужчина приговаривался к тысяче ударов палками, а женщине отрезали нос, чтобы лишить привлекательности. Однако насилие над свободной женщиной считалось тяжким преступлением и сурово наказывалось (должна быть отрезана часть гениталий)². Сущность наказания определяется сущностью преступления, т. е. если преступление рассматривается как явление необходимое и объективное, то наказание не могло считаться возмездием преступнику. Поэтому оно считалось мерой, восстанавливающей прежний порядок в мире, разрушенном преступлением. Отношение к применению смертной

¹ Томсинов В. А. Указ. соч. С. 470.

² Bibliothèque historique de Diodore de Sicile. Traduction nouvelle avec une preface, des notes et un index par Ferd. Hoefler. Vol. 1. Paris, 1846. P. 88–89.

казни у древнеегипетских правителей было весьма осторожным. В. Томсинов прав, утверждая, что именно характерное для религиозного воззрения понимание преступления не как греха, но как заблуждения, особого рода психической болезни, вызывающей неадекватное поведение, предопределило весьма осторожное отношение древнеегипетских правителей к применению смертной казни к преступникам¹. Если посредством смертной казни, считали они, нельзя улучшить мир и сделать его более справедливым, зачем нужна эта мера. Лучше использовать телесные наказания, лишение свободы. Смертная казнь эффективна только для бунтовщиков. Как уже отмечалось, заговор считался великим преступлением, за которое предусматривалась смертная казнь. Преступники, уличенные в заговоре против фараона, приговаривались к смертной казни не по инициативе фараонов, а по требованию богов². Таким образом правитель как бы становился не причастным к приговору. По мнению Давида Лортона, вполне возможно, что отнесение смертного приговора в «гаремном заговоре» к божественной юрисдикции проистекает из личной религиозности Рамсеса III в конце его жизни и не должно рассматриваться как регулярная практика при назначении смертной казни³.

В «Судебном Туринском папирусе» имеется запись от имени Рамсеса III, где говорится о его отношении к смертной казни: фараон считал себя не вправе назначать преступникам такое наказание⁴. Поэтому заговорщиков-преступников заставляли

¹ Томсинов В. А. Указ. соч. С. 475.

² Goedicke H. Was Magic Used in the Harem Conspiracy against Rameses III? (P[apyrus] Rollin and P[apyrus] Lee). P. 89.

³ Lorton D. The Treatment of Criminals in Ancient Egypt: Through the New Kingdom // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1977. Vol. 20. N 1. Special Issue on The Treatment of Criminals in the Ancient Near East. P. 32.

⁴ Томсинов В. А. Указ. соч. С. 478.

умереть от своих собственных рук, т. е. совершать самоубийство. В Древнем Египте казнили и за другие преступления и в целом полагали необходимым и целесообразным применение этой меры в довольно многих случаях: за разграбление могилы (запись о допросе свидетелей по делу о разграблении могил царских жен); за похищение статуи бога, священных реликвий и жертвоприношений из храмов (надписи в погребении гераклеополисского правителя Анкхтифи, расположенном в некрополе древнеегипетского города Нефат, относящиеся ко времени X династии, т. е. к периоду между эпохами Старого и Среднего царств).

Смертная казнь посредством сбрасывания преступника на вершину острого столба была предусмотрена за принесение жертвы не Осирису — богу египтян, а другому богу. Назначалась смертная казнь, по свидетельству Диодора, и за клятвенное преступление. Тяжесть этого деяния заключалась в том, что в данном преступлении соединено два тяжких преступления — против богов и против людей.

Все это свидетельствует о том, что могила имела особое значение в религиозной идеологии древних египтян. Они полагали, что человек, следовавший в своей жизни *маат*, не умирал, но раздваивался на духовную часть своей сущности и телесную. Могила не мыслилась пространством раздельного существования тела человека и его души¹, которая при определенных условиях вполне может возвратиться в телесную оболочку, в которой когда-то жила, и произойдет воскресение умершего человека к новой жизни. Именно поэтому могилы были под особой охраной и неприкосновенностью. Методами исполнения смертной казни были сожжение заживо или утопление в Ниле. В частности, на одной из древнеегипетских погребальных

¹ Томсинов В. А. Указ. соч. С. 483.

стел времен Среднего царства высечена надпись: «Его тело брошено в реку»¹.

Удивительно, что у древних египтян нет ни одного правового документа, устанавливающего смертную казнь за убийство. Крис отмечает: «Египетский материал не устанавливает свидетельства о юридической трактовке убийства или нанесении тяжкого телесного повреждения, наиболее очевидных преступлений против личности»². Однако это не означает, что в данном государстве не было таких преступлений. Скорее всего, в принятии какого-либо правового акта за подобные деяния не было необходимости, ибо считалось, что за смерть обязательно должно наступить лишение жизни преступника. Помимо смертной казни, по обнаруженным документам, усматривается, что в качестве наказания применялись и другие методы: обрезание носа и ушей, сто ударов пальмовой палкой, лишение преступника имени. Значение наказания в виде обрезания ушей заключалось в том, что отсутствие ушей фактически закрывало ему путь к вечной жизни, ибо человек не мог более находиться в контакте с богом и получать от него информацию и готовить себя к переходу в потустороннюю жизнь. Лишение преступника имени применялось и в качестве дополнительного наказания к смертной казни. Смысл его заключался в том, что после физической смерти посредством казни душа преступника не существовала. Поэтому лишение его имени означало и казнь его души, так как в представлении египтян душа умершего человека не могла существовать без имени и могилы. За самые тяжкие преступления преступники лишались после смертной

¹ Inscription of Sehetepibre // *Ancient Records of Egypt. Historical Documents / By James Henry Breasted. Vol. 1. The First to the Seventeenth Dynasties.* Chicago, 1906. P. 327.

² Eyre C. J. Crime and Adultery in Ancient Egypt // *The Journal of Egyptian Archaeology.* 1984. Vol. 70. P. 93.

казни и души, и тела, и имени. В частности, о существовании и применении этого вида наказания свидетельствуют надпись из погребения в некрополе Ассиут, датируемая временем между эпохами Старого и Среднего царств, а также описание Диодора. Одним словом, все наказания, по документам Древнего Египта, были предусмотрены с определенным смыслом, основанным, безусловно, на религиозной идеологии. Все вышеизложенное, как видим, свидетельствует о том, что Свод законов Моисея является частью ближневосточной традиции, хотя, безусловно, и отличается от древних кодексов своей фундаментальностью, новизной, а самое главное, божественностью. Итак, Пятикнижие — это систематизированные и писаные законы, данные Моисеем еврейскому народу, в которых институт преступления и наказания — неотъемлемые и важнейшие компоненты Закона. Моисей в Пятикнижии заложил не только религиозные, но и в определенной степени нравственные основы уголовного законодательства.

§ 3. Возмездие как сущность наказания Пятикнижия

Возмездие — несомненно, суть Пятикнижия. Однако следует иметь в виду, что возмездие (воздаяние) — это не изобретение, не идея Всевышнего. М. де Монтень писал: «Жажда мщения — страсть в высшей степени сладостная, ей свойственно некоторое величие, и она вполне естественна»¹. Таким нас создал Всевышний. Страсть связана с потребностью уравнивания, ибо человеку свойственно желать, чтобы учинившему зло, вред, насилие всегда воздавалось тем же. Поэтому мы и относимся к возмездию с чувством удовлетворения и считаем его чем-то должным, справедливым. Согласно достаточно

¹ О природе человека: Монтень, Ларошфуко, Паскаль. М., 2009. С. 151.

распространенному мнению, первым выражением идеи возмездия у всех народов была частная кровная месть, которая основана на предположении о причинах реакции человека на ранних ступенях человеческого развития к таким деяниям, как убийство, грабеж, разбой, нанесение телесных повреждений. Эта реакция человека соответствовала обычаю кровной мести и имела частный характер. Итак, кровная месть — изначальная форма возвращения эффекта действия, которое человек совершил или совершает в отношении других, т. е. **возмездие**. Однако кровная месть существовала еще до Священного Послания Бога Яхве — Пятикнижия. Поэтому кровную месть не следует считать установлением Всевышнего, хотя и Он не воспрепятствовал этому принципу, ибо полагал, что за зло, причиненное кому-либо, должно быть непременно воздано также злом. Всевышний именно в мести дал созданному Им существу обнаружить, проявить свое право на удовлетворение чувства собственности.

Вместе с тем Он дал возможность человеку осознать не только то, что другой такой же причинил ему физическую, телесную боль или материальную потерю, но, самое главное, и то, чтобы он понял и осознал, что унижен и оскорблен и что только посредством кровной мести можно смыть это унижение и оскорбление. Не забыл Бог также и о положительном предупредительном значении кровной мести.

Наконец, наступает то время, когда Всевышний решил узаконить осуществление мести посредством Своего Священного Послания — Пятикнижия принципом: «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека». Он требует, чтобы кровная месть, которая была раньше и существовала достаточно долгое время, была справедливой, т. е. воздаянием (возмездием), равным совершенному деянию, чтобы такая месть явилась выражением нравственной, общественной оценки зла, вреда. Особую оценку Всевышний ставит именно

справедливости при осуществлении возмездия. Представляется, что с этого момента и ведет начало эволюция института преступления и наказания в религии, определенного Самим Богом в Пятикнижии и развитого в последующих Его Посланиях.

Как велит нам Всевышний понимать сущность справедливого возмездия? Он считает, что возмездие должно быть справедливым не потому, что этого требует Он Сам, а потому, что это желание и одобрение живущих в сообществе, ибо именно такая реакция на зло может удовлетворить чувство справедливости всех, кто предвидел возмездие как следствие общественно вредного действия.

Итак, сущность возмездия Пятикнижия характеризуется следующими особенностями. Во-первых, Бог требует, чтобы возмездие было справедливым, поэтому определяет возмездие как путь и способ достижения справедливости. Следовательно, неэквивалентное возмездие — несправедливость. Во-вторых, Всевышний разъясняет большую пользу от предписания вершить возмездие, ибо оно спасает жизнь многим людям и удерживает от совершения зла, насилия, убийства и т. д.

Кому принадлежит право возмездия? Религия, в том числе иудаизм, исходит из того, что сам Бог с сотворения мира взял на себя труд управлять всеми дарами в жизни и физической, и духовной. Он один сделал людей такими, какими они стали теперь. Он их законодатель, их господин и судья. Следовательно, и право отмщения принадлежит Всевышнему, Который может это право делегировать духовным и светским властителям. Из этого положения вытекает, что без полномочий Бога никто не имеет право посягать на жизнь человека и его свободу. В принципе, такой подход религии кажется логичным, ибо правом возмездия или других средств воздействия обладает тот субъект, который установил правила поведения, определил, какое поведение считать правильным, а какое — противоправным, т. е. преступлением. Поэтому, если исходить из того, что

Всевышним установлены соответствующие правила, которые следует соблюдать, значит, за их нарушение возмездие следует именно от Него, ибо Он является автором Священных Писаний.

Существуют разные формы эквивалентного возмездия. Всевышний в Пятикнижии предлагает самый простой из них — талион («воздавай тем же за то же и в той же мере»).

Классическая формула талиона содержится помимо Пятикнижия и в Коране. В Пятикнижии талион проникнут духом устрашения, т. е. Бог посредством талиона желает предотвратить агрессивность людей и покончить с насилием.

Иудаизм исходит из того, что справедливость требует воздаяния злом за зло. Это начало прямо выражено во всем Послании, начертано Творцом в разуме и совести человека и базируется на постулатах Ветхого Завета: наказание — воздаяние за зло; устрашение по правилам талиона — «око за око, зуб за зуб» (Втор. 19:21); «Убойтесь меча, ибо меч есть отмститель неправды, и знайте, что есть суд» (Иов. 19:20); «Я накажу мир за зло, и нечестивых — за беззаконие их, и положу конец высокоумию гордых, и уничижу надменность притеснителей... По мере возмездия, по этой мере Он воздаст противникам Своим — местию» (Исх. 13:11; 59:18).

Классическая форма талиона содержится в Ветхом Завете: «А если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб» (Исх. 21:23–25).

В книге Левит дается более широкий перечень текста: «Кто сделает повреждения на теле ближнего своего, тому должно сделать то же, что он сделал: перелом за перелом, око за око, зуб за зуб; как он сделал повреждение на теле человека, так ему должно сделать. Кто убьет скотину, должен заплатить за нее; а кто убьет человека, того должно предать смерти» (Лев. 24; 19–21). В книге Исход об этом сказано так: «А если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу

за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб» (Исх. 21:23:25).

Несомненно, талион гарантировал хоть какую-то объективность и был прогрессом, шагом вперед, ибо внедрение этого принципа было способом рационализации уголовно-правового регулирования, являлось мерой, вариантом важнейшей проблемы — соразмерности преступления и наказания. Поэтому трудно согласиться с тем, что принцип талиона является абсолютным злом. А. И. Бойко подчеркивает: «Принятие идеи наказания как возмездия при всех ее модификациях приводит логически к признанию талиона... влечет за собою признание того, что наиболее эффективны самые строгие наказания и необходимость реанимации идеи талиона, несовместимой с представлениями о правопорядке в современном цивилизованном обществе»¹.

Для Ветхого Завета закон возмездия имеет другую сущность, которая характеризуется беспощадной жестокостью, местью. Э. Гельбиати и А. Пьяцца пишут: «Здесь мы видим очень примитивную, но вместе с тем справедливую форму уголовного права; она давала возможность предохранить невинных от нападения и сурово наказывать виновных, строго соразмеряя наказание со степенью тяжести преступления. ...Центральная власть никогда не была сильна и не могла пресекать преступления, закон возмездия применял всякий, кто был в состоянии это сделать, и это не являлось незаконным действием, если по-другому нельзя было осуществлять правосудие. Мечь и правосудие становится в таких обстоятельствах синонимом»².

Смысл принципа равного возмездия, понимаемый как ответная справедливость в Ветхом Завете, на практике порой

¹ Бойко А. И. Система и структура уголовного права. Ростов н/Д, 2008. Т. 2. С. 390.

² Гельбиати Э., Пьяцца А. Трудные страницы Библии. М., 1995. С. 257.

приводит к несправедливости. Так, например, если обвиняемый, выбивший кому-то глаз или повредивший руку, имеет один глаз или у него одна рука, при применении этого принципа остается без глаз или без рук. Следует заметить, что эти требования относятся к соплеменникам и людям свободным. Для рабов обозначается другой принцип: «Если кто раба своего ударит в глаз или служанку свою в глаз и повредит его, пусть отпустит их на волю за глаз; и если выбьет зуб рабу своему или рабе своей, пусть отпустит их на волю за зуб» (Исх. 21:26–27).

В книге Второзаконие принцип талиона не рассматривается так явно, как в книге Исход. Здесь, в частности, появляются такие виды наказания, которых не знало законодательство родо-племенного периода. Во Второзаконии мы уже встречаем наказания телесные (25:1–3), что свидетельствует о существовании государственности и общественного устройства. Достаточно квалифицированно предусмотрено наказание за воровство, что говорит об опасности и о распространенности этого преступления. Вору, который не в состоянии уплатить штраф, грозит обращение в рабство. За кражу барана ущерб возмещался 4 баранами, за кражу вола — 5 волами (Исх. 20:1). Вор должен был заплатить вдвое за украденное или быть проданным в рабство.

Итак, Закон Моисея проникнут духом устрашения, т. е. Бог именно посредством талиона желает предотвратить агрессивность людей и покончить с насилием, что может привести в перспективе к истреблению целых родов. Одновременно эта мера служит стремлению ограничить кровную месть, ибо вполне очевидна опасность кровопролития. Поэтому талион в общем-то явился приближением к институту наказания. Смысл талиона, по Господу, заключается в том, чтобы дать людям почувствовать, испытать на себе, что такое зло, насильственный акт, на который они идут.

Основано ли наказание как возмездие в Пятикнижии на началах нравственности? Безусловно, принимая нравственные начала как норму для любых отношений, мы в полной мере должны применить принцип этого начала и к возмездию. Какие факторы оказывают влияние на нравственные начала возмездия как сущности наказания, по Пятикнижию? Следует сразу отметить роль и значение понятия нравственности в человеческом развитии вообще. Среди сил, формирующих действительность, нравственность является самой первой¹, ибо она есть общественное начало в человеке; она связывает людей воедино до всех прочих связей. Нравственность очерчивает тот универсум, внутри которого только и может разворачиваться человеческое бытие как человеческое².

Следовательно, нравственность есть нацеленность людей друг на друга, которая существует изначально, до каких-либо конкретных взаимоотношений между ними и является условием возможности этих отношений. В силу того, что нравственность присуща только существу, обладающему свободой воли, человек следует только тем нравственным нормам, которые он внутренне одобряет, считает наилучшими. Естественно, он принимает в качестве наилучших только те нормы нравственности, которые он хотел бы видеть в качестве норм своей собственной жизни. Однако нравственные нормы для того, чтобы стать действенной основой поведения, должны быть приняты большинством людей. Поскольку нравственность есть продукт человеческой свободы, то она имеет форму всеобщности. В то же время, принимая форму всеобщего закона, она внешним образом ограничивает свободу других индивидов. Поэтому нравственность есть единственное основание запретов, в которых она материализуется. Иначе говоря, нравственность в ее

¹ Швейцер А. Культура и этика. М., 1973. С. 103.

² См.: Гусейнов А. В. Великие моралисты. С. 19.

конкретном выражении всегда имеет характер запретов. Ведь она возникла задолго до религии и независимо от нее. Религия лишь потом приобщила к нравственности и почти целиком подчинила себе дело нравственного надзора и нравственного воспитания масс. В этом усматривается историческая роль нравственности в развитии человечества, ибо еще не были сформированы ни религиозные, ни правовые средства, способные запретами и угрозами уберечь людей от опасных, вредных и злых деяний. «Человеческая нравственность, — отмечает Р. Сапольски, — старше культурных институтов, древнее любых законов и религиозных проповедей. То есть человеческая мораль не божественно предельна, а скорее, по-человечески “предельна”»¹.

А. Гусейнов справедливо отмечает: «Первобытность характеризовалась тем, что нравственность была непосредственно вписана в повседневность, составляла ее нерелефторную суть. Она прямо вытекала из четкого, самоочевидного и, что особенно важно, всепроникающего разделения индивидов на “своих” и “чужих”, которое, по всей вероятности, воспринималось как разделение на людей и не людей»².

Нормы нравственности — это требования, обращенные к человеку извне. Нравственный закон не в нас, а вне нас, как и звездное небо. Однако исполнение данных норм зависит от нас, от нашего уровня нравственности. Г. Ф. Шершеневич пишет: «Нравственность представляет не требование человека к самому себе, а требование общества к человеку. Это не человек определяет, как он должен относиться к другим, а общество определяет, как один человек должен относиться к другому человеку. Это не человек оценивает поведение как хорошее или

¹ Сапольски Р. Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки. М., 2019. С. 436.

² Гусейнов А. В. Великие моралисты.

дурное, а общество»¹. Пятикнижие также определяет, как человек должен вести себя с точки зрения Божьего установления. Иными словами, не человек определяет, как себя вести в пределах Божьего Закона, а Всевышний. Именно Он обозначает рамки поведения человека посредством установления в Пятикнижии перечня деяний, признаваемых Господом Богом преступлениями, и соответственно систему наказаний–возмездий. Поэтому наказание–возмездие следует считать регулятивным механизмом, подчиненным определенным целям Всевышнего, Который в случаях необходимости узаконивает нравственные нормы и принуждает людей к их исполнению посредством угрозы наказанием. Иначе говоря, Всевышний вмешивается в нравственную сферу с помощью наказания. Порицание родителей, супружеская измена, прелюбодейство, мужеложство, сожительство с матерью, с мачехой, с дочерью, скотоложство, работа в день отдохновения (Левит) в Пятикнижии караются смертной казнью. Эти деяния объявлены Всевышним не только безнравственными, но и уголовно наказуемыми (смертью). В данном случае Господь Бог не разделяет нормы нравственности и нормы уголовно-правовые. В современных условиях мы знаем, что эти деяния рассматриваются как аморальные, безнравственные. Таким образом, Священные Писания превратили нормы нравственности в нормы уголовно-правовые. Господь Бог яростно нападает на личные сексуальные наклонности людей, объявляя их не только безнравственными, но и преступными. Так, например, заниматься любовью с человеком одного с тобой пола является для Всевышнего великим грехом, караемым смертной казнью, в то время как сейчас для многих это чисто безнравственное деяние. Возьмем другой пример: Пятикнижие рассматривает богохульство как один из

¹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Т. 1. М., 1910. С. 171.

самых тяжких грехов, за которое предусмотрено одно из самых страшных наказаний — смертная казнь.

Располагает ли возмездие как наказание объективными свойствами воздействия на психику человека? Всевышний исходит из того, что на созданное им существо, суть которого Он хорошо знает, возмездие как средство воздействия, несомненно, является источником страха, одного из важных мотивов воздержания от совершения греха, достаточным контрмотивом.

Бог понимает, что возмездие должно быть самым целесообразным воздействием на зло, агрессию, ибо применение других средств к созданному Им существу пока не дает результатов. Однако для этого возмездие должно быть прежде всего действительным возмездием, т. е. справедливым злом, приносить страдания как плату за причиненное зло. Всевышний считает, что справедливость есть нравственное начало сущности возмездия. Безнравственным, по философии Бога, возмездие становится тогда, когда оно превышает деяние, неравномерно содеянному, а также и тогда, когда возмездие слишком мягкое по сравнению с деянием. Но как Всевышний определяет границу между нравственным и безнравственным возмездием? Философия возмездия Пятикнижия вызвана потребностями жизни. При этом невозможно игнорировать нравственный уровень общества как объективный фактор. Всевышний как бы провозглашает: «Я хочу посредством возмездия предупредить зло, насилие, защитить вас, а не уничтожить». Именно в доказательство этому Бог устанавливает принцип талиона, исходя из нравственного уровня народа. Поэтому Он не требует смертной казни за каждое зло, насилие, преступление, как было во времена Драконта в Афинах. Безусловно, разумно употребляемое возмездие есть средство полезное и необходимое, а вовсе не безнравственное, и такое его применение, наоборот, прямо согласуется с нравственными началами, если, конечно, не переходит границу между нравственным и безнравственным

применением наказания, в том числе в виде возмездия. Нравственные начала как раз и выступают гарантом того, чтобы не превысить своих полномочий. Естественно, такое требование можно предъявлять обществу, государству, государю и т. д., но не Всевышнему. Однако мы можем понять Его философию возмездия посредством содержания Пятикнижия.

В Десяти заповедях говорится: «Я господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого (рода), ненавидящих Меня...». И сказал Господь: «Истреблю с лица земли человек, которых Я сотворил, от человека до скотов и гадов, и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их» (Быт. 6.7). Это заповеди не Моисея, а Всевышнего Господа Бога евреев, если верить в то, что эти слова принадлежат Ему самому, а не Моисею.

Только потому, что фараон отказался выполнять требования Бога, Он ниспослал на весь народ Египта многочисленные бедствия (казни), не щадя ни детей, ни женщин, ни стариков, ни птиц, ни животных, и беспощадно покарал его. «В полночь Господь поразил всех первенцев в земле Египетской, от первенца фараона, сидевшего на престоле своем, до первенца узника, находившегося в темнице, и все первородное из скота. И встал фараон ночью сам и все рабы его, и весь Египет; и сделался великий вопль (во всей земле) Египетской, ибо не было дома, где не было бы мертвеца» (Исх. 12:29).

Бог Яхве применяет в отношении египтян десять страшных казней в качестве наказания: отравляет воду Нила; наводняет лягушками всю страну; земной прах превращает в комаров; насыляет оводов («песых мух»); устраивает тяжелый мор скоту; заражает людей и скот оспенной язвой; проливает дождь с сильным градом, убивающим все под открытым небом; приводит саранчу, пожирающую все подряд; наводит тьму густую и плотную, которую даже факелы не могут развеять; умерщвляет всех первенцев египтян, независимо от того, идет ли

речь о людях или о скоте. Чтобы осуществить свою жестокость, показать свою силу, навести страх на израильтян, Яхве совершает хитрость. Чтобы фараон упорно не желал принять предложение Моисея, он отягчает сердце фараона и его рабов. Сам этот факт еще раз подтверждает жестокость и отсутствие милосердия Яхве.

О жестоковидности заповедей Ветхого Завета говорит также следующее: «И истребишь ты все народы, которые Яхве, Бог твой, дает тебе: да не сжалится глаз твой над ними» (Втор. 7:16; Втор. 20:16–17; Чис. 31:17–18; Втор. 13:12–16; Чис. 25:5; Втор. 17:2–5).

«Но поступите с ними так: жертвенники их разрушьте, столбы их сокрушите, и рощи их вырубите, и истуканов (богов) их сожгите огнем; ибо ты народ святой у Господа, Бога твоего: тебя избрал Господь, Бог твой, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле» (Втор. 7:2:6).

Понятно, что речь идет о тех народах, которые поклонялись другим богам. В Пятикнижии также сказано следующее: «Погибнете; как народы, которых Яхве истребляет от вас, так вы погибнете, потому что не послушали голоса Яхве, вашего Бога» (Втор. 8:19:20).

Следует отметить, что Яхве за отклонение от любви к нему не щадил и «избранный народ». «И послал Господь язву на израильтян от утра до назначенного времени; и умерло из народа, от Дана до Вирсавии, семьдесят тысяч человек» (I. Цар. 24:15). Когда Моисей увидел разнузданную картину плясок вокруг тельца, то был настолько разгневан, что швырнул в сторону плиты, на которых Божьим пальцем были выведены законы, и приказал представителям своего колена мечом привести народ к покорности, что и было сделано. За день было истреблено около трех тысяч человек. На следующее утро Моисей объявил израильтянам, что они «согрешили великим грехом» (Исх. 32:30). В главе 31 книги Числа Господь приказывает Моисею отомстить миднанитянам, после чего послушный Моисей

обрушился на своих военачальников, сказав им: «Для чего вы оставили в живых всех женщин?.. Итак, убейте всех детей мужского пола, и всех женщин, познавших мужа на мужском ложе, убейте; а всех детей женского пола, которые не познали мужского ложа, оставьте в живых для себя» (Чис. 31:17–18).

В другом месте Бог Яхве устами своего пророка Исайи говорит о наказании, которому подверг несколько народов: «Я пошел на них в своем гневе и покорил их моей яростью» (Исх. 24; Иер. 32:30–37; Иез. 5:11; 24). Как усматривается из Библии, Бог, как правило, жестоко уничтожал тех, кто Его не признавал и ненавидел: «Эти народы привели меня в гнев своими пороками и злодеяниями, но я также сделаю их предметом моего гнева и кар: ибо огонь, зажженный моим гневом, будет жечь глубоко до самых низин, он пожрет всю землю и сожжет основание гор; я пошлю на них все бедствия, все мои стрелы, они будут истощены голодом, истреблены горячкою и лютою заразою... Я пошлю свои кровавые стрелы и мой меч...»; «Я наведу мщение на тех, которые меня ненавидят» (Втор. 32:21–25).

В эпизоде с золотым тельцом в Библии говорится, что убивали руками священников. При этом убивали не каких-то там врагов, филистимлян или хананиан, а своих же: брата, друга, ближнего. В связи с этим эпизодом из Библии Арин замечает: «Но этот же эпизод со всей наглядностью демонстрирует специфическое понимание любви Бога даже к своему избранному народу»¹.

Примеров жестокости и беспощадности то ли пророков, то ли Самого Бога Яхве нет предела. Так, например, наказ Бога к еврейскому народу звучит так: «Не ешьте никакой мертвечины: иноземцу, который случится в жилищах твоих, отдай ее, он пусть ест ее, или продай ему, ибо ты народ святой у Господа, Бога твоего» (Втор. 14:21). Мог ли Бог дать такой совет евреям?

¹ См.: Арин. Наука о Боге. Т. I. М., 2019. С. 99.

Томас Пейн (1737–1809 гг.) — выдающаяся личность в истории Европы и США — в своем трактате «Век разума» (1794–1796 гг.) пишет, что все, кто знаком с Ветхим Заветом, должны знать, сколько народов было уничтожено по велению Бога, женщин и детей, сколько городов было разрушено, сколько преступлений было совершено во имя одного народа по велению возлюбившего его Бога. После всего этого хочется задаться вопросом: можно ли верить Библии, рисующей Бога таким кровожадным?

Ответ богословов на этот счет предельно прост и сводится к следующему: Бог совершенен, поэтому суд Божий не может быть предвзят и несправедлив, ибо Господь свят и всеправеден; не может быть жесток, так как Он милостив. По мнению У. Брюггемона, события в Содоме не подрывают всеправедности Господней и идеи Божественной справедливости. Напротив, отсутствие оценки данного события в тексте Библии «указывает на то, что Судия действовал справедливо, поскольку мы не слышали здесь возражения ни со стороны повествователя, ни со стороны Авраама»¹. Что касается наказания за гомосексуализм, развращающий нацию, то современный исламский ученый Надия аль-Авади, проанализировавший статистические данные о связи гомосексуализма с болезнями крови, пишет: «Глядя на эти цифры, начинаешь задумываться о том, что уничтожение Аллахом Содомы было проявлением Его Милосердия ко всему человечеству, потому что не известно, какие страшные болезни могли распространиться из этого города по всей земле. Поскольку в те времена медицина была на очень низком уровне, эти болезни могли уничтожить все население планеты»².

Древнееврейский писатель Филон Александрийский отводил книге Бытия роль удивительной преамбулы к Моисееву

¹ Брюггемон У. Великие молитвы Ветхого Завета. М., 2009. С. 45–50.

² Надия аль-Авади. Гомосексуализм // Любовь и секс в Исламе: сб. статей. М., 2004. С. 60.

законодательству¹ и он же, пожалуй впервые в богословской и юридической мысли, прямо заявил об однозначной производности и прямой зависимости суровых наказаний от свойств Бога: «У Бога среди прочих высших Его сил есть одна, по ценности не уступающая прочим, — законодательная, ибо Он Сам — Законодатель и Источник Законов, а все частные законодатели суть последователи Его. Природа этой силы двояка: одной своей стороной, благодетельной, она обращена к тем, кто стремится жить правильно, другой, карательной, — к тем, кто грешит»². Филон Александрийский этой мыслью подтверждает, что Закон, который называется Моисеевским, не является его законом, а это Закон Божий. Поэтому и характер наказаний в нем определяется не Моисеем, а Всевышним. Вот почему М. Твен, говоря о жестоком характере наказания, присущем Божественным Писаниям, с критикой обращается не к Моисею, а к Богу: «Все его деяния, изображаемые в Ветхом Завете, говорят о его злопамятности, несправедливости, безжалостности, мстительности. Он только и делает, что карает, — карает за ничтожные проступки с тысячекратной строгостью; карает невинных младенцев за проступки их родителей; карает ни в чем не провинившихся обитателей страны за проступки их правителей; и снисходит даже до того, что обрушивает кровавую месть на смирных телят, ягнят, овец и волов, дабы покарать пустяковые грешки и их владельцев»³.

Авторы коллективной монографии «Христианское учение о преступлении и наказании», которые также не оставили

¹ См.: О сотворении мира согласно Моисею. Ст. (31) Сочинения Филона Александрийского. Толкование Ветхого Завета. URI: http://www.bihii; cc_istudies.ru_isilon.html.

² Филон Александрийский. О рождении Авеля и о том, как принес жертву Богу он и брат его Каин. Ст. (131) Сочинения Филона Александрийского. Толкование Ветхого Завета. URI: http://www.bihlica_istudies.ru_ifilon.html.

³ Твен М. Размышления о религии. М., 1964. С. 3–4.

в стороне вопрос о чрезвычайно суровом характере наказания, присущем Ветхому Завету, дают этому следующее объяснение: «Ответственность за нарушение положений Закона своей жестокостью может произвести удручающее впечатление на современника. Но надо учитывать, что общественное сознание древнего народа вполне было адаптировано к установленной строгости, да и чрезвычайные условия, связанные с освоением “земли обетованной”, требовали соответствующей дисциплины и строгости. В полной мере указанные в законодательстве санкции в нынешних условиях, конечно, не применимы, и их строгостью не решить коренных проблем преступности, но, учитывая, что мы по своей натуре в значительной части остались ветхозаветными, отношение ко многим деяниям, не признаваемым преступными, должно быть пересмотрено»¹.

По мнению А. А. Гусейнова, могущество Яхвы, Его гнев и беспощадность — гарантия его справедливости². «Без справедливости кара становится слепой силой. А без кары справедливость деградирует в корысть. Только в соотносительности друг с другом они становятся тем, что они есть, — справедливость справедливостью, а кара карой»³. Ученый считает, что содержанием и критерием справедливости являются воля самого Яхве, Его предписание, которое нельзя нарушать. С точки зрения Бога, может быть, так и есть.

Обоснование, данное А. П. Лопухиным этому явлению, на наш взгляд, более убедительное: «Нужно было приучить народ к точному исполнению закона, данного на Синае, и потому всякие нарушители его карались беспощадно. Если так наказывались отдельные неисполнители закона, то, конечно, еще

¹ Христианское учение о преступлении и наказании. М., 2009. С. 95.

² Гусейнов А. А. Десятизаконие Моисея: канон справедливости // Философия права Пятикнижия. М., 2012. С. 58.

³ Там же.

с большей строгостью должны были караться те, которые сознательно и преступно восставали и возмущали народ против постановлений закона»¹. В продолжение данной мысли далее автор отмечает: «Имея дело с народом жестоковыйным и своевольным, законодатель не щадит жезла в приучении этого народа к точному исполнению данных законов, и многие преступления, особенно против религии и нравственной чистоты, наказываются смертною казнию»².

Следует также иметь в виду, что еврейский народ предстаёт необузданным, как «народ с твердым затылком» (Втор. 9:13). Богу, естественно, необходимо было упорядочить отношения с этим народом. И Он решил сдержать необузданные страсти любимого Им народа Своим гневом и жестокостью. Моисей с достоинством справился с этой задачей Всевышнего.

Нужно было приучить народ к точному исполнению законов, и потому всякие отступления карались беспощадно. Нельзя забывать, что жестокость, вообще-то, есть явление, не подлежащее раз и навсегда данному четкому определению, ибо представление о ее содержании всецело зависит от исторического периода развития человеческого общества, от существующего в обществе уровня нравственности отдельных народов. «Моисей тотчас пал на землю и поклонился (Богу) и сказал: если я приобрел благоволение в очах Твоих, Владыка, тогда пойдем, Владыка, посреди нас; ибо народ сей жестоковьен; прости беззакония наши и грехи наши и сделай нас наследием Твоим» (Исх. 34, 6–9). Справедливо выражение Ч. Беккариа: «Суровость наказания должна соответствовать состоянию самой нации. На грубые души народа, едва вышедшего из состояния

¹ Лопухин А. П. Библейская история Ветхого Завета. Киев: Общество любителей православной литературы. Изд-во им. Свт. Льва, Папы Римского. С. 234.

² Там же. С. 281.

дикости, необходимо действовать более сильными и более чувствительными впечатлениями...»¹.

Условия жизни и стремление к выживанию и сохранению народов требовали именно такого наказания, которое установлено Богом и принято еврейским народом. Понятие преступления и наказания, по Ветхому Завету, отражало потребности и представления о нравственности и справедливости евреев. Мотивом правопослушного поведения является страх наказания. «Страх наказания — мотив намного сильнее, чем жажда награды» (Сефер Ха Сидил). «Бог не наказывает без предупреждения» (Иосе б. Голафта — Толмуд Санхедрин, 566).

История еврейского народа свидетельствует о том, что во все времена странствования израильтян действовали необыкновенно строгие законы, немилосердно карающие смертной казнью каждого нарушителя религиозных или общественных установлений, так как нужно было приучить народ к точному исполнению закона, данного на Синае, и потому всякие нарушители приговаривались к смертной казни беспощадно. Такие преступления, как ворожба, колдовство, преступное бездействие в виде неисполнения требования об обрезании, безнравственные деяния и т. д., сурово наказывались смертью как преступное пренебрежение милостью Божьей. Так, преступно безнравственными и караемыми смертью признаются в Ветхом Завете действия Онана, который женился на жене своего покойного брата. Интересно отметить, что книга Числа приводит точные данные о количестве подвергнутых смертной казни за поклонение чужому Богу: «Умерших же от поражения было двадцать четыре тысячи» (Чис. 25:9). Как известно из книги Исход, когда-то при горе Синай левитами по приказу Моисея были казнены около трех тысяч израильтян, предавших Господа и поклонившихся другому идолу — золотому тельцу. Однако

¹ *Беккариа Чезаре. О преступлениях и наказаниях. М., 2004. С. 156.*

нужно особо обратить внимание на то положительное обстоятельство, что в израильском законе человек всегда ценился несравненно выше какого бы то ни было имущества, ибо из всех Божьих творений только он один был создан по образу Творца. Поэтому убийства наказываются по общему правилу смертной казнью. «Кто ударит человека так, что он умрет, да будет предан смерти» (Исх. 21:12).

В то же время наказание, по Ветхому Завету, — это вразумление, которое несет в себе доброту, сострадание и излечение, создает условия, предупреждающие совершение нового преступления.

Итак, существует утверждение, что Пятикнижие — это первые систематизированные и писанные законы, данные Богом, а не Моисеем еврейскому народу. А из этого следует, что преступление и наказание как институты появились именно в этом Божием Послании, которое считается первым словом Господа Бога в области уголовного закона. Преступление и наказание — неотъемлемые и важнейшие компоненты Божьего Закона, они Им освящены, приняты еврейским народом как должное. Иудаизм считает, что если бы этот Закон был бы не от Бога, а от Моисея, то вряд ли евреи могли бы существовать в течение 4000 лет, руководствуясь человеческим законом.

Провозглашенная Богом религиозность, основанная на Ветхом Завете, покоится на единобожии, законодательство — на принципе равного возмездия. Бог, народ, справедливость — так кратко можно было бы обозначить суть иудаизма.

В ответ на просьбу коротко определить суть иудаизма, обобщить Тору в единственной фразе, Гиллель ответил: «Не делай другим того, чего не хотел бы от них для себя. В этом вся Тора, остальное — комментарии»¹.

¹ Вавилонский Талмуд. Шаббат 31 а.

Вообще, институт преступления и наказания, по Ветхому Завету, представляет собой особенное явление, так как на протяжении существования еврейского народа он не только не исчез, как у многих народов, а, наоборот, совершенствовался и дополнялся устными преданиями и юриспруденцией. Даже римское завоевание, разрушение Иерусалимского храма, уничтожение огромного числа евреев и рассеяние остальных не смогли остановить дальнейшее развитие еврейского уголовного законодательства. Казалось, что еврейский уголовный закон исчезнет совсем, как исчез Карфаген. Наоборот, именно этот закон, по мнению христиан, стал подготовкой для закона Христа, который не отвергает Пятикнижие, но усовершенствует его, обновляя одновременно и природный закон. Господь Бог в Пятикнижии заложил не только религиозные, но и в определенной системе нравственные основы законодательства. Без сомнения, можно утверждать, что религиозные начала понятия преступления и института наказания по принципу «око за око, зуб за зуб», предусмотренные в Ветхом Завете, являются первыми по времени. Моисей понимал, что главное — государственное устройство, создание политического пространства для становления и развития еврейского народа. А для этого следует делать ставку не на свободу духа, не на совесть человека, а на принудительную силу, жесткие и суровые меры наказания, принцип равного возмездия в деянии и конкретном виде наказания за это преступление. Именно поэтому, на наш взгляд, нравственные основы института преступления и наказания в Пятикнижии выглядят довольно слабо. Складывается твердое убеждение после знакомства с Ветхим Заветом, что он совершенно далек от понятия нравственности и добра. Поэтому не стоит слишком преувеличивать роль Моисея в качестве духовного отца евреев. Его можно, безусловно, назвать великолепным законодателем и государственным деятелем своего народа, который смог объединить еврейские племена. Ведь не просто так

его статуя стоит на здании Верховного суда США. Но в то же время нельзя не упомянуть отношение этого Закона к другим народам, ибо враждебность в нем является беспредельной. Да, Моисей считается с реальностью и с тем, что вражда между отдельными племенами и народами в те времена была делом обычным, и это, конечно, не изобретение Моисея. Но ведь «Моисей не только локализует беспощадную жестокость, считая, что она оправдана только по отношению к семи непосредственным конкурентам Израиля в его праве на Палестину. Он одновременно подводит под эту жестокость другую (неэтническую) аргументацию, оправдывая ее тем, что речь идет о народе, практикующем человеческие жертвоприношения и другие варварские обычаи»¹.

¹ Гусейнов А. А. Великие моралисты. С. 109–110.

ГЛАВА II

ХРИСТИАНСТВО: ПРЕСТУПЛЕНИЕ — ГРЕХ; НАКАЗАНИЕ — НЕ ВОЗМЕЗДИЕ

§ 1. Учение И. Христа как основа новой идеи эволюции института преступления и наказания

1. Как известно, Конфуций, Лао-цзы, Будда и Мехавир сформулировали этические кодексы до Иисуса и Павла. Однако невозможно не признать, что колоссальный вклад в нравственно-правовое развитие человечества было внесено именно учением И. Христа. Конечно, речь идет не только об идее любви к Богу и человеку, но и о существенном изменении отношения к понятию преступления и сущности наказания, ибо учение И. Христа вообще отвергает все, что сказано об этом институте в Ветхом Завете. Если иудаизм считает, что текст, вырезанный на каменных скрижалях, — это буква закона, то христианство основано на учении И. Христа, которое имеет, по утверждению христиан, божественное значение. Именно поэтому в отличие от Закона Моисея, учение И. Христа — живые мысль и слово. В нем нет четких правовых норм, как в Моисеевом законодательстве, и в какой-то мере в Коране. Поэтому учение И. Христа и считают законом любви, в котором все статьи Писания считаются установленными и посланными Богом. И никакое иное нравственное и духовное законодательство не допустимо. А это привело, в конечном счете, к неясности, к неопределенности и к открытости некоторых вопросов: где место принуждению и гнету совести? Каким образом охранять от внешних покушений установления Божеского Писания? Считать ли безбожие, богохульство, ересь грехом или преступлением?

Возможна ли внутренняя свобода человека, которая является сутью учения И. Христа, вне государственных законов? Не приведет ли отрицание наказания в противодействии преступным проявлениям, и утверждение принципа «не противься злему» к противостоянию и столкновению с областью права, в особенности уголовного? Учению И. Христа, естественно, пришлось столкнуться с проблемами при рассмотрении этих вопросов. И все начиналось с признания либо отрицания установленных государственной властью правовых норм, в частности уголовно-правовых, в качестве противостояния преступным явлениям.

М. А. Рейснер отмечает: христианство на первых порах «было еще до такой степени чисто и духовно, так близко было оно и по своей внешней форме к “царству не от мира сего”, так живо чувствовалось в нем еще недавнее присутствие учителя и Его Апостолов, что не могло оно допустить никакой формальной, духовной власти, никаких выраженных в букве закона догматов, никакого смещения религии и права»¹. Христиане ставили учение И. Христа и Его заповеди выше законов государства, ибо «должно Богу повиноваться более, чем людям», и Сам Христос был казнен за то, что «повиновался воле Своего Отца, а не закону иудеев». Для них Он — спаситель мира, Тот, кого Бог послал освободить народ от грехов и примирить его с Богом, так как, по учению И. Христа, человечество считается грешным и связывают это состояние с грехопадением Адама и Евы, описанным в Ветхом Завете.

Утверждается, что люди, однако, утратили свою первозданную чистоту. Бог даровал нам свободу, а мы предпочли непослушание и не пожелали следовать воле Божьей. Следовательно, человек всегда обречен на совершение зла, преступления, и эти деяния совершаются по причине природы человеческой, начиная

¹ Рейснер М. А. Государство и верующая личность. М., 2011. С. 35.

с Адама и Евы. А из этого можно заключить: человек не в состоянии никогда освободиться от совершения зла, насилия, которое находится в нас самих, и что только Господь Бог способен избавить созданное Им существо от таких качеств. Поэтому христиане надеются благодаря всепоглощающей вере в Иисуса очиститься от тех свойств, которые составляют злую, грешную, агрессивную, эгоистическую сущность человека, и переродиться, стать благочестивым сыном Божиим. «Сын Божий» в обычном иудейском смысле означал, что Иисус был обычным человеком, на которого Бог возложил особую задачу. В частности, Павел не считал Иисуса Богом. Некогда Павел учил, что Иисус, жертва имперского насилия, достиг духовной и космической победы над грехом и смертью.

У Иоанна же получалось, что Иисус — тот самый Иисус, который запрещал воздавать злом зло, — станет безжалостным воином. В 318 г. александрийский просвитель Арий выдвинул идею, что Иисус не был божественным по своей природе. Ссылаясь на многочисленные библейские тексты, он доказывал, что Бог лишь наделил божественностью человека Иисуса в награду за совершенное послушание и смирение. Исторических доказательств тому, что И. Христос когда-либо считал себя божеством, не существует. В IV в. н. э. Арий Александрийский отрицал, что Иисус был единосущным (т. е. имел единую сущность, или суть) с Богом. Вопрос стоял таким образом: мы имеем одного Бога в трех частях или трех богов в одной? Эта полемика расколола христианство пополам на целое столетие, и по приказу императора Константина все книги Ария были сожжены. Ричард Докинз отмечает, что уже в XIX в. ученые-теологи с исчерпывающей полнотой продемонстрировали ненадежность источника знаний о реальных исторических событиях, изложенных в Евангелии. Все они были написаны много позже смерти и после апостольских посланий Павла, в которых не упоминается почти ни один из так называемых фактов

жизни Иисуса. Евангелия, на самом деле, писались через много лет после смерти Иисуса, и никто тогда не знал, где он родился. Но согласно ветхозаветному пророчеству (Мих. 5:2), евреи ожидали, что долгожданный мессия родится в Вифлееме¹.

Обычно христиане, когда речь идет о жестоковидности Ветхого Завета, говорят о том, что Закон Моисея — это одно, это, действительно, меч, а Новый Завет — другое дело, это — мир и любовь. В то же время христианские богословы утверждают, что Новый Завет основан на пророчествах Ветхого Завета. Действительно, Иисус, излагая свое отношение к Ветхому Завету, не ставит перед собой задачу нарушить Закон Моисеев и учение пророков, а стремится дополнить, уточнить их и сделать универсальными. Поэтому Иисус бросал вызов не Закону Моисея, но тому его пониманию, которое сложилось и продолжало эволюционировать в раввинистической среде, а также лицемерию тех, кто во всеулышание заявлял, что живет по Закону². Вот слова самого И. Христа, обращенные к тем, кто сидит на «Моисеевом седалище»: «Итак, все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают» (Мф. 23:3). Неверно думать, будто Иисус был равнодушен к обычаям и традициям своего народа или даже попираал их. Он чтит эти обычаи, конкретные предписания Моисеева Закона, хотя язычников, принимавших христианство, Павел и другие апостолы, из понятных соображений, учили не следовать иудейскому закону, требующему обрезания. М. П. Фишер отмечает: «Отказ от традиционного требования обрезания явился важным примером вживания христианства в местные культуры и его способности адаптироваться к различным культурным контекстам; так началось отделение

¹ Докинз Р. Бог как иллюзия. М., 2020. С. 133–134.

² См.: Фишер М. П. Религии, которые меняют мир сегодня. М., 2019. С. 534.

христианства от иудаизма»¹. Иисус неоднократно в разных ситуациях говорит о своем отношении к Старому закону, но нигде не говорит, что надо забыть Ветхий Завет из-за его жестоковидности. Он провозглашает принцип — «золотое правило», суть которого в следующем: обращаться с другими так, как бы ты хотел, чтобы обращались с тобой. Этот же принцип есть в Ветхом Завете, а более древние и более точные его формулировки можно найти в египетских, иудейских, китайских и греческих текстах. Разница лишь в том, что этот принцип в Библии связан с Богом, т. е. провозглашается от Его имени, а в остальных перечисленных формулировках — от имени тех, кто является автором этих изречений. Наиболее полно и конкретно Иисус формулирует его в Нагорной проповеди, в пятой главе (стихи 21–48) Евангелия от Матфея, в частности: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5:38–39). Для христиан Пятикнижие представлялось в крайне отрицательном свете, хотя евреи вовсе не считали эти жесткие правила непосильным бременем, каким они кажутся христианам.

Митрополит Иларион писал, что Закон Моисея отошел, ибо он исполнился и «как вечерняя заря погас», и Бог заменил его новым Законом — Законом Благодати, истины и любви². Почему же Всевышний отказался от Ветхозаветного Закона и послал новое учение, на основе которого человечество получило Новый Закон?

Христианская религия считает, что причиной послужило не то, что Ветхозаветный Закон не был хорошим, а то, что изменился сам человек и что средства обеспечения справедливости

¹ Там же. С. 548.

² Слово о законе и благодати — первое рождение до наших дней, произведение на русском языке. Впервые оно было публично исполнено *Иларионом* 29 марта 1049 г.

Ветхозаветного Закона, в том числе связанные с понятиями преступного поведения человека и с применением наказаний, не были универсальными. Апостол Павел в Послании к галатам сравнивал человека, живущего по Ветхому Завету, с ребенком, ведомым учителем, а человека, живущего по Новому Завету, — со взрослым человеком, который больше не находится под наблюдением такого учителя.

Христиане называют Новый Завет законом любви, добродетели, так как в отличие от Ветхого Завета он не высечен в камне, а «начертан в сердцах». Поэтому исправить действующие законы, вдохнуть в них новую жизнь и адаптировать их к новым условиям жизнедеятельности людей можно было только верой в Христа. Как писал Данте, она учила видеть «не цвет, а свет»¹, проникнуть в суть тех явлений бытия, которые лежали в основе мировоззрения.

Митрополит Иларион даже говорил, что эти Законы — Ветхий и Новый — отличались, как день отличается от ночи и свет от тьмы:

Как отошел свет луны, когда солнце воссияло,
 Так и Закон — пред Благодатью явившейся.
 И стужа ночная побеждена.
 Солнечная теплота землю согрела.
 И уже не теснится человечество в Законе,
 А в благодати свободно ходит.
 Ибо иудеи при свече Закона себя утверждали,
 Христиане же при благодательном солнце
 Свое спасение зиждут².

¹ Данте. Божественная комедия. Рай. Песня 10 — Мир Данте. Т. 1. М., 2002. С. 42.

² Там же.

Христиане в образе Христа видели не только божественное, но и человеческое, близкое каждому. Таким образом, христианское этическое требование было иным, чем иудейское: «отвечай на зло добром», «не старайся побеждать злым злое», «не противься злему». Иисус сказал людям: «Вы думаете, что ваши законы насилия исправляют зло: они только увеличивают его. Вы тысячу лет пытались уничтожить зло злом и не уничтожили его, а увеличили его. Делайте то, что я говорю и делаю, и узнаете, правда ли это». В противостоянии Ветхозаветного Закона и Нового учения И. Христа Коран встает на сторону первого: «Муса (Моисей) явился к вам с ясными знаменами...» (Сура 2, аят 92); «Мы ниспослали Таурат (Тору), в котором содержится верное руководство и свет» (Сура 5, аят 44).

Не вникая глубоко в религиозное содержание учения И. Христа, попробуем понять его отношение к институту преступления и наказания, которое и расходится с Божескими заповедями, установленными в Ветхом Завете.

Следует ли рассматривать учение И. Христа не только как религиозную, но и как нормативную, правовую систему? Если христианство «само есть система норм и правил, является регулятором поведения, фактически действуя через тот же механизм, что и право»¹, то тогда встает вопрос относительно автора этих установлений: Господь Бог или И. Христос? Можно ли вообще считать Его учение законом? В Нагорной проповеди, по Евангелию от Матфея (Мф. 5:21–48), Иисус Христос ведет прямую полемику с Ветхозаветным Законом и отменяет этот Закон, провозглашая свое учение, которое в отличие от Торы, предназначенной только для еврейского народа, расширило пределы духовного действия Божьего Закона, ибо Тора ко времени И. Христа не могла быть принята другими народами.

¹ Мировые религии о преступлении и наказании / А. И. Бойко и др. М., 2013. С. 134.

И Он это понимал. Если это было понятно и Господу Богу, то Всевышний именно через И. Христа решил внести определенные изменения в Свой старый Закон. В литературе некоторыми авторами утверждается, что «Иисус Христос переосмыслил старый Закон, раскрыл содержащийся в нем изначальный смысл, а именно “благодать и истину”, который предназначен новому поколению евреев, созревших для его усвоения»¹. Но имел ли на это право Христос, если мы считаем, что Ветхий Завет послан Богом, поэтому никому не позволено вносить в него какие-либо изменения? Однако, как видим, действительно, Евангелие содержит данные, указывающие на то, что И. Христос исправлял некоторые положения Ветхого Завета, не затрагивая основы Священного Писания — 10 заповедей Бога. Будем исходить из того, что все изменения, которые И. Христос вносил в Старый Божий Закон, были от Всевышнего и Господь Бог посредством Его учения поставил точку в вопросе о человеческой мести и наказании как возмездии: Евангелие более определенно и последовательно, чем иудаизм, отказывает людям в праве вершить месть и возмездие (наказание), закрепляет это право за Богом, как и предусмотрено во всех Писаниях. Значит ли это, что учение И. Христа отрицает, отвергает Ветхозаветный Закон Божий? Сам И. Христос на этот вопрос отвечает так: «Не думайте, что я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел я, но исполнить» (Мф. 5, 17). Далее: «...доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все» (Мф. 5, 18). Тем не менее он отменяет принцип талиона «око за око, зуб за зуб» и отдает приоритет заповеди любви как основе предупреждения преступлений не наказанием, а именно любовью, прощением, добротой. «Возлюби ближнего твоего как самого себя» (Мф. 22, 39).

¹ Мировые религии о преступлении и наказании. С. 134.

С точки зрения нравственности, безусловно, учение И. Христа кардинально отличается от Закона Моисея и достойно восхищения, особенно по сравнению с нравственным кошмаром под названием Ветхий Завет¹. Заповеди Нагорной проповеди (Мф. 5–7) требуют чрезвычайной нравственной высоты и, кажется, невероятных усилий. Но в состоянии ли человек исполнить эти заповеди? И. Христос указывает: «Человекам это невозможно, но не Богу, ибо все возможно Богу» (Мк. 10:22). Если человек не в состоянии исполнить эти заповеди, но желает, хотя сознает, что это ему не по силам, зачем И. Христос требует следовать данным заповедям? Вместе с тем он предупреждает, что не до конца выполнить хотя бы одну Божью заповедь — значит нарушить весь закон. Оказывается, человек в состоянии исполнить эти заповеди, если он обратится за помощью к Богу. Но для этого человек должен любить Бога больше всего на свете. Однако и этого недостаточно. Иисус учил, что степень нашей любви к Богу проверяется нашей способностью любить врагов наших. Только при этих условиях возможно исполнение заповедей Нагорной проповеди, ибо человек после этого освобождается от ненависти, скорби, эгоизма, агрессивности и в состоянии любить равно всех людей, «подражая Богу, равно любящему всех и хотящему, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины»². И. Христос требовал от своих учеников быть сострадательными, как и сам Бог сострадателен, щедро давая всем и никого не осуждая (Лк. 6:30–31). Вместо вызова римским властям Павел проповедовал послушание и уважение: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божия установления» (Рим. 13:1–2).

¹ См.: Докинз Р. Бог как иллюзия. С. 351.

² Максим Исповедник. Главы о любви, 1.61. — Ср.: Мф. 5:44 и Тим. 2:4.

Подобно ученикам Конфуция и Будды, христиане культивировали идеалы благожелательности и бескорыстия. Эти идеалы служили противовесом агрессии и жестокости. Именно поэтому, несмотря ни на что, к III в. христианство стало силой, с которой нельзя было не считаться. Как отмечает К. Армстронг, «отныне люди искали божественное не в священном месте, а в человеке, который был “другом Божиим”, и по всей империи распространились тайные общества, чем-то похожие на Церковь»¹.

Новый Завет основан на вере и духовном росте без принуждения. М. И. Гельвановский считает, что «вера не упраздняет закона, она переводит отношения не только между человеком и Богом, но и человеком и человеком на другой уровень. Отношения становятся сердечными, сострадательными и милосердными, любовь выходит на первое место»². «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13; 35). Для этого, оставляя значимыми Десять заповедей Ветхого Завета, И. Христос добавляет к ним девять новых заповедей — заповедей блаженства и поднимает уровень этих отношений на высоту, реально недопустимую человеком³.

С позиций уголовного права, христианство говорит о высоком, о небесном, абстрактном, а иудаизм, так же, как и ислам, — о самых конкретных земных, человеческих поступках, в том числе преступных, и о тех наказаниях, которые назначаются в случае совершения преступлений. Христианство более вобрало в себя нормы нравственные и духовные, нежели уголовно-правовые, да и не только, вообще правовые. Поэтому основное отличие учения И. Христа в том, что христианство

¹ Армстронг К. Поля крови. Религия и история насилия. М., 2021. С. 173.

² Гельвановский М. И. Философия права Пятикнижия: сб. М., 2012. С. 444–445.

³ Там же. С. 444.

в противоположность иудаизму следует считать скорее нравственной, этической, желаемой системой. Христианство поставило нравственную меру наказания, т. е. требует рассматривать наказание не как воздаяние, а как нравственную категорию.

Читаем: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать и того не оставлять» (Мф. 23:23).

Г. Кельзен считает, что новозаветная система моральных заповедей «не исключает до конца принцип воздаяния. Пусть не земная, а небесная, но все же награда обещана тому, кто в этой жизни откажется от принципа воздаяния, кто не станет платить злом за зло и добром только за добро. Эта система, отвергающая наказание в земной жизни, включает в будущей жизни также и наказание. Это не моральный порядок без санкций, но порядок, устанавливающий трансцендентные санкции, и в этом смысле — религиозный»¹. Итак, взамен уголовно-правового принципа — талиона Новый Завет провозглашает морально-нравственный принцип любви, который, естественно, не мог не оказать влияние на эволюцию идеи института преступления и наказания. Учение И. Христа не допускает какое-либо насилие или принуждение, т. е. наказание должно не мстить, а приводить к мысли об исполнении предписаний закона по внутреннему убеждению.

2. Отрицающие или отвергающие наказание, как правило, ссылаются на то, что оно не соответствует учению Христа, а также евангельским заповедям. Поэтому христиане нравственно обязаны совершенно и бесповоротно отказаться от уголовного наказания и, значит, зачеркнуть весь уголовный кодекс.

Для верующего человека заповедь И. Христа весьма соблазнительна, но на первый взгляд. На самом деле Евангелие,

¹ См.: Чистые учения о праве Ганса Кельзена. М., 1987. С. 42–43.

имеющее для христианина особенное значение, дает образец нравственного совершенства, но не содержит в себе политического учения. Оно не отрицает и не утверждает какого-либо государственного строя, не запрещает, но и не повелевает наказывать людей, совершивших преступление. Что касается И. Христа и его отношения к наказанию, и в частности к смертной казни, то Новый Завет (Евангелие) содержит данные, указывающие лишь на то, что Иисус исправлял некоторые положения Ветхого Завета.

Он никогда не высказывал общего взгляда на наказание, т. е. никакого запрета на применение наказания не налагал, а людям он вообще никогда ничего не запрещал, не проявлял власти, хотя всегда говорил и учил «как власть имеющий» (Мф. 7, 29). Ясно одно, что учение И. Христа проникнуто духом любви и снисхождения к человеку. Его Бог есть Бог любви и милости, желающий исправления падшего человека. Но это абсолютно не означает, что христианский бог и И. Христос отрицают наказание. Другое дело, когда речь идет о сущности наказания. Именно в этом вопросе наблюдается противоречие между иудаизмом и христианством.

По учению И. Христа, в отличие от иудейского принципа талиона «око за око, зуб за зуб», наказание имеет нравственную основу: нельзя мстить, воздаявая глаз за глаз и зуб за зуб, но следует отвечать любовью. Ударившему по одной щеке следует подставить и другую. Отнимающему рубашку не следует препятствовать взять и верхнюю одежду. Необходимо любить не только ближних, но поступать, как сказал Христос: «А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас, и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. 5:44–45). Значит ли это, что учение И. Христа отрицает

наказание как средство борьбы с преступностью, злом, насилием? В принципе, наказание Евангелием не отвергается, хотя оно и не укладывается в этику учения И. Христа, предусмотренную в заповеди «не противься злу». Открываем Послание апостола Павла к римлянам: «Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее, ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести...» (Рим. 13, 1–10). А теперь обратимся к Первому Посланию апостола Петра: «Итак, будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро, ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей, — как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии. Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите» (1. Пят. 2, 13–17). Посмотрите, та же самая идея, но иная, новая глубина. Государственные правители, заграждая уста невежеству безумных, наказывая преступников и поощряя добродетельных, исполняют волю Божию; они — его рабы. Не ясно ли, что государственные правители мыслятся апостолом Петром как исполнители воли Сына Божия И. Христа? И не то же ли самое мы находим в Послании апостола Павла к Титу: «Напомянай им повиноваться и покоряться начальству и властям, быть готовыми на всякое доброе дело, никого не злословить, быть не сварливыми, но тихими, и оказывать всякую кротость ко всем человекам. Ибо и мы были некогда несмышлены, непокорны, заблудшие, были рабы похотей и различных удовольствий, жили в злобе и зависти, были гнусны, ненавидели друг друга...» (Тит. 3.1 и сл.)? Чего хочет Христос? Чтобы мы делали добро или же, кроме добра, наказывали преступников, в том

числе смертной казнь? Христос предвидел и указал такие преступления, злодейства, которые, по его суждению, делают наказание лучшим исходом для злодея.

Читаем: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Мф. 18, 6). А вот Евангелие от Марка: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновый камень на шею и бросили его в море» (Мк. 9.42). В Евангелии от Луки Иисус ученикам сказал: «Невозможно не прийти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят; лучше было бы ему, если бы мельничный жернов повесили ему на шею и бросили его в море, нежели чтобы он соблазнил одного из моих сих» (Лк. 17. 1–2). Установление Евангелия — «все, взявшие меч, мечом погибнут» — вызывает ожесточенные споры. Применительно ли оно к уголовному праву, т. е. означает ли это, что решивший совершить убийство, насилие, должен быть готов к тому, что убьют, насилуют и его самого? Обратимся к тексту Евангелия: «Тогда подошли и возложили руки на Иисуса, и взяли Его. И вот, один из бывших с Иисусом, простерши руку, извлек меч свой и, ударив раба первосвященникова, отсек ему ухо. Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26, 52). Из этого положения учения И. Христа, конечно, можно заключить, что в убийстве кроется равнопоставление себя Божеству, ибо убивающий посягает на присвоение себе Божия совершенства и не понимает, что в самом посягании скрыт высший приговор ему.

Абсолютное оправдание применения наказания принадлежит Мартину Лютеру. Опираясь на апостольские Послания (Рим. 13.1; Пс. 2. 13–15), он считает, что светская власть учреждена Богом. Поэтому наказание, в том числе смертная казнь преступников, защищает благочестивых женщин и детей, дома

и дворы, добро и честь и тем самым поддерживает и ограждает мир от насилия и зла и что это средство (наказание) предотвращает гораздо большие бедствия.

М. Лютер считает также, что наказание осуществляется не государством, а Всевышним и что это Бог наказывает убийцу, насильника и т. д. Все это — Его дела и Его приговоры. Как правильно заметил И. Ильин, в данных рассуждениях бросается в глаза первобытная упрощенность и прямолинейность, навеянная иудейскими традициями Ветхого Завета¹.

Итак, наказание, в принципе, Евангелием не отвергается. Разумеется, проведение его в государственной жизни отличается от евангельского отношения к виновному настолько же, насколько различны задачи и условия деятельности государства и церкви. Моисеев Закон создан был суровой жизнью и, естественно, должен был к ней приспособиться. А христианская мораль рисует идеалы, к которым все должны стремиться, но которых никто не достигает. Призыв Христа «не судите, да не судимы будете!» в то время был обращен не к населению, не к широким массам, а к отдельным людям. Поэтому Иисус, скорее всего, имел в виду не суд в значении правосудия, а свойственные людям пересуды житейские, бытовые, человеческие. Главные доводы христианского учения следующие: зло рождает зло; как огонь не может потушить огонь, так зло не может подавить зло; движение человечества вперед совершалось не с помощью подавления зла злом, а с помощью воздаяния добром за зло; мы не знаем, какое зло является большим, то ли то, которое устраняем, то ли то, которое причиняем.

Как видим, учение И. Христа принципиально и полностью отвергает древний Закон Моисея о справедливом возмездии по формуле «око за око», так как насилие, по его утверждению,

¹ См.: *Ильин И. О сопротивлении злу силой.* 5-е изд. М., 2005. С. 331.

не может быть благом, полезным никогда, ни при каких обстоятельствах. Означает ли это бесполезность, бессмысленность, а значит, и безнравственность наказания как противодействие злу, насилию преступлениям? То, что преступление — зло, не вызывает ни у кого сомнений, ибо составляет предмет нравственного суждения и порицания. Что касается наказания, то, как известно, оно с момента его возникновения всегда использовалось как средство борьбы против этого зла. Следовательно, по логике вещей, его следует рассматривать, наоборот, как добро. В противном случае, и тот, кто применяет наказание, — тоже злодей. В принципе, и зло, и добро — это одни из основных категорий этики, употребляемые при нравственных оценках отдельных явлений, поступков, побудительных мотивов деятельности людей. Людям не так доступно научное определение понятия «нравственное чувство», но все понимают, что речь идет о таких вещах, как «хорошо», «плохо», «преступление» и «наказание», т. е. такие-то действия расценивают через понятие «хорошо», а такие-то — через понятие «плохо». Поэтому, когда мы говорим о нравственности преступления и наказания, мы имеем в виду, что речь идет о нашем понимании этих явлений с точки зрения их качеств. Иначе говоря, мы рассуждаем следующим образом: это наказание — хорошее, так как оно справедливо и допустимо только в той степени, насколько оно может устранить какое-нибудь большее зло в виде преступления, а плохое наказание — то, что, как и само преступление, наносит оскорбление общественной нравственности. А раз так, значит, хорошее наказание — нравственное, а плохое — безнравственное, ибо хорошее наказание — полезное, необходимое и справедливое, а плохое, наоборот, — бесполезное, ненужное и несправедливое. Поэтому тот законодатель, который относится к наказанию с точки зрения нравственного чувства, всегда стремится идти в направлении смягчения характера наказания. Однако к наказанию можно подходить и с точки зрения

здорового смысла. В данном случае понимание того, что «хорошо» и что «плохо», совсем различное. Поэтому и подход к наказанию основывается не только на принципе нравственности, но и на принципе здравого смысла, что зачастую приводит законодателя к принятию более сурового решения. Один из важнейших принципов нравственности состоит в том, что за добро должно воздать добром, а за зло — злом, т. е. добро должно быть вознаграждено, а преступление, как зло, — наказано. В этом смысле наказание для преступника — зло, ибо он терпит определенные страдания за свое деяние, а для общественного блага — это добро. Нелогично за зло преступнику платить добром. Некто спросил: «Правильно ли говорят, что за зло нужно платить добром?» Учитель ответил: «А чем же тогда платить за добро? За зло надо платить по справедливости, а за добро — добром» (Конфуций). Следовательно, наказание будет считаться добром, а значит, и нравственно обоснованным, если оно адекватно тому злу, которое выражено в форме преступления.

3. Учение И. Христа о грехопадении Адама и Евы утверждает о вечности, объективности человеческой преступной природы. А это привело к тому, что многие умы человечества — философы, юристы, социологи, веками пытались освободиться от вопросительного знака: должно ли наказание иметь место, т. е. допустимо ли оно, если преступность невозможно остановить этим средством?

Сознание невозможности решить эту проблему очень часто приводило некоторых к отрицанию наказания, в принципе, «потому что, вызывая на бой исследователей, этот вопросительный знак, после каждого против него направленного кем-либо из них мнимо-смертельного удара, вновь воскресал в умах других. Будучи на первых порах скромным, он вскоре вырастает, выступает стремительно вперед, загораживает, в качестве жестокого сомнения, путь исследователю и становится непреодолимым препятствием для всякого мышления

и знания»¹. Однако светлые умы никогда еще не отказывались от познания природы феномена наказания, чтобы найти тайну этого кажущегося «бессмертным» знака вопроса. С отрицанием наказания в свое время выступал, в частности, известный французский публицист Эмиль де Жиранден. В своей книге «Du droit de punir» автор пытается доказать, что наказания не нужны и государство только выиграет, отказавшись от него. С наказанием можно было бы примириться, по мнению Жирандена, если бы оно было полезно для общества, но этого-то нет; общество могло бы свободно существовать без наказаний, ибо оно является скорее опасностью, чем гарантией для общества; оно не может ни исправить, ни утратить. Даже смертная казнь не имеет устрашающего воздействия. Что же предлагает автор вместо наказания? Он возлагает большие надежды на разные предупредительные меры, которыми могут быть устраняемы и подавляемы факторы, производящие преступление. Приблизительно так же рассуждал Р. Овэн, доказывая, что наказание представляется несправедливым и жестоким; человек не может быть признан ответственным за то, к чему его принудили природа и общество². Такой вывод автор сделал, исходя из того, что, по его мнению, человек по природе своей есть сложное существо, характер которого определяется, с одной стороны, прирожденными способностями, а с другой — влиянием высших обстоятельств и лиц, окружающих его с детства. Он полагает, что, если бы человек обладал свободной волей и мог, по своему произволу, быть хорошим или дурным, тогда бы он не совершал преступлений. Автор прав в одном: устраните, говорит он, причины преступлений — и их не будет. Это напоминает изречение Архимеда: «Дайте мне точку опоры,

¹ Экиштейн Й. Честь в философии и в праве. М., 2016. С. 1.

² См.: Овэн Р. Об образовании человеческого характера / рус. пер. М., 1893. С. 37.

и я сдвину землю». А мы говорим: прежде чем отказываться от наказания, давайте найдем источник, причину преступного поведения человека, ибо, как учит нас медицина, для того чтобы найти средства против какой-либо болезни, надо сперва открыть и изучить причины болезни. И если действительно этот корень зла находится вне пределов объективных возможностей наказания и если он бесполезен в противостоянии с преступным намерением, то тогда, без всякого сомнения, применение страдания, мучений человеческой личности — мероприятие, мягко говоря, безнравственное. Следовательно, до тех пор, пока человеческий ум не смог решить эту проблему, придется согласиться с тем, что говорил еще Ш. Монтескье: «Есть средство воспрепятствовать преступлениям — это наказания».

Статистические данные о состоянии преступности, на которые ссылаются противники наказания, решающего значения, как показывает практика, для его отрицания не имеют, а теоретическими соображениями доказать бесполезность этого средства предупреждать преступления совершенно невозможно, пока мы не найдем ответ относительно причин преступления. В то же время способность наказания противостоять преступному намерению человека покоится на прочных психологических основаниях, в действительности которых каждый может убедиться исходя из жизненного опыта.

Гиппократ говорил: «Чего не лечат лекарства, излечивает железо; чего не врачует железо, исцеляет огонь; чего не исцеляет огонь, то следует считать неизлечимым». Роль, место и значение наказания в достижении поставленной обществом цели сравнимы с железом, а лекарство — с функцией государства в воспитании членов общества. Если мы считаем, что железо, т. е. наказание, бесполезно, то следует искать огонь. Ну а если и он не сможет уничтожить преступность, тогда придется смириться с вечностью этого явления.

Итак, о бесполезности наказания следует говорить только после того, как решим вопрос относительно причин того явления, против которого направлено наказание. О степени эффективности этого средства можно рассуждать с учетом объективных возможностей наказания.

4. Основной вопрос религиозной философии о наказании есть вопрос нравственный, т. е. вопрос о нравственной законности данного института. В принципе то или иное решение этого вопроса вовсе не устранило бы сомнений в нравственной законности применения уголовного наказания, ибо, как скоро выясняется его полезность и необходимость для существования правопорядка, мы признаем нравственную сущность этого института. Необходимость применения наказания для существования и прогресса общества так очевидна, что вряд ли нуждается в доказательстве. В тех случаях, когда для утверждения общественного порядка соответствующих правил поведения недостаточны другие меры воздействия, появляется безусловная необходимость, а значит, нравственно законно принуждение посредством наказания.

Всякий сознает, что если бы вдруг все запрещенное законом перестало быть запрещенным, то водворилось бы совершенно невозможное положение вещей. Однако наказание допустимо и нравственно обосновано только в той мере, в какой способно устранить какое-нибудь большее зло. Следовательно, наказание законно с нравственной точки зрения, если и поскольку оно не нарушает границ, определенных общими принципами справедливости и гуманизма, на которых должны строиться все формы государственного принуждения. В связи с этим, естественно, всегда возникает вопрос относительно границ с нравственной точки зрения допустимости наказания. Отрицать важную связь нравственных и правовых начал наказания вряд ли вообще возможно. Если безнравственное деяние есть нарушение повеления о любви к ближнему, то преступление

как явление правовое есть нарушение запрещения совершать действия, вредные для ближнего. Повеление нравственного охраняется совестью, а наказание за безнравственное — угрызение совести.

Нравственность требует не только того, чтобы наши действия были согласны с благом ближнего, но и того, чтобы и мотивы этих действий были проникнуты любовью к ближнему. «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я медь звенящая, или кимваль звучащий. Если я имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание, и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничего. И если я раздам все имение мое, и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (*Апостол Павел. Первое послание к Коринфянам, гл. 13*). Следовательно, нравственность требует, чтобы и помыслы, и действия наши были проникнуты любовью к ближнему. Наказание же ограничивается тем, чтобы человек только не вредил ближнему. Наказание за преступление — это уже страдание физическое и нравственное. Ясно, что по существу своему общество не может установить наказание за безнравственное поведение. Нормы нравственности не имеют в самих себе иной принуждающей к исполнению их силы, кроме нравственного чувства, и иной санкции на земле, кроме угрызений совести. Эту иную санкцию и достаточную силу принуждения должен создать человек, ибо нравственный порядок не мог утвердиться в мире без этой санкции.

Специалисты, исследующие вопросы наказания в виде смертной казни и отрицающие смертную казнь в качестве обязательного элемента наказательной шкалы, как правило, ссылаются на то, что она не соответствует учению Христа, а также Евангельским заповедям. Поэтому люди, исповедующие христианство, нравственно обязаны совершенно и бесповоротно отказаться от этого наказания.

Так, например, Н. С. Таганцев писал: «Да и как шатки основания, на которых покоятся теории воздаяния или возмездия! Если ссылаются на божеский закон, требующий воздаяния “око за око”, то забывают, что мы живем не в ветхозаветном, а христианском мире, где нет места возмездию, где основой морали должны быть положены начала примирения и прощения»¹. В свою очередь, А. Бернер, протестуя против смертной казни по христианским законам, задавался вопросом: «Как может защищать смертную казнь христианин, когда казнь Спасителя должна служить поводом к вечному и громогласному протесту против смертной казни?»².

Еще во времена Средневековья Фома Аквинский указывал, что смертная казнь противоречит канонам христианства, ибо «наш Господь учит, что лучше позволить злому жить и оставить возмездие до Судного дня, чем предавать смерти добрых вместе со злыми»³. Вместе с тем он допускал смертную казнь для тех преступников, которые угрожали существованию общества.

Особое внимание к проблеме смертной казни уделял и Л. Н. Толстой. Отрицательное отношение Толстого к смертной казни скорее всего связано не столько с воздействием на него исполнения этого наказания гильотиной, которое он наблюдал в Париже в 1857 г., сколько с влиянием учения И. Христа и, в частности, с изречением «не противься злому». Возможно, если бы писатель был свидетелем жестокого убийства женщины и двоих ее малолетних детей, то изменил бы свое отношение к наказанию и к смертной казни в особенности. Он вообще считал этот вид наказания формой убийства, которая намного хуже, чем просто убийство из-за страсти или по другим личным поводам. Американец Ф. Кеннон рассказывал о своей беседе

¹ Таганцев Н. С. Смертная казнь. М., 2016. С. 19.

² Бернер А. О смертной казни. СПб., 1865. С. 13–14.

³ Аквинский Фома. Ч. 2. Кн. 2. Вопрос 64. Раздел 2.

с Л. Н. Толстым, в ходе которой он поставил перед ним прямой вопрос: стал бы он, великий писатель граф Л. Н. Толстой, убивать грабителя, готового лишить жизни невинную жертву, если нет никакой другой возможности спасти жизнь этого последнего. Толстой на это ответил: «Если бы я увидел в лесу медведя, который собирается задрать крестьянина, я разможил бы ему голову топором, но я бы не убил человека, готового сделать то же самое»¹.

Толстой на этом конкретном примере хочет подтвердить следующую истину: «Не противиться злему — значит не противиться злему никогда». По убеждению писателя, признание жизни каждого человека священной есть первое и единственное основание всякой нравственности. Непротивление злу как раз и означает отрицание Толстым смертной казни, ибо человеческая жизнь изначально. Жизнь человека священна не бранным телом, а бессмертной душой. Так, называя кого-нибудь преступником, считает Л. Толстой, и подвергая его насилию, мы отнимаем у него человеческое право; мы как бы говорим ему: «Ты не в состоянии думать о своей душе, это мы позаботимся о ней».

В статье «Не могу молчать», написанной в 1908 г., Л. Толстой осуждает применение смертной казни не только за убийство, но и за корыстные преступления: грабежи, поджоги помещичьих усадеб, за завладение помещичьими землями².

Из текста Нового Завета нельзя сделать вывод о том, что Иисус Христос никогда ничего против смертной казни не говорил. Это можно даже усмотреть в случае с женщиной, виновной в прелюбодеянии, на который очень часто ссылаются противники смертной казни. Как известно, с этим фактом к Христу

¹ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. / ред. С. А. Макашин. М., 1978. Т. 1. С. 369.

² См.: Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. 17. М., 1965. С. 522–523.

пришли книжники, т. е. законодатели, и толкователи законов — фарисеи, к которым люди обращались за разъяснением Закона Моисея. С какой целью они пришли к Иисусу Христу? Складывается мнение, что это была своего рода провокация, мягко говоря, искушение, чтобы найти против Иисуса Христа улики, если он будет отговаривать их от убийства, что означает выступать против Закона. Однако Христос разгадал их замысел. И когда его спросили, следует ли побить женщину, виновную в прелюбодеянии, как велит Закон Моисеев, он ответил: пусть первым бросит в нее камень тот, кто чувствует себя безгрешным. Можно ли из этого высказывания делать вывод относительно его отношения к смертной казни и к наказанию вообще? Р. А. Папаян, комментируя этот случай, справедливо, как представляется, считает, что Христос не позволил предать смерти блудницу, поскольку «израильтяне искажали закон, неверно цитируя Моисея», в том смысле, что побивать такую женщину камнями по Закону было нельзя, ибо слово «смерть» в Законе «фигурировало без всякой конкретизации, а значит, не является санкцией на казнь»¹.

Вопрос о смысле Божьего выражения «смертью умрешь» действительно многозначный, тем не менее, что касается смерти как наказания, она дана Богом и является компонентом первоправа. При любом варианте истолкование смысла выражения «смертью умрешь» нельзя не констатировать, что речь идет о наказании за непослушание, нарушение запрета, первого Закона Бога, что это наказание выражается в виде смерти. О. Бутеевич, говоря о противниках смертной казни, ссылающихся на учение И. Христа, в Государственном Совете России, выразил сожаление, что он слышал от них ссылки на учение Христа. Он обвинил сторонников отмены этого наказания в подтасовке

¹ Папаян Р. А. Христианские корни современного права. М., 2002. С. 44–45.

христианского учения, доказывая абсурдность таких тенденциозных выводов. В частности, он говорил: «Напрасно ссылаются на то, будто Христос осуждал смертную казнь, так как Он проповедовал, что царство Его не от мира сего. В Евангелии Христос ничего не возражал против смертной казни. Вы не встретите ни одного интеллигентного еврея, который бы вам сказал, что его религия запрещает смертную казнь».

Оправдание смертной казни как наказания достаточно хорошо обосновано И. Ильиным: «В убийстве человека есть нечто последнее и страшное; мы все это остро чувствуем, но лишь с трудом можем сказать, что именно ужасает в нем нашу мысль и вызывает в нас чувство такого давящего гнета». «Убивающий ставит себя в положение господина и владыки; мало того, он узурпирует Божие дело и посягает на Божеское звание»¹. «И когда человек убивает человека, то в сознании людей встает естественный вопрос: “Кто ты, что дерзаешь?” “Ты берешь, чего не дал и чего создать не можешь; кто же ты, что дерзаешь?”»². Христианство в лице религиозных деятелей очень скоро пошло по пути игнорирования заповедей И. Христа «не противься злу», «не будь побежден злом, но побеждай зло добром», Нагорной проповеди, духа христианства, забыли распятого Христа, Его последнюю беседу с учениками, Его заветы о милосердии, призывы к любви, а стали одобрять насилие, жестокость, смертную казнь за инакомыслие.

Одним словом, христианство пошло не по пути учения, и на практике насилием и принуждением обращали в новую христианскую религию «любви». Так, например, для Августина не имело значения, каким путем приводят человека к почитанию Бога, утешая его благодеяниями, или научая истине, или же принуждая властью. Он считал, что власть в лице начальства

¹ Ильин И. О сопротивлении злу силой. М., 2005. С. 397.

² Там же. С. 157.

не напрасно носит меч; оно получило от Бога должность наказывать любые преступления. И это Августин называл «законной карой». А Папа Лев Великий кровавые наказания, телесные наказания считал средством к духовному спасению. При этом они ссылались на И. Христа, утверждая, что Он поручил властителю, государю истреблять идолопоклонства и разрушать храмы язычников, преследовать преступления против религии. Даже не смущались напомнить им, именем Христа, поучительные примеры опустошения Ханаана евреями и преследования идолопоклонства еврейскими ветхозаветными царями. Христианство забыло, что истина и любовь побуждают гораздо скорее и вернее там, где им не сочувствуют ни тюрьма, ни меч, что Евангелие сильнее само по себе всех мер государственного принуждения. Христианство исходило из того, что власть, установленная Богом, сама стоит в известном отношении к Божественному Закону и как таковая облечена важной задачей хранения христианских заповедей не только Моисея, но и Евангелия. А из этого вытекают непосредственно и обязанности власти наказывать тех, кто их нарушает.

Подобное же нарушение, по Закону Моисея, — уголовное преступление, подлежащее светскому наказанию. Как известно, Десять заповедей требуют почитания истинного Бога. Следовательно, непочитание Бога объявляется религиозным преступлением. Понятие же «непочитание Бога» имеет широкий диапазон. Под это деяние подпадают любые инакомыслие, ересь, богохульство. Для защиты христианства, по Писанию, государственная власть имела право использовать все меры и средства института преступления и наказания, начиная с лишения гражданских прав и кончая смертной казнью. Каждое отдельное лицо, например, в период инквизиции без суда и следствия подвергалось смертной казни. Общеизвестен факт сожжения живьем протестантскими властями антитринитария Мигеля Сервета в Женеве. Даже в XVII в. мы встречаемся еще с практикой

казни еретиков у евангелических народов: в 1686 г. был обезглавлен и сожжен в Кенигсберге Адельгрейер, а в 1987 г. был казнен в Любеке согласно мнению Кильского юридического и Виттенбергского богословского факультетов, еретик Гюнтер. Преступление против веры наказывалось в зависимости от тяжести совершенного деяния: от денежных штрафов до смертной казни. Было определено наказание за переход из христианства в иудейство. Те, кто продолжал молиться старым богам, осуждались на смерть. Одним словом, на государственной власти лежит обязанность защищать христианство по Писанию при помощи меча, который дан Богом. Среди христианских религиозных деятелей были и реформаторы (Лютер, Меланхтон), которые считали, что светская власть имеет в своих руках меч и лозу, чтобы наказывать злых и защищать добрых, т. е. использовать институт преступления и наказания. Власть определяет круг преступных деяний и наказывает нарушающих внешний порядок посредством применения телесных наказаний. Служители же церкви, т. е. учителя Евангелия (Писания) наказывают верующих только словом Божиим и отлучением от церкви, а не телесными средствами. Реформаторы, таким образом, отделяли светское уголовное законодательство от Писания как кодекса, данного с неба, по которому должны жить и церковь, и государство. А это означает, что христианство должно отказаться от применения наказания, которое служит церкви и инквизиторам. Однако реформа погубила свое дело, признав княжеский меч для устройства нового христианского порядка. Реформация также запятнала себя казнями еретиков и «богохульников» и тем лишила себя светлого ореола освободительницы христианства из-под гнета средневекового рабства. Нельзя не отметить и христиан-крестоносцев, которые сделали антисемитское насилие хронической болезнью в Европе: всякий раз, когда начинался Крестовый поход, первыми жертвами становились

евреи по соседству¹. Во время первого Крестового похода, когда крестоносцы ворвались в Иерусалим, то за три дня перебили 30 000 человек. Евреев загнали в синагогу и предали мечу. И не только евреев. Были убиты все сарацины и турки: и мужчины, и женщины. Роберт Монк даже заявил, что по важности этот день уступает лишь сотворению мира и распятию Иисуса².

В 1096 г. германские крестоносцы перебили от четырех до восьми тысяч евреев в Штеейере, Вормее и Майнце. Их предводитель Эмихон думал, что второе пришествие не состоится, пока евреи не обратятся в христианство. Он отдал приказ крестить евреев под угрозой смерти. Некоторые крестоносцы искренне удивлялись: зачем идти и воевать с мусульманами за тридевять земель, когда буквально под носом находятся люди, убившие Иисуса?

Не оставили христиане без внимания и мусульман. Под давлением Папы Фердинанд и Изабелла требовали от мусульман перейти в христианство. Французский король Людовик IX и папа Иннокентий IV рассчитывали обратить монголов в христианство и их руками разорить ислам. В итоге же, первым из монгольских вождей, принявших ислам, был Газанхан (1299). Мусульман на Западе крестоносцы стали воспринимать как племя низкое и гнусное, презренное, выродившееся и порабощенное бесами, полностью чуждое Богу и пригодное только для истребления³. Мусульман потрясла жестокость крестоносцев. Следует отметить, что мусульмане уже три столетия воевали с местными царствами, но в этих войнах всегда соблюдались определенные рамки. Когда Салах-ад-Дин захватил Иерусалим, то первым его побуждением было вспомнить о резне 1099 г.

¹ См.: *Армстронг К.* Указ. соч. С. 243.

² См.: Robert the Monk, *Historia Itherosolimitana* (Paris, 1846). RNC, 3. P. 741.

³ См.: *Армстронг К.* Указ. соч. С. 246.

и воздать кровью за кровь. Однако франкский посол убедил его проявить кротость. В итоге ни один христианин не был убит. Нелегко было западным христианам осознать, что Салах-ад-Дин повел себя человечнее, чем их собственные рыцари. Итак, христианство с самого начала столкнулось с дилеммой: следовать указаниям И. Христа или придерживаться насилия, что идет вразрез с Писанием — Евангелием.

§ 2. Сущность наказания в христианстве: «О непротивлении злу насилием»

1. «Вы слышали, что сказано: “око за око и зуб за зуб”. А я говорю вам: **не противься злему**. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду» (Мф. 5:38–40). Это было сказано наиболее полно и конкретно в Нагорной проповеди. Что имеет в виду И. Христос? Однозначного ответа на этот вопрос никогда не было, нет и сейчас среди умнейших людей, в особенности в дореволюционной России. Существуют различные теории и мнения по этой философской проблеме и среди представителей христианской теологии. Этот вопрос не только нравственно-религиозный, но, в большей степени, и философско-правовой, ибо речь идет о сущности преступления как зла и наказания как средства противодействия этому злу. Одним словом, заповедь «не противься злему» — одна из центральных пунктов толкования Священного Писания. Начнем с Л. Н. Толстого. Вообще следует заметить, что в центре всех философских исканий у великого писателя, в том числе и в отношении учения И. Христа о непротивлении злу насилием стоит вопрос о моральном совершенстве человека. Именно от разрешения этого вопроса зависит и им определяется все остальное. Все учение его есть не что иное, как мораль.

Все миросодержание его может быть сведено к тезису: «Надо любить (жалеть); к этому приучить себя; для этого воздержаться и трудиться; в этом находить блаженство; все остальное отвергнуть». У Л. Толстого имеются два прямо противоположных воззрения на природу и на человеческое общество — на эти две великие части внешнего мира. Согласно первому воззрению, природа божественна и благодатна. Она создана Богом; она связана с ним настолько, что ее закон есть Его закон, так что религия устанавливает связь человека не только с Богом, но и с «вечным, бесконечным миром», от него происшедшим. Воля Бога не только не расходится с «вечными, неизменными» законами природы, но прямо совпадает с ними; исполнение данных законов есть исполнение Его воли.

Этот мир движим любовью; и даже животные живут в нем мирно и не обижают друг друга. Однако этому миру любви противостоит обратное понимание: он (мир) есть мир розни, вражды, зла и эгоизма; в нем царит «невообразимый» закон борьбы за существование; этот закон руководит жизнью всего органического мира, а потому и человека, рассматриваемого как животное; это — вечный для всего живого закон эволюции.

Великий писатель Л. Н. Толстой, разъясняя слова И. Христа: «Вы слышали, что сказано древним: око за око, зуб за зуб. А я говорю: не противьтесь злему», писал: «Он говорит просто, ясно: тот закон противления злу насилием, который вы положили в основу своей жизни, ложен и противоестественен и дает другую основу — непротивления злу, которая, по его учению, одна и может избавить человечество от зла. Он говорит: вы думаете, что ваши законы насилия исправляют зло, они только увеличивают его. Вы тысячу лет пытались уничтожить зло злом и не уничтожили, а увеличили его. Делайте то, что я говорю и делаю, и узнаете, правда ли это»¹.

¹ Толстой Л. Н. В чем моя вера?// Толстой Л. Н. Закон насилия и закон любви. О пути, об истине, о жизни. М., 2004. С. 195.

Как видим, это высказывание принципиально отвергает древний закон о справедливом возмездии по формуле «око за око», так как насилие, по Толстому, не может быть благом, полезным никогда, ни при каких обстоятельствах. Применительно к уголовной политике это означает отрицание наказания как средства в борьбе с преступными проявлениями, его бесполезность, бессмысленность, а значит, и безнравственность. Одновременно это есть и отрицание преступления как зла.

Л. Толстой пишет: «Пробовали во имя государственной необходимости блага масс стеснять, ссылать, казнить, пробовали во имя той же необходимости блага масс давать свободу — все было то же. Отчего не попробовать во имя Бога исполнять только закон Его, не думая ни о государстве, ни о благе масс. Во имя Бога и исполнение закона Его не может быть злом»¹. В письме Н. Н. Страхову в июне 1881 г. он определяет жестокие наказания как соблазн, провоцирующий на новые проявления преступлений². Отрицая наказание как средство борьбы с преступностью, Толстой выступил за смягчение участи, по его мнению, несправедливо осужденных, в частности студентов, недовольных полицейскими порядками в университете, обиженных помещиками крестьян и многих других. В этом нетрудно усмотреть проявления высокого гуманизма писателя. В статье «Не могу молчать» Л. Толстой осуждает применение смертной казни не только за убийство, но и за корыстные преступления: грабежи, поджоги помещичьих усадеб, за завладение помещичьими землями.

Не противься злему, по мнению Л. Толстого, — значит никогда не делать насилия, не совершать поступков, которые противоположны любви и добродетели. В этом усматривается

¹ См.: Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. 17. М., 1965. С. 526.

² Там же. С. 536.

все учение И. Христа о любви, так как Л. Толстой считает, что именно Он возвысил любовь до уровня основополагающего, высшего закона жизни, дал этому закону адекватное метафизическое обоснование.

Формула «непротивление злу насилием» требует, естественно, ответа на вопрос: а как тогда сопротивляться преступлениям, убийствам, изнасилованиям, разбою и т. д., если отказаться от наказания за эти деяния? Что предлагает И. Христос, а затем и Л. Толстой? В учении И. Христа ответа на этот вопрос мы не находим. Странно, что Христос вообще никогда ничего не предлагает. Что касается Толстого, то он ограничивается только тем, что противиться злу можно и нужно, только не насилием, а другими — ненасильственными методами, которые так и не были предложены великим писателем.

Он только призывает к внутреннему преодолению преступления, насилия, зла, т. е. к самосовершенствованию, к любви, а не к борьбе с преступлением, к внешнему принуждению. Такая позиция симпатизирует и привлекает, а также совершенно правильна с точки зрения нравственных ценностей и критериев, ибо приоритет отдается убеждению, что вполне соответствует учению И. Христа и христианской религии. В то же время это уже и есть отрицание принуждения и наказания, что означает непротивление злу насилием.

И. Ильин отмечает: «Так случилось, что учение графа Л. Н. Толстого и его последователей привлекло к себе слабых и простодушных людей и, придавая себе ложную видимость согласия с духом Христова учения, отравляло религиозную и политическую культуру»¹. И. Ильин при этом несколько не сомневался в том, что Толстой и примыкающие к нему моралисты совсем не призывают к такому полному сопротивлению, которое было бы равносильно добровольному нравственному

¹ *Ильин И. О сопротивлении злу силой. С. 10.*

саморазвращению, а напротив, борьба необходима, но ее целиком следует перенести во внутренний мир человека и притом именно того человека, который сам в себе эту борьбу ведет. Кстати, идея о самосовершенствовании внутреннего мира человека лежит в основе буддизма. Достаточно большое внимание наказанию как силе, противостоящей злу, преступлению, было уделено известным русским философом-правоведом В. С. Соловьевым в работе «Право и нравственность. Очерки из прикладной этики» (1897). В чем суть философии В. Соловьева? В принципе, его взгляды так же, как и взгляды Л. Толстого, находятся под влиянием учения И. Христа. Исходя именно из этого вероучения, В. С. Соловьев предлагает не использовать принуждение, наказание, силу в борьбе со злом, с преступными проявлениями. В обобщенной форме его взгляды определены в следующем тезисе: «Одно из двух: или главный смысл наказания в устрашении, и тогда необходимо допустить мучительные казни, как меры, наиболее соответствующие этому смыслу, как устрашающие, по преимуществу; или же сообразоваться с нравственным началом, дающим, что позволено и что непозволительно, и тогда нужно совсем отказаться от самого принципа устрашения, как мотива, по существу, безнравственного или непозволительного, с нравственной точки зрения»¹.

Нетрудно заметить, что В. С. Соловьев категорически против наказания–устрашения, ибо оно преследует одну-единственную цель — держать население, общество в страхе. А это, естественно, приведет к применению более суровых и жестоких, чем необходимо, наказаний, что противоречит и не соответствует нравственным началам наказания, поскольку в этом случае преступник превращается в средство или орудие для общественной пользы. Такой принцип безнравствен по

¹ Соловьев В. С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. М., 2013. С. 65.

отношению не только к человеческому достоинству в лице совершившего преступление, но и ко всему обществу.

В. С. Соловьев, как и подобает философу-гуманисту, выступает против использования обществом человека для достижения своих целей, если даже они общественно полезны. В то же время, понимая, что любое наказание обладает естественным свойством психологического устрашения, он, в принципе, не отрицает теорию устрашения, принимая ее в смысле основного определяющего начала уголовной юстиции, а не в смысле только психологического обстоятельства. Поэтому, полагает он, наказание как устрашающее возмездие не может быть оправдано именно с нравственной точки зрения, потому что оно отрицает в преступнике человека, лишает его присущего всякому лицу права на существование и нравственное совершенствование и делает из него страдательное орудие чужой безопасности. Даже самые жесткие наказания, по его мнению, наглядного устрашающего воздействия, в объективном представлении глубокого ума, не имеют, о чем свидетельствует история борьбы с преступностью с применением самых диких, кровавых видов наказания. Следовательно, необходимо не физическое мучение преступника, а нравственное его исцеление или исправление. Одним словом, наказания, даже жесткие, никогда не были эффективными и целесообразными в достижении поставленной цели, а значит, не могут быть и нравственно оправданными.

Отрицая саму идею наказания в смысле устрашения, В. С. Соловьев считает, что наказание — понятие многостороннее, но его различные стороны одинаково обусловлены общим нравственным человеколюбием, обнимающим как обиженного, так и обидчика. Поэтому оно должно быть построено на нравственных началах, что, естественно, исключает из его сути и содержание мотива устрашения. А это в свою очередь приведет к исчезновению и самого понятия о наказании в смысле заранее, окончательно (и в сущности произвольно) предупреждаемой меры воздействия на преступника. Вот тут-то философ

сталкивается с очень важным вопросом: как бороться со злом, с преступлением, каким образом им противостоять, как предупредить, если отказаться от устрашения, а значит, и от наказания? Естественно, В. С. Соловьев не может не понять значение и смысл данных вопросов и поэтому считает, что точно так же не оправдывается нравственно и пассивное отношение к преступлению, оставляющее его без противодействия, хотя и уточняет: противостоять злу злом непозволительно и бесполезно, ненавидеть злодея за его злодеяния и потому мстить ему есть нравственное ребячество или дикость. В отличие от Л. Н. Толстого, В. Соловьев пытается как-то ответить на поставленный вопрос, хотя и не может выйти за рамки учения И. Христа о непротивлении злу насилием. Поэтому он предлагает рассматривать наказание без карательного содержания, без страданий, которые причиняются человеку, совершившему преступление, а самое главное — без элементов устрашения и страха. Что это за средство — некарательное воздействие, которое выступает альтернативой наказанию? Если говорить кратко, оно есть идея наказывать не за деяния, а в связи с условиями его совершения, варьируя меры наказания в соответствии с предполагаемыми опасными свойствами личности преступника. Это отказ от карательного содержания наказания, т. е. от страданий, лишений, боли, которые причиняются человеку, совершившему преступление. С резкой критикой в адрес Л. Н. Толстого и его единомышленников выступил известный русский философ И. А. Ильин, который посвятил этому вопросу целую книгу под названием «О сопротивлении злу силой». Автор считает, что вопрос о сопротивлении злу — сопротивляться ли ему и как именно — есть вопрос не настроения, не произвола, не вкуса и не темперамента, а характера и религиозности, вопрос религиозного характера; это — вопрос основной религиозной силы — любви, и притом мироприемлющей любви¹.

¹ Ильин И. Указ. соч. С. 343.

И. Ильин считает, что из учения И. Христа о непротивлении злу («Не противься злему») вытекает, что, с одной стороны, Бог есть «любовь» и хочет от людей взаимного «сострадания» и «единения»; с другой стороны, Он хочет злодейства, насилия, преступления и безнаказанности для преступников; все, что совершается, совершается по воле Божией, и злодей, злодействуя по Его воле, не имеет никаких оснований воздерживаться от своих преступных намерений. Итак, что мы имеем: все учение И. Христа о соотношении Божией воли и человеческой воли становится жертвой противоречия и произвола.

А как быть с применением физической силы в борьбе с преступлениями? По мнению И. Ильина, это возможно и бессмысленно, но отнюдь не исключение, ибо «в силу самой природы своей оно (насилие) должно применяться не тогда, когда его можно применить, а тогда, когда его применить необходимо; и всюду, где в нем нет необходимости, его применять не следует. Ибо его внешняя, физическая природа инородна и неадекватна побораемому началу зла»¹. Должны быть осуждены и отвергнуты все формы физического понуждения, ожесточающие человека, озлобляющие его и превращающие его в слепого ненавистника и мстителя². Отвергающие наказание, отмечает И. А. Ильин, настаивают на том, что путь (этот) есть несправедливый путь. Но ведь христианин, как И. Христос, должен принять мир и не принять зла в мире. Как Он, воспринять зло, насилие, преступление, испытать его и увидеть, но не принять его. Значит, и повести с этим явлением (преступлением) жизненно-смертную борьбу. Поэтому он не соглашается с теми, кто отвергает сопротивление преступлению и настаивает на том, что путь наказания есть несправедливый путь. И. А. Ильин совершенно прав, ибо очевидно, что современного человека невозможно

¹ Ильин И. Указ. соч. С. 185.

² Там же.

остановить и преобразовать одними нравоучениями и проповедями, ибо агрессия, насилие, пребывающие в человеке, сохраняют свое бытие, свою силу и свою злобовредность даже и тогда, когда оно не изливается ни в какие определенные внешние поступки; они продолжают жить и размножаться, отравляя и душу носящую, и душу, воспринимающую его в отражении. В то же время ученый, на наш взгляд, недооценивает меры принуждения и наказания и полагает, что главная борьба со злом, с преступной натурой человека должна вестись внутренне, в душевно-духовном измерении. Иными словами, наказанием невозможно изменить внутренний мир человека в лучшую сторону. Иначе говоря, он отрицает исправление и перевоспитание посредством наказания. «Пока в человеческой душе живет зло, меч будет необходим для пресечения его внешнего действия, — меч, сильный и в своей неизвлеченности, и в своем пресекающем ударе. Но никогда меч не будет ни созидующим, ни последним, ни глубочайшим проявлением борьбы. Меч служит внешней борьбе, но во имя духа; и потому, пока в человеке жива духовность, призвание меча будет состоять в том, чтобы его борьба была религиозно осмысленна и духовно чиста»¹. Автор пытается также ответить на вопрос о том, следует ли всю проблему сопротивления злу, преступлению сводить к прощению? Сторонники непротивления преступлению, злу, насилию считают, что личное прощение в какой-то мере разрешает проблему борьбы с этими явлениями. Действительно исходя из учения И. Христа о милосердии, о любви это возможно. Но разве этим мы уничтожаем те качества, которые привели человека к преступлению? Прощение возможно, если мы будем убеждены в том, что эта агрессия, зло преступное намерение у него не останутся, а исчезнут и что он никогда больше не совершит подобного деяния. Но для прощения и этого недостаточно, ибо

¹ Там же. С. 289.

мы должны быть уверены в том, что подобное милосердие, любовь к человеку, гуманизм окажут положительное влияние на правомерное поведение человека. В связи с этим хотелось бы напомнить, что Коран допускает такое прощение со стороны потерпевшего даже для убийц взамен вознаграждению. Однако, как показывает практика, это положение Аллаха практически не работает. Надо учитывать и то обстоятельство, что право прощения принадлежит пострадавшему и его представителю. Поэтому совершенно справедливо И. Ильин задается вопросом: «И вообще, кто дал мне право прощать от себя насильника или убийцу? Ведь в составе каждой неправды, каждого насилия, каждого преступления, кроме личной стороны “обида” и “ущерба”, есть еще сверхличная сторона, ведущая преступника на суд общества, закона и Бога; и понятно, что личное прощение частного лица не властно погасить эту подсудность и эти возможные приговора»¹. Речь о прощении, на наш взгляд, может идти тогда, когда обида, вред, зло носят личный характер, т. е. касаются лично его и не затрагивают интересы других людей. Однако и этого недостаточно, ибо существуют еще и интересы всего общества, игнорирование которых может привести к отрицательным последствиям. Например, установление Евангелия: «Кто ударит тебе в правую щеку твою...» (Мф. 5:39) можно считать личной обидой и согласиться с прощением, если вследствие этого удара никаких повреждений не наступило. Подводя итог дискуссии с теми, кто против сопротивления злу силой, И. Ильин пишет: «Тот, кто злу, преступлению не сопротивляется, тот уступает ему и идет в его свите; кто не пресекает его нападение, тот становится его орудием или гибнет от его лукавства. Здесь нельзя выжидать, вилять или прятаться, ибо не говорить злу ни “да”, ни “нет” значит говорить ему “да”, и потому выжидающий прячущийся совсем не “выжидает” и не

¹ Ильин И. Указ. соч. С. 220.

“прячется”, а предает и предается»¹. Теперь хотелось бы высказать свое суждение по этой философской проблеме.

2. Представляется, что вопрос о сопротивлении или несопротивлении злу силой следует поставить и попытаться разрешить его философски. Надо определиться: требовать, чтобы человек всегда сопротивлялся злу силой или же чтобы никто никогда не сопротивлялся силой злу. Однако вначале нам необходимо разобраться с самим понятием и со смыслом заповеди «не противься злему». Что хотел сказать нам Всевышний посредством И. Христа, посылая это требование? К кому данная заповедь обращена: к отдельным личностям или же к государству? Иначе говоря, заповедь имеет два аспекта понимания: определяет отношение между конкретными людьми, т. е. имеет значение личного характера, и в то же время мы можем понимать это установление и как деятельность государства по применению силы против зла (общественное значение заповеди). Ответ на этот вопрос имеет принципиальное значение, ибо речь идет о применении силы против зла как со стороны отдельной личности, так и со стороны государства как субъекта правоприменителя в виде наказания, принуждения в отношении преступников, злодеев и т. д. Принцип «не противься злему» означает, что христиане ставят заповедь — учение И. Христа выше законов государства, так как «должно Богу повиноваться более, чем людям», и Сам Христос был казнен за то, что «повиновался воле Своего Отца, а не закону иудеев». Марк Аврелий смотрел на христиан как на преступную секту, которая противится государственным законам, так мудро установленным для блага целого. Да И. Христос учил не мечу, а любви. Все Его учение основано именно на этом.

Противоречит ли учение о любви И. Христа, а точнее послание Господа Бога, сопротивлению незлодея злу, агрессии и насилию со стороны злодея? Если все наши действия и помыслы

¹ Там же. С. 263–264.

зависят от Бога, направляются и контролируются Им, тогда Он хочет, чтобы злодей, преступник, насильник мог свободно совершать все, что надумал. Но когда незлодей, непреступник захочет помешать в этом преступнику, то это Богу не угодно. Иначе говоря, «воля Божия состоит в том, чтобы никто не обижал злодеев, когда они обижают незлодеев...»¹. Но возможно ли это? Может ли Всевышний требовать от нас такого?

Если все это обозначить на уголовно-правовом языке, получается, что человек, подвергшийся нападению со стороны преступника, должен ничего не делать, предоставляя ему завершить свое намерение, не мешая ему и не вторгаясь в этот процесс насилия, так как это сфера Божьего ведения. Такое сопротивление, пресечение преступления означало бы вмешательство в дела Бога, проникновение в сферу Его деятельности и присвоение себе Божьего права наказания. Может ли тогда сопротивление преступлению считаться грехом, если сопротивляющийся присваивает себе Божии права и разрешает «дела Божии»? В самом деле, что было бы, если бы человечество целиком и полностью приняло бы учение И. Христа, который выступает от имени Всевышнего, о непротивлении злу и положило бы эту идею в основание уголовного права? Тогда бы было публично установлено законодательством, что никто не смеет пресекать деятельность преступника, ибо человек беспредельно свободен и вправе делать все, так как убежденный поступок есть высшая самооценность в жизни. Разве такими создал нас Всевышний? Мог ли вообще Господь Бог послать людям такую заповедь? Зная, что созданное Им духовно здоровое существо не может оставаться равнодушным, без возмущения «при виде внутренне торжествующего и внешне изливающегося зла»². Разве Он может позволить, чтобы несопротивляющийся-

¹ Ильин И. Указ. соч. С. 173.

² Там же. С. 85–86.

ся злу человек стал соучастником в этом злонамерии, насилии своим попустительством и одобрением, и молчаливым согласием на такое поведение злодея. Ни в одном Священном Писании (Библия, Коран, Евангелие) сопротивление преступлению, злу, насилию силой, наказанием не является грехом, там, где оно объективно необходимо и где оно оказывается единственным или наиболее эффективным средством пресечения таких злодеяний. Поэтому утверждать, что противление злу является злом, грехом или безнравственным актом, значит дать возможность злу, преступности контролировать все общество и показать силу зла на добром. «Преступника без наказания оставлять есть не милость, бесчеловечие и безумие, которое и милующего к гибели ведет. Худо там являть милость, где наказание требуется, худо прощать и щадить того, кто не оставляет греха и не кается. Грех ненаказанный к иным грехам подает повод; и един злодей, прощенный многим к подобному злодеянию, поощрение подает. Ибо злые, видя ненаказанного злодея, на то же злодеяние обращаются с той надеждою, что то же прощено будет в случае обличения. Отсюда последует умножение злодеяний, и от тех Отечеству немалая утрата»¹.

Представляется, что в заповеди И. Христа существует более глубокая мысль, которую нам трудно раскрыть. В первом своем Священном Писании — Библии (Ветхий Завет) Бог, наоборот, посредством Моисея устанавливает за зло отвечать злом равным. Почему же Всевышний через несколько веков ровно на 180 градусов изменил свое отношение к принципу талиона и считает, что за зло не только не следует отвечать злом, а, наоборот, за зло надо платить добром? Согласимся с тем, что Господу Богу было желательно, чтобы созданные им существа не совершали зла, насилий, убийств после убийства Авеля братом его Каином. Возможно, тогда еще они не совсем осознавали, что

¹ Творения Тихона Задонского: в 3 т. Т. 3. С. 349.

преступление — это зло, и не понимали значения добра и зла. Каждый в другом человеке не признавал и не видел себе равного. Иначе говоря, каждый в другом видел просто другого — чужого, а не ближнего, даже родного брата. Поэтому Всевышний понимал, что самое лучшее средство для пресечения зла, насилия, убийств — принцип талиона, а также самые древние суровые виды наказания за эти деяния. Однако ко времени послания Евангелия ситуация в этой сфере не изменилась. Люди как убивали друг друга, так и продолжали убивать, насиловать, обманывать, красть. Жестокое отношение к преступающим Законы Божии результатов не дало. Вот тогда Он и решил применить принцип «непротивления злу насилием». Бог требует от людей любви не только к Нему, но и к ближнему. Что же означает призыв Бога «любить ближнего, как самого себя»? Возможно ли вообще это? Возможно, если каждый в другом человеке признает и видит себе равного.

Да, мы согласны с тем, что путь сопротивления преступлению посредством силовых мер и применения наказания не лучший правильный путь. Но разве Господь Бог показывает нам другой, праведный путь, без принуждения, страдания и унижения? И. Христос, говорящий от Его имени, ни разу ни одним словом не осудил наказание и принуждение со стороны государства в ответ на насилие, убийство и всякое другое зло. Почему? Потому, что И. Христос понимал, что когда человек в борьбе со злом, насилием обращается к обороне посредством силы, то он не имеет права слагать с себя эту обязанность, которая возложена на него Самим Богом, и перелгать ее на Всевышнего, ибо это право суть не только божественное, но и человеческое. Господь дал право сопротивляющемуся преступлению, злу самому оценивать ситуацию и принять решение, а не ждать разрешения или помощи от Бога, который уже обязал человека исполнять Его волю. К какой стороне поведения человека следует относиться по заповеди «не противься злему» —

нравственной ли правовой? Вот принципиальный вопрос, который требует ответа.

Что означают понятия «непротивление», «зло», «сила», которые являются категориями нравственности и составляют сущность данной заповеди? Демокрит сказал: «Я поведу речь о сущем». Это означает, что сущность — то постоянное, что сохраняется в явлении при различных вариантах, в том числе и временных, т. е. сердцевина бытия. В философии сущность определялась и сейчас определяется как начало понимания вещей, их вечный принцип бытия, внутренняя структура, первичное устойчивое и необходимое качество. Сущность не просто составляет внутренний смысл сопротивления, но и соответствующим образом проявляется вовне, определяя способ своей объективизации посредством своих свойств и возможностей. Суть заповеди «не противься злему» — пассивное воздержание от сопротивления обидчику, действиям его не противиться как необходимому злу. Если можно было бы сопротивляться им, не нарушая нравственного закона, то такое сопротивление было бы желательно и необходимо. Таким образом, И. Христос предлагает наивысший уровень нравственности, заключающийся в том, что само противление злему не может быть средством противодействия этому деянию.

Достоевский так разъяснял указанную заповедь И. Христа: «Пред иною мыслью станешь в недоумении, особенно видя грех людей, и спросишь себя: “взять ли силой али смиренною любовью”. Всегда решай: “возьму смиренною любовью”. Решиться так раз навсегда, и весь мир покорить можешь. Смиренье любовное — страшная сила, изо всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего»¹.

И. Христос наставляет апостола Петра, решившего защитить своего учителя: «...возврати меч твой в его место, ибо все,

¹ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. СПб., 1895. Т. 1. С. 379–380.

взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26:52). Святитель Иоанн Златоуст выводит из этого следующее: «Итак, двумя причинами Он хотел успокоить учеников: во-первых, угрозою наказания тем, которые начинают нападение: ибо все, сказал Он, взявшие меч, мечом погибнут; во-вторых, тем, что Он терпит это добровольно».

То, что зло — это плохо, вредит общественным и личным интересам, не вызывает ни у кого сомнений, поскольку составляет предмет нравственного осуждения и порицания. Это относится и к злу, имеющему значение не только личного характера, но и общественного. Поэтому человек с самого появления человечества, а государство с момента своего возникновения всегда использовали противодействие против этого зла. Человек сопротивлялся как мог, чтобы предотвратить зло, вред, насилие со стороны другого. Государство же изобрело средство под названием «наказание». Сопротивление в значении личного характера было против вреда, а сопротивление в значении общественного было против преступления. И вред, и преступление — зло, а сопротивление этому злу рассматривается как добро. В противном случае, и тот, кто применит добро, — тоже злодей.

Сопротивление злу силой есть реагирование на какое-либо учиненное деяние. Оно есть действие, направленное в отношении лица, учинившего что-либо и выражающего собой оценку учиненного. Сопротивление злу силой имеет древнюю историю и начинается с обычаев и традиций кровной мести. Любая обида, нанесенная одним из членов группы, общины, ощущается всей группой и вызывает общее чувство мстительности.

Поскольку сюда входит сострадание к потерпевшему, то следует признать и наличие здесь нравственного элемента, но преобладает в этой реакции на обиду, конечно, инстинкт собирательного самосохранения¹. Не случайно подчеркиваются роль

¹ Соловьев В. Право и нравственность. Минск; М., 2001. С. 47–48.

и значение инстинкта самосохранения, ибо у взрослых людей любое враждебное личное нападение извне превращается в рефлекторное действие против нападающего как противника. Именно на этой подобной рефлексу реакции индивидуума против внешних нарушений его неприкосновенности основывается месть, которая стремится уничтожить виновника такого нарушения. Естественное чувство мести не знает другой меры, кроме силы раздражения и энергии, которая накопилась у ответствующего лица¹.

Деятельность государства по применению силы против зла начинается тогда, когда сопротивление этому злу уже есть не просто действие, а целенаправленное действие государства в отношении лица, совершившего это зло (преступление), ибо сопротивление злу силой уже не принадлежит человеку и не имеет значение личного характера и как понятие само по себе не может действовать, кто-то должен привести его в действие для достижения определенной субъектом социальной цели. Просто так, бесцельно государство не может осуществлять сопротивление силой. Для этого оно должно иметь государственную политику, именуемую доктриной. Для достижения поставленных задач как средство сопротивления злу (преступлению) силой государство использует наказание. Однако очень важно, чтобы деятельность государства по применению силы (наказания) против зла (преступления) осуществлялась с соблюдением определенных принципов, т. е. чтобы нарушитель, злодей (преступник) не претерпел больше зла, чем то, которое он заслужил.

Нужно различать представления о возмездии как сущности наказания и о возмездии как государственной политике, именуемой доктриной. Возмездие как сущность наказания, выступающее в роли связи между преступлением и наказанием, не

¹ *Еллинек Г. В.* Социально-этическое значение права, неправды и наказания. М., 2013. С. 104.

означает, что нарушенное преступным действием восстанавливается соответствующим или равномерным воздействием со стороны государства, т. е. что убийца, например, должен быть обязательно казнен.

Отвержение телесных наказаний как способа воздаяния классическим либерализмом XVIII в. — третий, просвещенно-правовой этап развития идеи воздаяния. Как известно, до этого времени существовал предрассудок, согласно которому преступные деяния искореняются тем быстрее, чем беспощаднее, мучительнее наказание.

В принципе, идея возмездия, в какой бы форме она ни осуществлялась, требует определенного размера, она противится тому, чтобы нарушитель (преступник) претерпел больше зла, чем то, которое он заслужил. А из этого следует, что если суть зла (преступления) заключается в покушении на свободу и жизнь человека, то сила сопротивления состоит в угрозе лишения свободы и жизни покушавшегося, т. е. злодея (преступника). Если тяжесть зла (преступления) измеряется степенью насилия над свободой другого человека, то тяжесть силы сопротивления — сроком лишения свободы злодея (преступника). Вот принципиальная схема сопротивления злу силой, которое вытекает из формулы: равенство в свободе по всеобщему закону. Но ведь большей силы сопротивления, чем лишение жизни, не существует. Поэтому оно может быть применимо лишь за самые тяжкие злодеяния (преступления), каковыми следует считать умышленные убийства, и только так возможно почувствовать справедливость силы сопротивления.

Сопротивление злу силой и в понимании значения личного характера, а в особенности, когда это относится к деятельности государства, нравственно обосновано тогда, когда оно не есть месть, которая характеризуется грубостью, безмерной и бессмысленной реакцией потерпевшего. Оно есть идея о том,

что зло (преступление) должно в жизни вызывать к себе отношение, соответствующее его отрицательной оценке. Именно в этом и заключается суть сопротивления злу (преступлению) силой. Что касается второй заповеди «если ударят тебя в правую щеку, то подставь обидчику и левую», то она означает акт «терпения», т. е. терпи обиду, ибо такое терпение есть великая добродетель; в терпении есть великая ценность, и для него нужны великие способности. Не сопротивление, а именно терпение нужно и требуется, чтобы победить зло и уготовить Царство Божие. Не пассивное воздержание требуется в данном случае, а любовное действенное терпение.

§ 3. Преступление и его причины в учении И. Христа

Преступление, по Новому Завету, так же как и в других Священных Писаниях, понимается как **грех**, т. е. нарушение заповеди Божией, «есть беззаконие» (I Ин. 3, 4). Грех в любом проявлении, с точки зрения всех религий, представляет собой угрозу безопасности человека. Понятия «грех» и «преступление» неоднозначны. Грех — это нарушение Божьей воли, т. е. тот случай, когда человек совершает поступок, который не совпадает с волей Божией, когда человек не соблюдает установленные Новым Заветом требования к верующим. Поэтому, если человек не верующий и не признающий Божии Законы нарушает эти положения, то для него это не грех. Грех вошел в мир через первых людей, согрешивших в раю (Быт. 2–3).

Хотя определение понятия преступления в Евангелии отсутствует, тем не менее по некоторым установлениям Писания можно определить, что именно под этим понимается. Читаем: «Истинно, истинно говорю вам: кто не дверью входит во двор овчий, но перелазит ниже, тот вор и разбойник...» (Ин. 10:1). Далее: «Вор приходит только для того, чтобы украсть, убить

и погубить. Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком» (Ин. 10–10).

Суть философии учения И. Христа в том, что христианское общество, живя в целом по Закону Божьему, особо не нуждается в человеческом законе, поскольку внутренний закон совести как гласа Божьего в сердце человека гораздо требовательнее закона человеческого. Исходя из этого христианство поставило перед нами философский вопрос: **следовать по внутреннему закону милосердия или по закону справедливости?**

«Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем» (Пс. 118:1). Как это понять? Значит ли это, что христиане своей верой как бы уже ходят в Законе и что они не обязаны исполнять земные законы? «Буду ходить свободно, ибо я взыскал повелений Твоих» (Пс. 118:45). Человек свободен лишь тогда, когда он исполняет только законы Господни — таково требование христианского учения.

Любой грех имеет два проявления: злоупотребление свободой и презрение к Закону Божию. Христианство утверждает, что любой человек несет в себе склонность к греху, унаследованную от прародителей, но ему верой в Господа даны благодатные силы бороться с грехом и побеждать его. Поэтому, в принципе, человек, созданный Богом, по христианскому учению, не должен причинять зла самому себе, а тем более другим. Однако в силу власти греха, свойственного падшей человеческой природе, никакое человеческое усилие не является достаточным для достижения подлинного блага¹. Читаем высказывание Павла: «Я плотен, продан греху. Ибо не понимаю, что делаю; потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю... А потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Ибо знаю, что не живет во мне, т. е. в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу.

¹ См.: Мировые религии о преступлении и наказании / А. И. Бойко и др. С. 392.

Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим. 7:14–19).

Христианство утверждает, что основные источники грехопадения — это многообразные соблазны греховного мира, а также сатана, который наводит на душу отражения, в итоге состояние души оказывает влияние на сердце человека, а «из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления» (Мф. 15, 9)¹. К такому же выводу приходит и ислам (об этом подробно в следующей главе). Поэтому важнейшей задачей для монахов было избавление от жестоких импульсов, таящихся в глубинах человеческой души. Эти усилия называли борьбой с бесами. Монах не должен поддаваться провокациям и вести себя агрессивно. Один отшельник говорил, что грубая речь не извинительна, даже если твой брат вырывает твой правый глаз и отсекает твою правую руку². Лицо не должно быть сердитым, и недопустимы нетерпеливые жесты³.

Евагрий Понтийский (ум. в 399 г.), один из самых авторитетных монашеских учителей, используя Павлово учение о кеносисе, наставлял монахов избавить сознание от гнева, алчности, гордыни и тщеславия, разрывающих душу на части, и открыть сердце людям. Следуя этим заповедям, многие монахи сумели преодолеть агрессивность и достичь внутреннего мира, что они воспринимали как возвращение в Эдемский сад, где люди жили в гармонии друг с другом и с Богом. А Монах Максим Исповедник (580–662 гг.) учил, что, если люди будут избавлять сознание от зависти и враждебности, отравляющих их отношения друг с другом, они еще в земной жизни достигнут обожения. «...Чтобы весь человек мог стать Богом, обожившись Благодатью Бога,

¹ См.: Основы социальной концепции РПЦ. М., 2010. С. 94.

² См.: Изречения отцов-пустынников. Поэмон; 78; Рс. 65:352 cd.

³ См.: IBID, 60; Рс. 65:332 a.

ставшего Человеком, становясь полным целостным человеком, душою и телом, по природе, и становясь всем Богом, душою и телом, по благодати»¹. Как видим, епископы, монахи, отшельники пытались по-своему раскрыть суть человека и предлагали свою концепцию человечества: человек не только уязвим и смертен, но и причастен к святости и божественной жизни. Именно через такую философию они пытались избавить человека от всего грешного и преступного, источник которого христианство видело во внутреннем мире Божьего существа. Но как людям очищаться от своих жизненных природных инстинктов, эгоистических качеств и агрессивных наклонностей, которые и являются причинами зла, преступлений?

В Новом Завете четко поставлен приоритет заповеди о любви: «И возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всей душою твоею, и всем разумением твоим, и всю крепость твою» (Мк. 12, 30). Может ли эта заповедь, которая в общем-то абстрактна, быть основой и служить предупреждению преступных проявлений со стороны человека, без угрозы наказанием? Существует мнение, что «с точки зрения христианского мировоззрения заповеди любви могут и должны быть положены в основу предупреждения преступлений»². Но как? Через любовь к Богу и ближнему. Поэтому главное, чему учил Иисус Христос, — любовь. Он призывал: «Люби Бога и возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:39).

Апостол Павел в своем обращении к колоссянам, призывая их не грешить, говорит: «Более всего облекитесь в любовь, которая

¹ Цит. по: *Мейендорф И.* Византийское богословие: исторические тенденции и доктринальные темы. Минск, 2001 (Максим Исповедник, Амбигви, 42; см.: Anrew Louth, Махтмия the confessor) (London and New York, 1996).

² Мировые религии о преступлении и наказании / А. И. Бойко и др. С. 362.

есть совокупность совершенства» (Кол. 3, 4). Именно посредством этого совершенства можно «умертвить земные вещи: блуд, нечистоты, страсть, злую похоть и любостяжение, которое есть идолопоклонство» (Кол. 3, 5). По примеру И. Христа, который проповедовал не только совершенную любовь к Богу, но и безгрешную, в современном, правовом понимании, беспреступную жизнь, только через любовь к Богу, человек способен очиститься от всех вышеперечисленных качеств, ибо только Он как создатель человека способен на это. Иначе говоря, человек может освободиться от греха, зла, агрессии, а значит, и преступных качеств и возвыситься над собственной природой только милостью Божией.

Любить Бога — значит поставить Бога на первое место в своей жизни. А что значит возлюбить ближнего? Это значит самоотверженно служить всем, даже тем, кого презирает остальное общество за то, что они оскорбляют, унижают, обманывают, а порой и наносят вред здоровью ближнего своего.

Читаем: «Кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду» (Мф. 5, 40). «Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращай» (Мф. 5, 41). Можно, конечно, отдать рубашку или другую одежду. Можно и дать просящему, что многие люди и делают. Но как можно любить того, кто преступает нравственные и правовые нормы, тем самым наносит вред другому человеку и обществу в целом? Как вообще соотносятся заповеди любви с тем, что лица, совершившие преступления, все-таки привлекаются к уголовной ответственности? Императив Иисуса Христа «возлюби ближнего твоего, как самого себя» утверждает, что хотя закон и запрещает преступные деяния и наказывает тех, кто их совершает, он не искореняет данное явление, ибо эта проблема человечества может быть решена лишь путем духовного преобразования человека.

Вопрос о причинах преступного поведения человека непосредственно связан с пониманием проблемы человеческой свободы воли в христианстве. Речь идет о свободном произволении, свободном выборе и свободе решений, в их соотношении с проблемой предвидения и предопределения Бога, а также первородного греха. Проблема свободы воли имеет для криминологической науки значение в связи с познанием причин преступного поведения человека и ответственности за свое деяние. Иначе говоря, перед нами стоит достаточно сложный вопрос: мы добровольно совершаем те или иные поступки или нет? Этот вопрос интересовал еще древних мыслителей. Так, Аристотель свободным считал выбор только сознательный, который не определяется внезапно возникшим желанием или аффектом. В принципе, античное утверждение сводилось к тому, что выбор действия находится во власти человека. Что касается исхода волевого действия, то он полностью определяется роком.

Буддисты старались держаться посередине между детерминизмом, когда все события в мире строго предопределены, и индетерминизмом, когда ничто не определено заранее: повсюду царит неуправляемый хаос, а миром правит Его Величество случай. По учению Будды, все подчинено закону причины и следствия, но никакие устройства, даже самые передовые, не смогут выявить все причины произошедшего события. Каждое явление обусловлено неисчислимым множеством причин и условий, и обычный ум, оперирующий цифрами и понятиями, охватить их не способен. Жесткой предопределенности нет: все можно изменить. Карма — это не рок и не судьба, от которой «не спрятаться, не скрыться». Понимание причинно-следственных взаимосвязей дает нам возможность управлять своей жизнью. Если мы знаем, что наше деяние создает вредное последствие, мы скорее всего примем решение

не совершать вредных поступков, которые впоследствии заставят нас страдать.

Раннее христианство в этом вопросе исходило из того, что если именно Бог дает и осуществляет принципы мирового порядка, только Он выступает самовластным и суверенным деятелем, а потому созданному Им существу предназначено выступать в качестве рецептивного начала, принимающего и исполняющего эти принципы. Следовательно, поскольку Бог — начало и причина всего, что происходило в прошлом, происходит в настоящем и, самое главное, произойдет в будущем, — знает все наперед, знает то, что в нашей власти, и предопределяет наше поведение. А это означает, что Он уже в предопределении вмешивается в складывающийся причинно-следственный ряд, способствуя ему или приостанавливая его. Иначе говоря, Бог знает о происходящих событиях и о тех поступках, которые мы собираемся совершать, еще до того, как они осуществились. Так, например, если А. совершил убийство Б., Бог знал об этом и не только знал, но и вмешался в этот причинно-следственный процесс и способствовал данному преступлению. Если для античных философов исход деяния определяется роком, то для религии — это проявление божественной воли, или Бог действует как обладающий свободной волей, имеющей безграничную власть.

Если исходить из религиозного положения, заключающегося в знании Богом всех событий произошедших, происходящих и должных произойти, то Бог знал об убийстве еще до того, как оно осуществлялось. Но почему Он не противился этому убийству? Означает ли это, что Бог был заинтересован в данном преступлении? Ведь предопределение, по религии, означает, что божественное действие может затрагивать как то, что находится во власти самого человека, так и то, что не находится в его власти, а является высшей властью Бога. Религиозная философия утверждает, что поскольку

Бог — начало и причина всякого блага, то любое доброе дело человека совершается с Его одобрения, с содействием и помощью. А как быть с порочными делами, т. е. с насилием, убийством, грабежом и т. д.? Суть религиозного понятия «предопределение» состоит в том, что Творец обладает полной и изначальной осведомленностью обо всех событиях и о конкретных людях в отдельности, как в тех случаях, когда право выбора у человека есть, так и в тех случаях, когда его нет. Это абсолютное соответствие фактически происходящего в реальном времени изначальному знанию Творца. Поэтому Его осведомленность обо всем влияет на действия и поступки людей, заставляет их делать так или иначе. Согласно кальвинистической версии христианства (протестантист — Жан Кальвин (1509–1564 гг.)), человеческие действия не имеют значения для вечности, ибо Бог уже предрешил судьбу каждого человека. Некоторых ожидает спасение по милости Божьей, другим же суждены вечные муки. Хотя человек не властен ничего изменить своими поступками, он прокладывает путь к той участи, которая уготована ему в вечности. Хотя лишь Бог безошибочно знает, кто спасется, всем необходимо осознать важность трех залогов спасения, каковыми являются: исповедание веры, повседневная честность и участие в таинствах.

Кальвинистская версия христианства внушает своим последователям мысль, что никого, кроме Бога, бояться не следует. Кальвинизм стал национальной религией Шотландии и нашел своих последователей в Англии. Некоторые представители иезуитов, опираясь так же, как и М. Лютер, на ветхозаветные представления о Боге, согласно которому Божество мыслится как совершенство силы, допускают возможность того, что Бог может поручить или позволить человеку совершение убийства. Так, например, иезуит Бузенбаум считает, что убийство оправдано тогда, когда оно будет «позволено

Богом, Господином всяческой жизни»¹. Еще более отчетливо выговаривает это другой иезуит Алагон: «По повелению Божию можно убивать невинного, красть, развратничать, ибо Он есть Господин жизни, и смерти, и всего, и потому должно исполнять Его повеление»².

Какой вывод можно сделать из данных суждений? То, что само Божество непосредственно не творит эти перечисленные преступления, а поручает это сделать за Него человеку. Но кто должен тогда нести ответственность за убийство, за насилие, за воровство и т. д.? Ясно, что только не Всевышний. Почему Бог совершает убийство чужими руками, в то время как Сам заповедовал «не убий»? По логике, получается, что этот запрет касается тех случаев, когда человек совершает убийство, кражу, насилие без ведома, без согласия Господа Бога, хотя несет ответственность в обоих случаях.

Кроме того, если согласиться с тем, что все наши поступки, в том числе и преступления разного рода, зависят от Всевышнего, значит, сопротивление и борьбу против этих деяний следует рассматривать одновременно и как сопротивление воле Господа Бога. А как вообще можно определить — совершено ли то или иное убийство или насилие по велению Всевышнего?

Религиозное понятие предопределения поставило перед христианством достаточно сложный и спорный вопрос согласования религиозного объяснения причины преступного поведения со свободой воли человека.

Этот вопрос был обозначен Августином в письме к апостолу Павлу: «От неведения ли человек не обладает свободной волей выбирать то, что он, собственно, должен делать, или же вследствие плотских влечений, которые по природе своей

¹ Цит. по: *Ильин И.* О сопротивлении злу силой. С. 333.

² Там же.

еще более усиливаются силой губительного первородного греха. Он, видя, как должно поступать правильно, и желая этого, не может, однако, совершить это». Сам же Августин пытался доказать, что никакой свободы воли не существует и жизнь человека предопределена Богом, который либо дарует ему блаженство, либо налагает на него проклятье. Значит, человек совершает преступление по воле Бога. Поэтому первопричина преступления — воля Бога. Именно Августин в конце своей жизни развернул проблему первородного греха.

Вопрос был поставлен в следующем виде: свободное произволение человека возможно только (лишь) по отношению к греху или же также к добру, к благу?

Если этот спор перенести в область института преступления и наказания, тогда встает вопрос относительно ответственности человека за совершенное преступное деяние. Свободен ли человек в выборе решения при совершении убийства, насилия и т. д.? По логике религиозных деятелей во всем виноваты Адам и Ева, которые совершили акт своеволия, самоутверждения в противовес Богу. Поэтому мы расплачиваемся за них, совершая преступления, а потом несем ответственность в виде лишения свободы, жизни, страдания и т. д.

Грех Адама и Евы стал возможен благодаря имеющейся у человека изначальной неискаженной свободы, но, совершив его, он, не перестав быть полностью свободным, одновременно стал и рабом — рабом своего греха, своего неправильного применения данной ему свободы. Итак, человек, т. е. Адам и Ева, изначально обладали полной свободой выбора. Однако, совершив грех в виде непослушания, нарушив установления Бога, они потеряли определенную часть свободы, тем самым стали рабами своего греха, от которого человек до сих пор не может избавиться собственными силами, так как этот грех является врожденным. Но может ли Бог сделать человека свободным от

греха, чтобы он был более свободным в выборе принятия решения? При положительном ответе мы можем утверждать, что человечество избавится от преступности, ибо человек будет иметь возможность собственными силами преодолеть враждебную греховность и не будет совершать убийств, насилий, грабежей, т. е. он избавится от произвольного выбора. Для произвольного выбора религия решила использовать термин «спонтанность». Даниил Дорощев считает, что спонтанное означает не связанное с внешней необходимостью, т. е. действие, осуществляемое без принуждения извне, имеющее источник своего полагания и осуществления в самом себе¹. Но не такое ли действие мы и называем свободным? Аристотель свободным считал выбор только сознательный, который не определяется внезапно возникшим желанием или аффектом. Если выбор понимать как состоящий из обсуждения, решения, с предварительным, преднамеренным сознательным обдумыванием и обсуждением предстоящего действия, то, соответственно, действия импульсивные, аффективные, стихийные не являются свободными.

Христианская религия в лице ее виднейших представителей пыталась решить тупиковый вопрос о соотношении свободы воли и предопределения посредством разделения предвидения и предопределения. Это означает, что Бог все знает наперед, но не все предопределяет, т. е. Он наперед знает, что А. собирается убить Б., но не предопределяет это преступление, т. е. не вмешивается в этот процесс. Следовательно, данное преступление — произвольный выбор человека. Другое дело, когда человек совершает поступок добрый, благородный, — этот поступок возможно осуществить только с помощью Бога. Таким

¹ Дорощев Д. Под знаком философской антропологии. М.; СПб., 2012. С. 87.

образом, по религии, предопределение есть дело божественного повеления, соединенного с предвидением.

Итак, человеческая свобода была одним из оснований христианской религии. Данная проблема — одна из фундаментальных для средневековой теологии и философии. Речь идет о совмещении всемогущества Бога и свободы человека.

Христианская религия объясняет причину совершаемых человеком насилий, зл, убийств как результат перманентного соблазнения человека дьяволом, следствие первородного греха, благодаря которому свободный выбор воли стал отпавшим от Бога и направлен на добровольное совершение преступлений (грехов), хотя человек при этом продолжал иметь способность сделать выбор в сторону Бога.

ГЛАВА III

ИСЛАМ: ПРЕСТУПЛЕНИЕ — ГРЕХ; НАКАЗАНИЕ — СПРАВЕДЛИВОЕ ВОЗМЕЗДИЕ

§ 1. Источники и эволюция института преступления и наказания в исламе

1. Ал-джахилийя (эра неведения). Племена Аравии прежде не знали пророков и не имели Священного Писания, в отличие от евреев и христиан, на собственном языке. Со времен Адама Господь посылал всем народам на земле своих вестников, чтобы они рассказали людям, как им следует жить (Коран. 35:24–25). Следовательно, по убеждению Всевышнего, арабы жили не так, как следует жить и как живут те народы, которые уже имеют свою религию.

Не вдаваясь глубоко в доисламский период истории арабов, отметим лишь, что сами мусульмане называют это время ал-джахилийя, т. е. эра неведения: во всем арабском мире царил беспокойство и духовная тоска. Арабы, казалось, были обречены на вечное варварство.

Непрестанные войны между племенами не позволяли им объединить свои усилия и стать единым арабским народом, хотя необходимость смутно осознавалась всеми. Отсутствовала центральная власть, и каждое племя само устанавливало себе порядки и законы. Кровная месть была единственным средством поддержания социального порядка. Иначе говоря, это была грубая форма правосудия. В доисламский период араб обязан был целиком отдавать себя благородному делу мести за любую обиду, нанесенную племени, и, не щадя своей жизни, защищать слабых сородичей. Глава племени поровну распределял

пищу и все остальное между членами племени, а за убийство любого из них отбирал жизнь у кого-то из рода обидчика. Не было нужды наказывать самого убийцу, да и не было такого органа, который был бы обязан это сделать по роду своей службы, ибо в таком обществе, каким оно было в доисламской Аравии, человек и без того мог бесследно исчезнуть в любой момент. Для мести «вполне годился» любой член вражеского племени.

У арабов в древности, до Корана, существовали обычаи и традиции, от которых многие народы, принявшие Божественные Писания, давным-давно уже отказались. К примеру, муж мог прогнать жену только из-за того, что в его доме случилось или могло случиться какое-нибудь несчастье, а за всякое несчастье отвечала женщина как хранительница дома. А. А. Гусейнов подчеркивает: «Для того, чтобы племена переплавились в народ, из дикого этноприродного состояния перешли в историческое, они должны осознать себя в качестве духовной общности»¹. Это высказывание имеет прямое отношение и к доисламским арабам. До Корана посмертие для арабов было лишь тенью, без всяких наград и наказаний.

Иначе говоря, у человека отсутствовало побуждение, стремление быть морально и юридически ответственным за свое поведение. Широкое распространение среди всех слоев общества получили пьянство и разврат, в особенности прелюбодеяние, ибо в большинстве своем люди, жившие в доисламский период, не видели ничего зазорного в таких поступках. Исключая браки среди знати у арабов, связи между мужчинами и женщинами, принадлежащими к неимущей социальной группе общества, можно охарактеризовать не иначе как безнравственность, бесстыдство и распутство. Например, в хадисе, приводимом в «Сунан» Абу Дауда и передаваемом со слов Аиши, сообщается, что

¹ Гусейнов А. А. Десятисловие Моисея: Канон справедливости // Философия права Пятикнижия. ЛУМ. М., 2012. С. 55.

во многих случаях, по обычаю арабов доисламского периода, после того, как у жены какого-либо араба прекращались месячные, муж мог послать ее к другому мужчине, чтобы она зачала от него, сам же он не прикасался к ней, пока не выяснялось, что она забеременела от другого, а потом он снова мог спать со своей женой, если хотел. Смысл этого обычая был в получении потомства, наделенного всевозможными достойными качествами. Существовал также другой вид брака, характеризовавшийся еще большей безнравственностью: собиралась группа мужчин в количестве около десяти человек, после чего каждый из них входил к одной и той же женщине и совершал с ней половое сношение. Забеременев и родив, она называла имя отца ребенка. И никто не мог с этим не согласиться. По обычаю, мужчины могли иметь сколько угодно жен, и бывало так, что в этом качестве выступали одновременно две родные сестры или даже бывшие жены их отцов, если те развелись с ними или умерли (Коран. Сура 4. «Женщины». 22/23).

Были и другие традиции в доисламский период у арабов, которые способствовали разложению общества: они хвалились употреблением вина, ибо считали это проявлением щедрости и свидетельством богатства. Любимым занятием состоятельных арабов были также азартные игры, при этом все, что было выиграно, отдавалось бедным. Иудеи и христиане, с которыми жители Аравии тесно соприкасались, насмехались над арабами, считая их варварами, не выдавшими Божественного Откровения. Почему же арабы не приняли иудаизм или христианство?

Как уже было отмечено, свои религиозные взгляды арабы до появления ислама называют эрой неведения. Считается, что эти взгляды были заимствованы большей частью от сабеев и магов, в первоначальном виде религия которых была чиста и духовна: заключая в себе веру в единого Бога, она учила о возмездии за добро и зло в будущей жизни и о необходимости добродетельной и святой жизни для приобретения счастливого

посмертия. Однако постепенно религия лишилась своей первоначальной простоты и заменялась таинствами, погрязая в идолопоклонстве. В отличие от сабеев, у арабов идолопоклонство отличалось грубостью и смешалось с дикими предрассудками. В числе религиозных обязанностей арабов в доисламский период пост и молитва играли первостепенную роль. В течение года существовало три главных поста: один продолжался *семь*, другой — *девять* и третий — *тридцать* дней. Арабы молились ежедневно по три раза: при восходе солнца, в полдень и при закате, обращаясь лицом по направлению к Каабе, служившей для них местом поклонения. В. Ирвинг считает, что «церемония и обряды, совершавшиеся в этом священном здании, могли с раннего детства наложить свой отпечаток на Магомета, воспитанного в доме охранителя Каабы, и направить его на размышления о религиозных вопросах, которые и поглотили его всецело»¹.

Иудейская вера рано проникла в Аравию, но в очень неопределенном и несовершенном виде. Видимо, поэтому арабы не приняли единобожия евреев, проживающих в Аравии. Тем не менее многие из обрядов, церемоний и причудливых традиций прижились в этой стране. Например, обряд обрезания издревле существует как у евреев, так и у арабов, хотя почему-то многие мусульмане в других странах считают, что такой обряд имеет религиозно-мусульманский смысл и непосредственно связан с исламом. Христианская религия тоже имела последователей среди арабов. Апостол Павел в своем Послании к галатам говорит, что он вскоре после того как призван был проповедовать среди язычников, «пошел в Аравию». Христианство превратилось до Корана в трудную для понимания разновидность

¹ Ирвинг В. Жизнь Магомета. Путь человека и пророка. М., 2015. С. 29.

язычества, где странным образом смешивалось божественное и человеческое. Соответственно, эта религия не оказала серьезного воздействия на души исповедовавших ее арабов потому, что ее установления были слишком далеки от привычного им образа жизни, отказаться от которого они были не в состоянии. В силу этого религия, которую приняли арабы, созданная Пророком Мухаммадом на основе Божественного Корана, более близка к иудаизму, чем к христианству. Даже в выборе религии Бог дал свободу воли человеку, т. е. Он создал его свободным во всех его действиях и размышлениях. Слово Божье впервые прозвучало на арабском языке и стало той властью, которую со временем запишут и назовут ал-куран — «чтение вслух».

Древние израильтяне добрых семьсот лет не могли избавиться от прежних религиозных убеждений, в то время как арабам, благодаря Мухаммаду, удалось совершить этот труднейший переход всего за двадцать три года. Почему же Коран был послан Всевышним именно арабам и на арабском языке, а Мухаммад стал Посланником и вестником Аллаха не только для племен и народов Аравии, но и для сотен миллионов людей на земле?

2. Источники института преступления и наказания: Коран, Сунна¹, Иджма².

Коран (араб. *al-Gur'an*) — религиозная книга, священная для приверженцев всех исламских направлений. Она служит основой мусульманского законодательства, как религиозного, так и гражданского. Согласно учению ислама, Коран является прямым, вечным и несотворенным словом Аллаха³.

¹ Сунна — сборник адатов, традиций, касающихся действий и высказываний Пророка Мухаммада.

² Иджма — заключение древних правоведов, знатоков ислама.

³ *Аллах* (араб. *al-lah*) — имя единого Бога-Творца в исламе.

Слово «Коран» происходит от арабского и переводится как «чтение вслух, наизусть». Коран состоит из 114 сур (глав) и около 6600 аятов (стихов). После смерти Мухаммада, когда в одной из битв погибли 70 чтецов Корана, которые знали его наизусть, появилась угроза потери Священной книги. Поэтому по решению первого халифа Абу Бакра были собраны все записи, все стихи Корана, но в виде отдельных записей.

Первый полный единый список Корана датируется 651-м годом и дошел до наших дней в неизменном виде. Это был период правления халифа Османа (644–656 гг.). Этот Коран не может быть, по утверждению мусульманских богословов, сочинением кого-либо, кроме Аллаха. «Скажи: “Если бы люди и джинны объединились для того, чтобы сочинить нечто, подобное этому Корану, это не удалось бы им, даже если бы они стали помогать друг другу”» (Сура 17, аят 88). Эта Священная книга была послана людям посредством Пророка Мухаммада. Христиане, как прежде иудеи, были сильно возмущены, когда в VII в. в Аравии появился пророк, известивший, что он получил прямое откровение от Бога и принес своему народу новое Священное Писание. Таким образом, еще одна разновидность единобожия, получившая впоследствии название «ислам», с поразительной скоростью распространилась по всему миру и стала так же, как иудаизм и христианство, мировой религией.

Итак, Всевышний послал людям третью Священную книгу. Коран, как и предыдущие Послания, — это своего рода божественная энциклопедия, «Книга книг», свод знаний, заповедей, законов и путеводитель на все случаи жизни. Следует особо подчеркнуть, что при рождении ислама мусульмане были невежественными; они не знали науки, и задачи, проблемы, возникающие перед ними, были труднорешаемыми. Они еще не были в состоянии постичь мудрость Божью в полной ее глубине и постичь Бога как должно и необходимо. И Аллах, понимающий это, установил для них очень простые предписания, соответствующие уровню их тогдашнего развития и понимания.

Чтобы понять суть посланий Аллаха в Коране, необходимо также знать заповеди Всевышнего, изложенные в Торе и Евангелии. С. Алескеров, хотя и утверждает, что Коран — это слово Аллаха, переданное людям посредством Пророка Мухаммада, тем не менее приходит к выводу о том, что «Он (Коран) будто написан двумя почерками. Это почерк и Бога, и почерк самого Мухаммада, который вписал в Коран не только то, что “диктовал” ему Бог, но и то, что пророк хотел бы услышать. 90 первых глав Корана написаны в одном стиле, а 24 последние — совершенно в другом»¹. Между прочим, разные «почерки» можно встретить в большом количестве и в Библии, где описываются массовые убийства, жестокости, изгнание инакомыслящих — с одной стороны, уважение, любовь, терпимость — с другой. Поэтому вряд ли можно согласиться с автором, который считает, что «в Коране есть одна особенность: мусульманский пророк Мухаммад слышал от Бога не только то, что говорил Господь, но еще и то, что страстно хотел услышать, и в Коране можно увидеть как первое, так и второе»². Но Моисей совершал бесчисленные кровопролития тоже от имени Бога Яхве. А ведь в этом ничего удивительного нет, ибо, если очень сильно просить Бога о чем-то, Он может исполнить твое желание, если ты ему предан и исполняешь Его заповеди от чистого сердца. Поэтому Всевышний Аллах, если сочтет нужным, может услышать Своего Пророка. Далее С. Алескеров утверждает, что в «мусульманской религии много путаницы. В Коране вы найдете немало противоречий... с одной стороны — гуманность, прощение, любовь и добро, а с другой — убийство только “за намерение” предать или даже за распространение слухов»³.

¹ Алескеров С. Пролог. Великий парадокс, или Два почерка Корана. М., 2005. С. 5.

² Там же. С. 22.

³ Там же. С. 6.

Вообще, как и он сам отмечает, в любой религии можно найти противоречия и несоответствие человеческого деяния применяемому наказанию. Достаточно прочитать Библию, где можно обнаружить огромное количество описываемых событий и фактов, не подтвержденных наукой и историей. Напоминаем, что в Библии предусматривается смертная казнь даже за неповиновение родителям и за нарушение субботней заповеди. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает вопрос относительно разногласий между Священными Посланиями. Об этом мы можем знать из содержания Корана, в котором также ясно определены отношение Всевышнего ко всем Своим Посланиям, роль и значение каждого из них. Из текста Корана с ясностью следует, что Синайский завет, заключенный с народом Израиля при Моисее, остается в силе и соблюдающие его спасаются для жизни вечной: «Уверуйте в то, что я ниспослал в подтверждение того, что есть у вас, и не становитесь первыми, кто отказался уверовать в это. Не продавайте Мои знамения за ничтожную цену и Меня одного бойтесь» (Сура 2, аят 41). В Коране приводятся слова, сказанные Богом Иисусу относительно разногласия между Его учениями и Ветхозаветным Законом: «Вот сказал Аллах: “О Иса (Иисус)! Я упокою тебя и вознесу тебя к Себе. Я очищу тебя от тех, кто не уверовал, а тех, которые последовали за тобой, возвышу до самого Дня воскресения над теми, которые не уверовали. Затем вам предстоит вернуться ко Мне, и я рассужу между вами в том, в чем вы разошлись во мнениях”» (Сура 3, аят 55). Коран неоднократно обращает особое внимание на проповедь Иисуса о том, что его последователи должны соблюдать Тору. Вот слова Моисея в Торе: «Не прибавляйте к тому, что я заповедую вам, и не убавляйте от того; соблюдайте заповеди Господа, Бога вашего, которые я вам заповедую» (Втор. 4, 2).

В Евангелии на это обращение Моисея находим слова: «Доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота и ни одна черта не прейдет из Закона (Торы), пока не исполнится все» (Мф. 5, 18).

Всевышний подтверждает в Коране, что именно в Торе были даны наилучшие законы: «Мы также даровали Мусе (Моисею) Писание в завершение милости к тому, кто был добродетелен, как разъяснение всякой вещи, верное руководство и милость, дабы они уверовали во встречу со своим Господом» (Сура 6, аят 154). Далее: «Это — благословенное Писание, которое Мы ниспослали. Следуйте же ему и будьте богобоязненны, быть может, вы будете помилованы» (Сура 6, аят 155). Упоминая о противоречиях и разногласиях в Торе и Евангелии и определяя их назначение, Всевышний одновременно подтверждает, что Коран по статусу своему стоит с ними в одном ряду. Ко времени этого послания Аллахом Тора уже была общепризнанным Священным Писанием иудеев на протяжении около 2000 лет, а Евангелие — Священным Писанием христиан в течение шести веков. Всевышний посредством Корана напоминает людям, что Тора и Евангелие по-прежнему сохраняют статус Священных книг, содержащих Божественное руководство для человечества. Аллах не отменяет и не заменяет прежних Священных Писаний и основанных на них религий, но, напротив, призывает к их соблюдению. Читаем Коран: «Мы ниспослали тебе Писание с истиной в подтверждение прежних Писаний и для того, чтобы оно предохраняло их (или свидетельствовало о них; или возвысилось над ними)...» (Сура 5, аят 48). Коран под Писанием понимает всякое записанное и переданное человечеству пророческое слово. Существование различных ветвей монотеизма — всех трех авраамических религий и их ответвлений — имеет глубокий смысл и предопределено Самим Богом. Об этом Он оповестил народ в Коране: «Каждому из вас Мы установили закон и путь. Если бы Аллах пожелал, то сделал бы вас одной общиной, однако Он разделил вас, чтобы испытать вас тем, что Он даровал вам. Состязайтесь же в добрых делах. Всем вам предстоит вернуться к Аллаху, и Он поведает вам о том, в чем вы расходились во мнениях» (Сура 5, аят 48).

В этом аяте наше внимание, естественно, привлекло установление Всевышнего следующего содержания: «Каждому из вас Мы установили закон и путь...». Следовательно, законы иудеев, христиан и мусульман не одинаковы и различаются по сути своей в зависимости от Священного Писания, посланного Богом той или иной общине, тому или иному народу. Коран упоминает и носителей традиционных религий единобожия — иудеев и христиан, которые остались верны изначальным заветам своих учителей — Моисея и Иисуса. При этом Аллах называет их в этой книге «благочестивыми», «державцами» прямо Тору и Евангелие, «стремящимися опережать друг друга в добрых делах». «У каждого есть сторона, куда он обращается лицом. Стремитесь же опередить друг друга в добрых делах. Где бы вы ни были, Аллах приведет всех вас вместе...» (Сура 6, аят 154).

Весьма интересен тот факт, что Аллах в Коране уподобляет Иисуса Христа первому человеку Адаму, которого мы называем первым грешником. Читаем Коран: «Воистину, Иса (Иисус) перед Аллахом подобен Адаму. Он сотворил его из праха, а затем сказал ему: “Будь!” — и тот возник» (Сура 3, аят 59). В Коране также подчеркивается великое преимущество, представленное Всевышним в свое время израильтянам в познании единобожия: «Вот Муса (Моисей) сказал своему народу: “О мой народ! Помните милость, которую Аллах оказал вам, когда создал среди вас пророков, сделал вас царями и даровал вам то, чего не даровал никому из миров”» (Сура 5, аят 20).

Сунна. Трудно найти готовые решения, опираясь на Коран, по юридическим вопросам, в особенности, если они относятся к уголовно-правовым отношениям. Пока Пророк был жив, особой надобности в Коране не было, ибо на все вопросы, в том числе связанные с поведением человека в обществе, о соответствии этих деяний нравственным и правовым нормам Корана давал ответы сам Мухаммад, т. е. решал, ссылаясь на Аллаха, какие деяния, какое поведение человека считаются безнравственными

или преступными. К моменту смерти Пророка Мухаммада четко фиксированного написанного уголовного закона еще не было. Поэтому энергично эволюционировавшему и стремительно распространявшемуся исламу требовались соответствующие письменные Послания Аллаха. Но их не было, так как Тот, посредством которого Всевышний отправлял заповеди и законы, уже находился во власти Аллаха.

Тем временем халифат расширялся, включая различные народы, имевшие свои древние традиции и обычаи, по которым они жили тысячелетиями. Все это, естественно, требовало разнообразных разъяснений, дополнений, толкований, в частности по вопросам уголовно-правовых отношений: кого за что считать преступившим заповеди Корана, какие меры наказания и за что должны применяться за эти деяния, считающиеся, по Аллаху, преступными. Возникла настоятельная необходимость в постоянном комментировании положений Корана: что такое преступление, по Корану? Где граница между преступным поведением и нарушением нравственных норм Корана? В чем сущность и цели наказания по Аллаху: возмездие или устрашение? Эта практика, в итоге, получила наименование *тафсир* (толкование), начало которому было положено самим Пророком, когда своими ссылками на волю Аллаха он рассматривал различные уголовно-правовые проблемы. При толковании Корана мастера тафсира нередко ссылались на данные многочисленных хадисов Сунны. Одним словом, когда проблемы, связанные с правлением огромной империей, поставили арабов лицом к лицу с разнообразными трудностями уголовно-правового характера, которых никогда не возникало при жизни Пророка, был установлен принцип, что не только сам Коран, слово Бога, имеет авторитет в качестве руководства для института преступления и наказания, но и все деяния и высказывания Пророка на протяжении всей его жизни. Поэтому устные предания (хадисы) о жизни и деятельности Пророка,

воспоминания о беседах с ним, о его мнениях и изречениях по тому или иному поводу, т. е. обстоятельные поучения со ссылкой на авторитет Мухаммада, вскоре после его смерти стали тщательно собираться его современниками, последователями и их потомками. Собранные к IX в. в виде шести сборников, они и составили Сунну, т. е. предания, касающиеся различных норм права, обычаев, правил поведения, эталоном которых выступал Пророк. Хадисы Сунны оказались в руках исламских богословов ценным материалом, помогающим им дополнить, уточнить и толковать Коран и разрабатывать нормы мусульманского права — шариата.

Поэтому уже на раннем этапе формирования мусульманской общины возникли две тенденции: использование предписаний Корана за те или иные деяния, не совместимые со Священным Писанием или противоречащие ему, а также независимое суждение фикха, который должен был брать на себя ответственность за принятие решения, когда возникал вопрос в связи признанием того или иного деяния преступным и с назначением и применением наказания за содеянное. Эти суждения в первую очередь должны были основываться на Коране, а потом, если Священная книга «молчала», на Сунне, т. е. на высказываниях Пророка, которые, будучи зафиксированы, стали вторым после Корана источником ответов на возникающие вопросы в сфере уголовно-правовых отношений. В Коране встречаются выражения: «Сунна предков» (Сура 8, аят 39; Сура 15, аят 13; Сура 18, аят 53; Сура 35, аят 41), «Сунна Аллаха» (Сура 17, аят 79; Сура 33, аят 62; Сура 48, аят 23).

Начало практике разъяснений, которые впоследствии вошли в сборник хадисов, положил сам Пророк. Таким образом, хадисы для исламских богословов были своего рода важнейшими источниками, направлениями, материалами для уточнения и толкования положений Корана, что имело важнейшее значение в эволюции мусульманского уголовного права.

В связи с этим, естественно, возникает принципиально важный вопрос: можно ли считать Сунны и хадисы Пророка законами наравне с Кораном? То, что и Коран, и Сунна — источники (основные) уголовного права ислама, не вызывает сомнений и споров. Однако речь идет о придании сунне и хадисам Пророка значения и статуса закона. Ясно одно: если пренебречь одним из них, то останутся незавершенными наши знания об этих институтах.

Обратимся к Корану и посмотрим, что Сам Всевышний установил по этому поводу и какими полномочиями Он наделил Своего Посланника относительно законодательных инициатив, в частности в области уголовного права. Читаем Коран: «Кто повинуется Посланнику, тот повинуется Аллаху» (Сура 4, аят 80).

Для того чтобы это требование Аллаха было принято и одобрено людьми, Он решил их поощрить следующим образом: «Тех, кто повинуется Аллаху и Его Посланнику, Он введет в Райские сады, где текут ручьи. Вечно они там пребудут. И это — великое спасение» (Сура 4, аят 13). Означает ли это, что Аллах приравнял Посланника Себе? Аллах в самом Коране считает Мухаммада только Пророком, в обязанности которого входит доведение Его посланий до людей, с которыми остается вместе с тем обычным человеком, как и все остальные. При этом Всевышний повиновение Пророку Мухаммаду не считает равным повиновению себе. Да, Аллах в вышеуказанных аятах обязывает верующих повиноваться Посланнику, но с одной оговоркой: обязанность эта не навязывается силой; это повиновение реализуется душой и сердцем, что вытекает из самого Корана (ан-Ниса, 4/65/).

Данный вопрос имеет принципиальное значение, ибо речь идет о признании сунн и хадисов источниками уголовного права, хотя они являются по сути разъяснениями и комментариями отдельных установлений Корана и должны в полной мере

вытекать из Священного Писания и ни в коей мере не противоречить Корану.

Сунны и хадисы проявлялись в качестве толкования (тафсира) Корана. Иными словами, вся жизнь, слова и состояние Пророка представляют собой самое прекрасное разъяснение Корана. «И речи он ведет не по прихоти (своей); они (т. е. речи) — лишь откровение внушенное» (Сура 53, аяты 3–4). В то же время в священных аятах Корана мы видим суровое предупреждение о наказании для тех, кто упорствует в непокорности Посланнику Аллаха: «А того, кто ослушается Аллаха и Его Посланника и преступит Его законы, Он ввергнет в адский огонь! Вечно тот в нем пребудет, и уготовано ему унижительное наказание» (Сура 4, аят 14).

Как видим, Всевышний предоставил Пророку издавать законы, преступать которые считается преступлением. Это положение еще раз подтверждается Аллахом в другом установлении: «Пусть остерегаются те, которые преступают Его (Пророка) волю; как бы их не постигла беда или мучительное наказание» (Сура, 24, аят 63). «Воля» в данном случае подразумевается Аллахом как закон. «О, вы, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху, и повинуйтесь Посланнику, и не делайте пустыми своих деяний» (Сура 47, аят 33). Анас передает: «Пророк сказал: ...любит Аллаха и Посланника Его больше, чем все остальное...»¹. Не только арабы, но потом и весь мусульманский исламский мир будут жить не только и не столько по Корану, сколько по суннам и хадисам Пророка. Следовательно, их можно считать Законами Мухаммада. Вообще следует иметь в виду, что с точки зрения закона Коран и Сунна являются неразрывным целым. Поэтому ни одну отрасль мусульманского права, в особенности уголовное право, невозможно создать,

¹ Бухари, Иман, 14; Икрах, 1; Адаб, 42; Муслим, Иман, 67; отдельно см.: Тирмизи, Иман, 10/2624. — См.: ат-Тауба, 9/24/.

а потом еще и совершенствовать только на основе Корана как источника права без Сунны Пророка. Пророк в своей знаменитой прощальной проповеди сказал: «Я оставляю на хранение две вещи. Если крепко ухватитесь за них, никогда не собьетесь с пути. Одна — это книга Аллаха, другая — сунна Пророка»¹.

Однако по содержанию хадисов Пророка Мухаммада можно заметить, что Он не стремится создать новое право, регулирующее уголовно-правовые отношения, т. е. уголовный кодекс, где четко было бы указано, какие деяния человека следует считать преступлением и какое наказание за это необходимо. Цель Посланника Аллаха была очень простая: научить людей, как поступать в реальных жизненных ситуациях, как относиться к тому или иному событию, факту, поступку и т. д. По содержанию установлений, предусмотренных в этих хадисах, все рекомендации, имеющие силу правовых норм, можно разделить в зависимости от поступка на следующие категории: обязательные, рекомендуемые, разрешаемые, порицаемые и запрещенные. Так, например, умышленное убийство относится к категории запрещенных деяний, за которое предусмотрена смертная казнь. А вот заключение договора умалишенным, хотя и является деянием запрещенным, тем не менее, не считается преступлением, а значит, и не наказуемо в уголовном порядке. Ученые-правоведы спустя десятки лет после смерти Пророка составили авторитетные сборники хадисов, признанные различными школами мусульманского права в качестве источников их выводов. Уже в период правления Омара (634–644 гг.) у судей появились даже советники из числа людей, прекрасно знавших Коран и Сунну Пророка, которые помогали им решать уголовные дела и назначать справедливое наказание на основе консенсуса. Это фактически означало, что

¹ Абд Аллах Хусейн. Ад — Давла ал-исламия. Каир, 1947–1948. С. 295.

судьи теряли самостоятельность и не принимали решение по собственному усмотрению, в то время как Пророк всячески поощрял свободное усмотрение судьи в определении того или иного деяния преступным и при назначении меры наказания в случае отсутствия в Коране ответа на тот или иной конкретный вопрос. Омар требовал от судей в случае молчания Корана и Сунны в таких случаях принимать решение по собственному усмотрению, используя также принцип (положения) аналогии. Омар не отменял правила, введенные его предшественниками-халифами, хотя и не соглашался со многими из них и предлагал свои варианты решения совпадающих вопросов. Он иногда даже принимал решения в зависимости от ситуации, которая расходилась с нормой, примененной им самим ранее по аналогичному делу. Он говорил: «То было правило, по которому мы судили раньше, а это — норма, по которой мы судим теперь»¹. Все это свидетельство того, что Коран и Сунну невозможно было обойти при принятии решения по уголовным делам, хотя реальная жизнь требовала выйти за пределы таких установлений. Поэтому первым халифам приходилось каждый раз в каждом конкретном случае находить варианты для справедливого решения.

Очень часто наказание за запретные деяния, установленные в Коране или Сунне, уточнялись, конкретизировались и даже существенно корректировались государством на основе правовой доктрины. Например, по Корану, за умышленное убийство и телесное повреждение допускаются кровная месть и наказание по принципу талиона, но в то же время мусульманское уголовное право, отвергая применение этого наказания, настаивало на уплате выкупа. Кстати, при жизни Пророка Мухаммада не было ни одного случая, когда Пророк повелел бы вершить

¹ Ибн Хишам, IV; Муватта, Кадер, 3.

возмездие кровью. Во всех случаях Он призывал простить виновного¹.

Пройдет определенное время, и мусульмане соберут все высказывания, рассуждения, комментарии к отдельным аятам Пророка, дошедшие до нас посредством тех людей, которые были свидетелями этих разъяснений, и передаваемые из поколения в поколение. Сподвижники Пророка и праведные ученые — наследники посланников придавали огромное значение Сунне и хадисам, являющимся письменным ее изложением, и, сознавая их ценность, поспешили донести до нас. Начиная с Пророка мусульмане, передавая Сунну друг другу, оживляли и сохраняли ее. Хадисы являются самым ценным для мусульман достоянием, так как прежде всего разъясняют нашу Священную книгу. Посредством хадисов Пророк как бы через века обращается к нам, беседует с нами, направляет нас к правильному пути. В значимости хадисов для эволюции идеи института преступления и наказания мы убедимся при рассмотрении отдельных категорий преступлений и системы наказаний.

«Праведные» халифы — Абу Бакр, Омар, Осман и Али, правившие в 632–661 гг., как и другие сподвижники Пророка, решая конкретные уголовные дела, обращались к Корану и Сунне. Однако, когда в этих установлениях они не могли найти ответ при сложившейся ситуации, т. е. в случае «молчания» Корана и Сунны, им приходилось формулировать новые уголовно-правовые нормы, регулирующие вопросы преступления и наказания, на основе расширительного толкования данных источников. В итоге, эти нормы наряду с Кораном и Сунной стали приобретать нормативный характер и служили основой для

¹ См.: Хадис от Анаса; св. х. аль Байхаки и др. — См., напр.: аль — Джазири А. Аль — фикх аля аль — мазахиб аль арба' (Исламское право согласно четырем мазхабам): в 5 т. Бейрут: аль-Кутуб аль-ильмийя, 1990. Т. 5. С. 229.

уголовного права. Эти нормы в дальнейшем получили название «высказывания сподвижников». В Сунну стали включать примеры из жизни также четырех праведных халифов — Абу Бакра, Омара, Османа, Али. В конечном счете, высказывания Пророка Мухаммада и его сподвижников получили название *хадисы* — собрание из устно переданных изречений и наставлений Пророка Мухаммада и общественной Его жизни. Понятно, что мусульмане не считают эти хадисы посланием Всевышнего для безусловного использования правоверными, однако они служили и служат в качестве источников мусульманского права вообще, уголовного права, в частности, к разрешению случаев, не обозначенных в Коране. Короче говоря, появление и дальнейшее использование хадисов было обусловлено тем, что «божественных установлений», изложенных Аллахом в Коране, оказалось недостаточно для определения понятия преступного деяния и назначения наказания в отношении лиц, совершивших преступления. В отличие от доисламских времен такие деяния стали уже считаться, по исламу, наказуемыми. Однако и эти новшества не смогли снять разногласия и противоречия, которые касались в первую очередь проблем, связанных с определением оценки поведения человека с точки зрения правомерности. А это, естественно, оказывало влияние на понятие наказания, на его цели, а также на меры за те или иные деяния, ибо в некоторых случаях вопрос о наказании рассматривался по-разному. Начиная с VIII в. главную роль в ликвидации возникших пробелов взяли на себя правоведы — основатели правовых школ, которые положили начало новому этапу формирования мусульманской уголовно-правовой науки. Главным его итогом явилось возникновение различных направлений в толковании Корана и Сунны относительно самого понятия преступного деяния, сущности и целей уголовного наказания. Начался процесс создания правовой доктрины (юриспруденции), по сути являющейся наукой о всем комплексе правил внешнего

поведения человека — **фикх**¹. Появление фикха и его существование связано с отсутствием в Коране и Сунне конкретных правовых норм. Ученые-правоведы прекрасно понимали, что если понятие преступления и наказания связать только с Кораном и Сунной, т. е. с религией ислама, и не придавать этому институту статуса самостоятельного существования, то он не сможет развиваться и эволюционировать. Поэтому процесс пошел именно благодаря творчеству правоведов, которые смогли религиозные положения Корана и Сунны перевести на язык практических уголовно-правовых норм, чего требовали сама жизнь и проблемы, с которыми сталкивалось государство и общество при обеспечении правопорядка в стране. Это было не так-то просто, ибо правоведам приходилось привязать уголовное право к Божественным Откровениям, т. е. к Корану и Сунне. Надо было также учитывать, что некоторые народы, племена, нации, этнические группы, принявшие ислам в качестве религии, все еще при возникновении уголовно-правовых проблем в регулировании отношений между членами сообщества придерживались прежних обычаев, которые очень часто прямо противоречили Корану и Сунне (бедуины, берберы Северной Африки и др.). Законоведы, опираясь на Коран и Сунну как каноническую основу исламского права, обособившись от богословия, таким образом, в VIII–IX вв. создали наиболее известные и сохранившие свое влияние и поныне школы исламского права. Все эти школы использовали следующие четыре метода решения спорных богословских проблем: 1) система **ханифизм** отдавала предпочтение методам *рая* и *кияса*, т. е. индивидуальному толкованию и решению спорных проблем методом аналогии. Ханифизм стал наиболее предпочтительной системой в Османской империи; 2) **маликизм** отдает предпочтение

¹ Фикх — глубокое знание, проникающее в суть изучаемого предмета.

методам иджму, т. е. согласованное мнение, и раю (страны Магриба, африканские страны); 3) **шафизм** использует иджму и кияс (Сирия, Египет, Восточная Африка, Пакистан, Индонезия); 4) **ханбализм** опирается в основном на хадисы и лишь ограниченно использует методы рая, иджмы и кияса (Аравия). Таким образом, если в VII–VIII вв. источниками развития и эволюции отрасли уголовного права в исламе выступали Коран и Сунна, а также высказывания сподвижников Пророка, то начиная с IX–X вв. эта роль постепенно перешла к доктрине. Поэтому исторически мусульманское уголовное право берет начало не непосредственно из Корана и Сунны, а развивается на основе практики, которая часто отходила от Священной книги и установлений Пророка Мухаммада. И в этом огромная роль принадлежит, естественно, ученым-правоведам, правовой науке.

До конца XV в. мусульманское уголовное право в форме доктрины выступало ведущим источником, устанавливающим систему наказаний за преступления и регулировавшим порядок их применения. И только с образованием Османской империи заметное влияние на отрасль уголовного права стала оказывать расширяющаяся законодательная практика правителей. К началу XX в. лишь в странах Аравийского полуострова и Персидского залива мусульманское уголовное право сохранило свои позиции и действовало универсально в своем традиционном виде. Остальные страны отказались к середине XX в. от старой системы фикха¹ и стали строить свое законодательство по двум основным образцам: а) романо-германскому — Египет, Сирия, Ливан, страны Магриба; б) англосаксонскому — Ирак, Судан.

¹ Под фикхом, в принципе, понимается овладение всем комплексом положений новой религии, знаний, предписаний ислама, регулирующих все стороны жизни его последователей, их поведение и мысли.

В этих странах было принято уголовное законодательство, которое ориентировалось на буржуазные образцы. А это привело к новому этапу развития уголовного права в мусульманских странах. Классификация современной системы данной отрасли права стран зарубежного Востока выглядит следующим образом.

Первая группа — уголовно-правовые системы Саудовской Аравии и Ирана, где мусульманское уголовное право продолжает применяться максимально широко.

Вторая группа — уголовно-правовая система Ливии, Пакистана, Судана и Йемена, где сфера действия мусульманского уголовного права является менее значительной, хотя в последнее десятилетие обнаруживается тенденция к его расширению. Так, например, Ливия в 1971 г. приняла решение об исламизации правовой системы. В Пакистане исламизация всех сторон общественной жизни, в том числе и правовой системы, рассматривается как важное средство решения не только вопросов борьбы с преступностью, но и острых политических, экономических и социальных проблем. В этих странах празднование дня рождения Пророка Мухаммада в феврале 1979 г. было ознаменовано введением в действие крупного акта, установившего уголовную ответственность за следующие преступления — употребление спиртных напитков, прелюбодеяние, кражу, разбой и ложное обвинение в прелюбодеянии. Наказание за это — *худуд*.

Третья группа (самостоятельная) — уголовно-правовая система ряда стран Персидского залива: ОАЭ, Бахрейн, Кувейт, Бруней. Уголовные кодексы 1960 г. Кувейта (с дополнением ст. 206 в 1964 г.), Сомали (1962 г.) и Бахрейна 1976 г. (ст. 306–308) предусматривают ответственность за изготовление, хранение, продажу и употребление спиртных напитков, а также за азартные игры, хотя установленные меры наказания за эти деяния не соответствуют чисто мусульманскому уголовному праву (лишение свободы, штраф).

Четвертая группа — правовые системы Египта, Сирии, Ирака, Ливана, Марокко, Иордании, Алжира, Мавритании, Нигерии, Афганистана. Таким образом, анализ современного уголовного права исламских стран позволяет утверждать, что традиционное мусульманское уголовное право в сколько-нибудь универсальном виде до недавнего времени практически не использовалось ни в одной стране Африки, Южной и Юго-Восточной Азии, а также в большинстве арабских стран. Лишь в отдельных странах (районах) Аравийского полуострова и Персидского залива за мусульманским правом сохранялась роль ведущего источника при разрешении уголовных дел. В Саудовской Аравии до сих пор нет единого уголовного кодекса. Поэтому, что считать преступным и как за это наказывать, предусмотрено рядом уголовных законов, а также многими нормативно-правовыми актами в других отраслях. В частности, виновные в употреблении алкоголя или наркотических средств подвергаются телесному наказанию в виде 80 ударов плетью.

Можно сделать вывод о том, что основанием для развития института преступления и наказания в мусульманском уголовном праве стало наличие многочисленного расплывчатого указания Корана относительно преступного характера деяния человека и мер ответственности в случае нарушения правил поведения: общее религиозное осуждение того или иного поступка без закрепления точной меры наказания в реальной жизни, т. е. «земного наказания», служило поводом для власти признать то или иное поведение по своему усмотрению преступным и наказуемым, ибо понятно, что государством не может быть применена «божественная кара в загробной жизни», которая, по Корану, является только правом Аллаха. Поэтому мусульманской правовой доктрине приходилось быть участником эволюции идеи о преступлении и наказании на основе, естественно, религиозных предписаний. Тем не менее развитие

данного института в мусульманском праве сталкивалось с определенными проблемами: пробельность и противоречивость Корана и Сунны в понятиях преступления и наказания была очевидна. Проблема заключалась также в том, что большинство содержащихся в Коране и Сунне уголовно-правовых норм, регулирующих вопросы преступления и наказания, считались имеющими божественное происхождение, а значит, вечными и неизменными. Поэтому они не могли быть просто заменены уголовно-правовыми актами государства, хотя в этом и была острая необходимость в силу исторического развития общества. Поэтому правоведам приходилось путем толкования общих предписаний Корана и Сунны «выкручиваться» и придавать этим уголовно-правовым нормам юридический характер. Следует также подчеркнуть, что даже в самих хадисах оказались различия и противоречия в случаях, касающихся проблем, связанных с пониманием понятия преступного деяния и назначением наказания, в вопросах разграничения моральных и правовых норм поведения.

§ 2. Нравственно-религиозные и правовые основы института преступления и наказания в исламе

1. Нравственные основы. Хотя Мухаммад не оставил ни своего Декалога, как Моисей, ни Нагорной проповеди, как Иисус, тем не менее Его моральная, нравственная доктрина, принципы отражены в хадисах. Кроме того, нормы, именуемые естественной нравственностью, представлены в ясной форме в Коране. В принципе, Коран продолжает традиции иудаизма и христианства. Так, Коран признает справедливым и нравственно оправданным норму равного возмездия, ссылаясь на Моисея. Нравственность в Коране представлена в виде уникальных норм, которых нет в других Священных Писаниях, хотя она и не систематизирована в виде определенного

кодекса. Нормы Корана, в отличие от христианско-европейской нравственности, которая выражена в абстрактных принципах, предлагают детализированную картину поведения мусульманина. Еще более она конкретизирована в Сунне, т. е. в указаниях, разъяснениях Пророка Мухаммада. Отличительная особенность мусульманской нравственности состоит в том, что она взяла в качестве образца жизнь Мухаммада, в то время как христианская нравственность не говорит, что и как делать, не предписывает поступков, а ограничивается указанием пути. Поэтому мусульманская нравственность есть этика конкретных норм. А. А. Гусейнов отмечает: «Христианско-европейская этика и этика Корана отвечают как бы на разные вопросы: первая — на вопрос о том, зачем надо быть моральным; она словно имеет аргументы против искушения обойтись без морали; вторая — на вопрос о том, как стать моральным, что для этого надо делать»¹.

Этика Корана, так же как и учение Иисуса Христа, включает в число обязанностей верующего не только участие в добрых делах, но и противостояние злым. «О те, которые уверовали!.. Помогайте друг другу в благочестии и богобоязненности, но не помогайте друг другу в грехе и несправедливости. Бойтесь Аллаха, ведь Аллах суров в наказании» (Сура 5, аят 2). При этом речь не о пассивном воздержании от участия в злых замыслах и преступлениях, а об активном противостоянии им: «И пусть ненависть людей, которые помешали вам пройти к Заповедной мечети, не подтолкнет вас на преступление» (Сура 5, аят 2).

Д. В. Щедровицкий пишет: «Вообще, этика Корана как свода предписаний, исходящих из уст Самого Творца, безупречна и совершенна...»². Этическое учение в Коране не проходит мимо вопроса борьбы со злом: «Оттолкни зло тем, что лучше.

¹ Гусейнов А. А. Великие моралисты. М., 2008. С. 179.

² Щедровицкий Д. В. Сияющий Коран. М., 2016. С. 240.

Мы лучше знаем то, что они приписывают» (Сура 23, аят 96). Коран, как видим, учит, что при сопротивлении злу, преступлению нельзя нравственно опускаться до уровня преступника: ведя борьбу с преступностью, надо исходить из принципа справедливости, добра, а в определенных случаях и милосердия. Это положение Господа Бога ранее было доведено до людей посредством учения И. Христа. В Евангелии говорится: «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром» (Рим. 12, 21).

Если в доисламские времена традиции и уставы, обычаи и нравы арабов свидетельствовали о многочисленных аморальных деяниях людей, то Коран положил им конец. К примеру, обычаи арабов разрешали убивать новорожденных девочек. Всевышний Аллах объявляет подобное детоубийство величайшим грехом, наказанием за которое будет геенна: «И не убивайте своих детей, опасаясь нищеты, ведь мы обеспечиваем пропитанием вас вместе с ними...» (Сура 6, аят 151); «Не приближайтесь к имуществу сироты, кроме как во благо ему, пока он не достигнет зрелого возраста. Наполняйте меру и весы по справедливости. Мы не возлагаем на человека сверх его возможностей. Когда вы произносите слово, будьте справедливы, даже если это касается родственника...» (Сура 6, аят 152). Не только текст Корана, Слова Божьего, но и слова и действия самого Пророка Мухаммада призывают людей воспитывать в себе это важное качество — умение прощать. Прощать без остатка и без осадка! Приведем некоторые высказывания Посланника Аллаха. Он говорил: «Воистину, главной целью моей пророческой миссии является доведение высоких нравов до полноты и совершенства»¹. Пророк Мухаммад сказал: «Поистине, Аллах, когда сотворил все, предписал Себе: поистине, Моя

¹ См.: Хадис св. х. аль-Бухари, аль-Бухари, аль-Хаким, аль-Байжали и др. — См.: ас-Суюти Фис, Аль — джами ас-сагыр. С. 155, хадисы № 2583 «сахих», № 2584, «сахих», № 2585 «хасан».

милость побеждает Мой гнев»¹. Посланник Аллаха ссылается также и на Иисуса Христа: «Поступи благородно по отношению к тому, кто сделал что-то злое, подлог в твой адрес. Иисус, сын Марии, в свое время сказал: “Благородство — это, когда ты делаешь хорошее тому, кто сделал тебе плохое, а не то, когда ты сделал хорошее в ответ на хорошее”»². Как известно, милосердие и прощение является важнейшей составной частью и показателем нравственности. Ни в одной другой Священной книге не уделяется столько внимания преобладанию милосердия, как в Коране. Всякое зло чревато дурными последствиями, но лишь в той же мере, в то время как добродетель награждается десятикратно. Вот смысл всех аятов Корана, посвященных милосердию, прощению и добродетели. «Кто явится с добрым деянием, тот получит десятикратное воздаяние. А кто явится со злым деянием, тот получит только соответствующее воздаяние, и с ними не поступят несправедливо» (Сура 6, аят 160). Об этом же упоминается и в других аятах Корана: Сура 28, аят 84; Сура 40, аят 40; Сура 2, аят 263; Сура 42, аят 40. В аяте 40 Суры 42 приводится «золотое» правило, касающееся прощения. Оно состоит в том, что зло должно караться соответствующим ему наказанием. Подчеркнем, что в этом аяте прямо говорится о прощении и добродетели человека: «Воздаянием за зло является равномерное зло. Но если кто простит и установит мир, то его награда будет за Аллахом. Воистину, Он не любит беззаконников». Вспомним «золотое» правило Канта относительно возмездия. Следует отметить, что прощение и милосердие, доброта и добродетель занимают также особое место в Евангелии: «Прощайте — и прощены будете...» (Лк. 6.37). Слова Иисуса в Евангелии: «Если вы будете прощать людям согрешение их, то

¹ См.: ас-Суюти Дж. Аль-джами 'Ас-сагир (малый сборник). Бейрут: аль-Кутуб аль 'ильмия, 1990. С. 112. Хадис № 1788, «сахих».

² См.: аз-Зухайли В. Ат-Тафсир аль-Мунир: в 17 т. Т. 7. С. 537.

простит и вам Отец ваш Небесный...» (Мф. 6, 14); «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5, 7).

В отличие от предыдущих религий — иудаизма и христианства, в исламе нет ни одной крайности в формуле «зуб за зуб», ни другой — «подставить левую щеку после того, как тебя ударили по правой». Коран же устанавливает «золотое» правило, согласно которому прощения уместны, если они способны восстановить мир и пойдут на благо самому преступнику, ибо целью наказания является в первую очередь его исправление. Как понимать Божье прощение и Божью милость в отношении преступников? Можно ли считать это гуманизмом или помилованием в современном смысле? Ответ мы находим в Коране: «Кто раскаивается и поступает праведно, тот действительно возвращается к Аллаху» (Сура 25, аят 71).

Таким образом, и по Корану, и по Евангелию, Всевышний, как видим, имеет в виду отмену или смягчение наказания за прошлые грехи (преступления), если человек раскаялся в своих деяниях и следует по пути Господа Бога. Преступник, свидетельствующий добрыми делами об искреннем раскаянии и исправлении, всегда может рассчитывать на Божье прощение и милосердие.

2. Религиозные основы (грех). «Подобно учению Моисея, Коран — свод религиозного законодательства; подобно учению Иисуса, Коран содержит описание грядущего райского блаженства верующих, служа “благой вестью”»¹. Грех, по религии ислама, это слова, деяния и поступки, противоречащие Божественным повелениям и запретам; это действия, считающиеся в Коране предосудительными. Поэтому в период зарождения мусульманского уголовного права в основу института преступления и наказания была заложена цель уничтожения в корне греха.

¹ Щедровицкий Д. В. Сияющий Коран. С. 31.

Читаем Коран: «Скажи: “Воистину, Господь мой запретил недостойные поступки, как явные, так и скрытые, а также греховные поступки...”» (аль Араф 7/33/). Как видим, Всевышний не ставит грех в один ряд с недостойными поступками. Почему Он разделил эти деяния? Все ли поступки, в том числе греховные, наказуемы, по Аллаху? «Если бы Аллах стал наказывать людей за их деяния, то Он не оставил бы на поверхности земли ни одного живого существа, но Он откладывает им (наказание) на предопределенный срок; когда же настанет их срок (то накажет). Воистину, Аллах видит (деяния) Своих рабов» (Коран: Фатыр, 35/45). Что Всевышний хочет нам сказать этим Своим Посланием? Во-первых, что все созданные Им существа греховны, т. е. или уже совершили когда-то греховные деяния или обязательно это сделают. И Он об этом осведомлен, однако не наказывает людей сразу после совершения ими грехов или же преступлений. Но это не значит, что они не будут наказаны за свои поступки. Видимо, имеется в виду наказание в следующей жизни, когда каждый будет нести отчет за свои деяния. Во-вторых, Всевышний подчеркивает, что если бы Он захотел наказать людей сразу, то речь бы шла только о лишении человека жизни. Однако Он этого не делает, ибо предоставляет нам возможность раскаяться и обрести прощение. Следовательно, существование человечества на «поверхности земли», как выражается Аллах, по сегодняшнему дню свидетельствует о том, что люди хотя и грешат, но раскаиваются и обретают прощение.

Коран делит все грехи на большие и малые: «Если вы будете избегать больших грехов, которые вам запретны, то мы простим ваши (мелкие) прегрешения и введем вас через врата благословенные» (ан-Ниса, 4/3) (см. также: ан-Наджм, 53/32).

Согласно исламу, два основных греха нарушают наши отношения с Богом. Первый — это **ширк**, т. е. придание божественности чему-либо, кроме Бога, ибо люди обретут мир, только если они познают божественные законы, установленные

Аллахом (Богом), и станут жить сообразно с ними. Законы эти возвещались через пророков (Сура 3:57 (64); Сура 41 (37)). Второй главный грех — это **куфр**, т. е. неблагодарность по отношению к Богу, неверие, атеизм. Мусульмане признают божественное всеприсутствие, всеведение и всемогущество Аллаха. Это заставляет человека стремиться делать все возможное, дабы угодить Богу — как из любви, так и из страха. Халиф Умар Ибн аль-Хаттаб говорил: «Если Бог возвестил бы, что в День Суда все люди пойдут в рай, кроме непреуспевающих, ради страха перед Ним я бы счел себя непреуспевающим. И если Бог возвестил бы, что все люди пойдут в ад, кроме преуспевающих, ради моей надежды на Его милосердие я счел бы себя преуспевающим». В принципе, ни в Коране, ни в Суннах Пророка нет четкого ответа относительно вопроса, что считать большими грехами, а что малыми, хотя в хадисах Посланник Аллаха пытается дать соответствующие разъяснения. Так, например, в одном из хадисов Аллах считает убийство одним из самых больших грехов: Анас передает, что, когда у Посланника Аллаха спросили о самых больших грехах, Он ответил: «Придавать Аллаху сотоварищей, не подчиняться родителям, убить человека и приносить ложную клятву»¹.

В некоторых хадисах убийство человека не причисляется к большому греху, а в других стоит на втором месте после ширка². Ибн Умар говорил, что убийство не по праву — это самая опасная и гиблая пропасть, из которой невозможно выбраться. Имам Шафин также считал, что после ширка самым большим грехом является убийство.

После смерти Пророка, т. е. в поздние времена, люди совершали такие деяния, которые считались (рассматривались) как деяния, не вмещающиеся в понятие «грех», в то время как во времена Посланника они расценивались как великий грех.

¹ Бухари, Шахадат, 10.

² Бухари, Дийат, 2; Насам, Тахримуль-Дам, 3/4007.

Все это из-за того, что Коран не дает четкого понятия греха и его отличия от преступления.

Абдуллах бин Амр передает, что, когда Пророка спросили, какие самые тяжкие грехи, Он ответил: 1) придавать Аллаху сотоварищей (ширк); 2) неповиновение родителям; 3) ложная клевета¹.

Посланник Аллаха достаточно много дает разъяснений в хадисах относительно греха, ибо в Коране нет четких критериев, признаков, характеризующих это деяние. Так, например, трудно определить, греховно или нет, если взор мужчины привлекает красота какой-то женщины. Пророк объясняет людям, что, «если мужчина тут же отведет свой взгляд, то это не только не считается грехом, а наоборот, Аллах пожелает ему такое вознаграждение, как за поклонение, привносящее сладость в сердце»².

Все деяния человека, считающиеся грехами, о которых идет речь, исходят из Десяти заповедей Всевышнего. Хотя и Коран, и Сунна различают грехи на малые и большие, Пророк говорит нам: «Избегайте грехов, которые вам кажутся незначительными. Потому что они накапливаются и приводят человека к гибели»³. Человек иногда совершает незначительное преступление с точки зрения уголовного права, например мелкую кражу, и считает, что совершаемый им поступок настолько незначительный, что нельзя считать это преступлением, грехом. Такое понимание своего деяния приводит человека к совершению более тяжкого следующего (очередного) преступления. По исламу, малые грехи — это дорога, ведущая к великим грехам. Следует согласиться с В. Сорокиным, который полагает, что

¹ Бухари, Иститабатуйль-Мургадзин, 1; Айман, 16; Дийат, 2. — Отдельно см.: Тирмизи, Тафсир, 4/3020.

² Ахмад, V, 264; Хайсами, VIII, 63.

³ Ахмад, 402–403; V, 331.

«принцип прост: совершенный человеком грех, касающийся его одного, оставляется на усмотрение Бога и Суда Божия. Если же грех или его последствия распространяются на ближнего, то грех становится не просто грехом, но преступлением, за которое грешника, ставшего преступником, можно судить судом человеческим, разумеется, в соответствии с Торой»¹.

Тем не менее даже практически невозможно отличить грех от преступного поведения, по Корану. Так, например, трудно ответить на вопрос: «Можно ли считать проповеди и пропаганду язычества, а также атеизм преступлением по Священным Писаниям?» В каком случае могли бы эти деяния принести вред ближнему? В принципе, Пророк все деяния человека, в том числе греховные, связывает с человеческим сердцем. Читаем хадисы: «Грех — это то, что сотрясает твое сердце, и то, о чем ты не хочешь, чтобы узнали люди»²; «Грех — это то, что не дает покоя твоему сердцу. Это то, что все равно рождает в тебе сомнение и отрицание, сколько бы другие люди ни говорили тебе, что это дозволено»³. Хотя и Коран, и Сунна очень смутно, неясно говорят о том, какие грехи следует отнести к большим, а какие к маленьким или небольшим, можно предположить, что большие грехи — это те, которые следует отнести к тяжким преступлениям. О них в Коране или в хадисах содержится особое предупреждение и проклятие, или совершающий такие грехи назван грешником (фасик). К тяжким грехам, видимо, можно отнести и такие деяния, за которые предусмотрено суровое наказание как при жизни, так и в будущем, после смерти. Вообще следует заметить, что по исламскому законодательству тяжесть грехов (преступлений) привязывается к тяжести наказания, т. е. чем суровее наказание, тем более тяжким считается грех

¹ Сорокин В. Тора. Пространство правовое... С. 197.

² Муслим, Бирр, 14, 15. — Отдельно см.: Тирмизи, Зухд, 52.

³ Ахмад, IV, 227–228; Дарими, Буйу, 2.

(преступление). Коран во многих своих аятах призывает людей отказаться от грехов, которые кажутся сладостными и приятными, но в действительности представляют собой зло, отраву и скверну. Отказывающиеся от этих деяний, по Корану, получают вознаграждение от Аллаха: «Скажи (Мухаммад): “Если вы любите Аллаха, то следуйте за мной (и тогда) Аллах возлюбит вас и простит ваши грехи”» (Коран. Али Имран, 3 (31)).

Ислам считает, что «если кто-то вознамерился совершить что-то дурное, а потом отказался от этого, то Всевышний запишет этот поступок как благое дело»¹.

Любовь к вере является самым эффективным средством от греховных (преступных) деяний. Следовательно, те, у кого сердца наполнены любовью, соединившейся с верой, не в состоянии совершить зло, насилие. Итак, ислам рекомендует остерегаться всяких грехов — больших и малых, ибо совершать их запретил сам Аллах. При этом очень важно не только то, что деяние — преступление или проступок, но также и то, для чего и против кого оно совершено. Однако ислам принимает во внимание, что некоторые поступки человек совершает из-за своей грешной природы и что вредные последствия некоторых из них не так велики, — грехи разделяются на малые и большие. Следовательно, тяжесть наказания зависит от последствий, т. е. оценка тяжести поступка зависит от ценности объекта посягательства. «О вы, которые уверовали! Обращайтесь к Аллаху с искренним раскаянием» (ат-Тахрим, 66/81). «Воистину, Аллах любит кающихся и любит очищающихся» (аль-Бакара, 2/222/. — См. также: (ан-Ниса, 4/18/; аз-Зумар, 39 /53–54/; Худ, 11/90/). Когда у Пророка спросили: «Каков признак покаяния?», Он ответил: «Сожаление»².

¹ Бухари, Рикак, 31; Муслим, Иман, 207, 259. — Отдельно см.: Бухари, Таухид, 35; Тирмизи, Тафсир, 6 /3073/.

² Хадис от Ибн Мас'уда; св. Х. Ибн Маджа, а также от Анаса; св. Х. Ибн Наддара. — См. напр.: аль-Муттаки А. (885–975 гг. по Хиджре).

Пророк сказал: «Раскаявшийся в грехе подобен тому, на ком греха нет»¹. Раскаявшийся в грехе означает, по исламу, бесповоротно оставивший грех, сделавший все возможности, чтобы впредь его не повторять. В таком случае считается, что будто этот грех он никогда не совершал. Если Аллах полюбит кого-то за его благие дела и устремления, за обязательность пред ним и людьми, то грех после искреннего раскаяния не причинит ему вреда². Пророк сказал: «Если вы совершите такое количество прегрешений, что они достигнут неба, но после раскаетесь, Аллах вас простит»³. Он неоднократно повторял, что у всех преступников есть возможность покаяться: у прелюбодеев, употребляющих спиртные напитки, воров, грабителей⁴. Вера в процессе совершения столь страшных преступлений покидает человека. Однако возможность покаяния у таких людей остается.

3. Правовые основы. Аяты Корана, имеющие законодательное содержание, объявляются «матерью Писания», т. е. основной, определяющей угодный Аллаху образ жизни. Именно они и составляют фундамент шариата. Читаем Коран: «Он — Тот, кто написал тебе Писание, в котором есть ясно изложенные

Кяыз аль-уммаль (Кладовая тружеников): в 18 т. Бейрут; ар-Рисаля, 1985. Т. 4. С. 261, хадис № 10428.

¹ См., напр.: Ибн Маджа М., Супан 1999. С. 458, хадис № 4250, «Хасан»; ас-Суюти Дж. Аль-джамий' ас-сагыр. С. 203, хадис № 3385 «Хасан».

² См., напр.: ас-Суюти Дж. Аль-джамий' ас сагыр. С. 203, хадис № 3386 «Хасан».

³ Хадис от Абу Хурайры; св. х. Ибн Маджа. — См., напр.: Ибн Маджа. М.: Супан (Свод хадисов). Рияд аль-Афкар ад-давлйя, 1999. С. 458, хадис № 4248 «Хасан Сахих».

⁴ Хадис от Абу Хурайры; св. Х. аль-Бухари, ат-Тирмизи и др. — См., напр.: аз-Захаби Ш. Китаб аль-кеба' ир (Книга больших грехов). Каир: ас-Салям, 1985. С. 78, хадис № 94; аль-Бухари М. Сахих аль-Бухари: в 5 т. Т. 2. С. 743.

аяты, составляющие мать Писания...» (Сура 3, аят 7). Только усваивая содержание ясно изложенных аятов, имеющих законодательное содержание и следуя им на практике, человек может переходить к постижению более высоких уровней откровения, на которых открываются тайны духовного мира. Вот почему становится очевидным актуальность и важность осмысления понятий преступления, в понимании Всевышнего, изложенных в Коране, которые являются составной частью законодательной сущности Священного Писания мусульман.

Ислам, так же как и другие религии, считает, что грех есть в то же время преступление, т. е. понятие греховности в религии отождествляется с понятием преступления. Поскольку изучаем поведение людей в качестве явления социальной категории, то, очевидно, прежде всего необходимо дать определение того, что Всевышний Аллах понимает под понятием «преступление» как вид социального явления. Хотя самого определения этого понятия в Коране нет, тем не менее из содержания некоторых аятов Писания можно понять, что под понятием преступления (греха) Аллах имеет в виду и о чем предупреждает: «А кто преступит границы дозволенного после этого, тому будут уготованы мучительные страдания» (Сура 5, аят 94). В этом аяте Всевышний употребляет слово «преступить», что и понимается как преступление. Более того, как видно из содержания этой нормы Корана, Аллахом установлена определенная граница, переходя которую, ты считаешься совершившим преступление (грех).

То же самое можно встретить в аяте 112 Суры 3: «Это за то, что они ослушались и преступили границы дозволенного». Вообще надо заметить, что Аллах очень часто в Коране использует понятие «границы дозволенного», например: «О те, которые уверовали! Не запрещайте блага, которые Аллах сделал дозволенными для вас, и не преступайте границы дозволенного. Воистину, Аллах не любит преступников». Как видим, Всевышний

называет престаупающих границы дозволенного преступниками. В аяте 12 Суры 83 Аллах называет преступниками и грешниками всех тех, кто считает ложью День воздаяния.

Определена также санкция за нарушение этого установления. В другом месте Корана Всевышний использует вместо слова «границы», как это было в аяте 94 Суры 5, понятие «ограничения», что в общем-то по смыслу и содержанию одно и то же: «Таковы ограничения Аллаха, не преступайте же их. А те, которые престаупают ограничения Аллаха, являются беззаконниками» (Сура 2, аят 229). Тем не менее и здесь Им употребляется для обозначения понятия «преступление» слово «престаупать». Определение преступления можно встретить также в другом аяте Корана: «А тех, кто ослушается Аллаха и Его Посланника и престаупает Его ограничения, Он ввергнет в Огонь, в котором они пребудут вечно. Им уготованы унижительные мучения» (Сура 4, аят 14).

Но где «граница дозволенного», о которой Всевышний предупреждает нас так часто и требовательно? В Коране Аллах дает четкий и ясный ответ: «Воистину, Аллах повелевает блюсти справедливость, делать добро и одаривать родственников. Он запрещает мерзости, предосудительные деяния и бесчинства» (Сура 16, аят 90).

Одно из условий соблюдения границы дозволенного, по Корану, — это быть правдивым: «О те, которые уверовали! Бойтесь Аллаха и будьте правдивыми» (Сура 9, аят 119). Всевышний Аллах называет наряду с понятием «преступление», также и понятие «зло», которое противоположно понятию «добро»: «Не равны добро и зло. Оттолкни зло тем, что лучше, и тогда тот, с кем ты враждуешь, станет для тебя словно близкий любящий родственник» (Сура 41, аят 34). В этом установлении Всевышний напоминает людям те послания, которые Он передавал через И. Христа: «Не противься злему». Однако Коран подчеркивает, что отвечать на зло добром дано не всем, а только терпеливым, благочестивым людям (Сура 41).

Коран не дает точного ответа на вопрос относительно системы деяний, признаваемых грехом (преступлением), по степени их важности и тяжести. Однако если судить по содержанию Суры 17, то можно сделать вывод, что после многобожия самым тяжким грехом (преступлением) Аллах считает неповиновение родителям: «Твой Господь предписал вам не поклоняться никому, кроме Него, и делать добро родителям. Если один из родителей или оба достигнут старости, то не говори им: “Тьфу!” — не кричи на них и обращай к ним почтительно» (аят 23). Далее: «Склони пред ними крыло смирения по милосердию своему и говори: “Господи! Помилуй их, ведь они растили меня ребенком”» (аят 24). В этих установлениях Аллах от нас требует три уровня сыновней почтительности: нижний означает помощь родителям, средний — уважение к родителям и к предкам, высший — их прославление. Достаточно много внимания уделено этому вопросу в хадисах Пророка Мухаммада. Коран относит насилие и убийство по степени тяжести греха (преступления) к наивысшим. Всевышний понимает насилие в очень широком смысле, а точнее как несправедливость, т. е. всякая несправедливость есть своего рода насилие. Такова философия Корана: не только убивать, но даже забирать имущество другого человека — это насилие.

Пророк говорил, что любое насилие будет обязательно наказано уже в этой жизни: «Вместе с тем, что они наказываются в будущей жизни, уже в этом мире чаще всего наказываются такие грехи, как насилие и пренебрежение родственниками»¹. Из этого аята вытекает, что неуважительное, пренебрежительное отношение к родителям наравне с насилием считается уголовно-правовым деянием, а значит, подлежит наказанию уже в этой жизни.

¹ Абу Дауд, *Адаб*, 43/4902; Тирмизи, *Кыйама*, 57; Ибн Маджа, *Зухд*, 23.

Пророк сказал: «Может ли Аллах оправдать то общество, где сильных не спрашивают за бессильных?»¹. Посланник Аллаха все время предупреждает свою общину о том дне, когда справедливость проявится в полной мере. Например: «Если кто-то совершил насилие, поправ честь, достоинство или имущество другого, пусть помирится с ним, прежде чем наступит Судный день, когда уже не будет золота и серебра»².

Абу Зарр сообщает, что Посланник Аллаха передал такие слова Всевышнего Аллаха — велик Он и славен: «О Мои рабы! Я сделал насилие запретным (харам) для Себя. Я сделал его запретным и для вас. Не совершайте насилие (зульм) по отношению друг к другу!»³. Здесь следует обратить внимание на следующее: Аллах говорит, что Он запретил насилие для Себя. Но если это Тот же Бог, который послал Моисею ранее Писание, содержащее одни только кровопролития и насилия, то тогда встает вопрос относительно времени запрета Божьего насилия. Возможно, этот период начинается с учения И. Христа. Джабир сообщает, что Посланник Аллаха сказал: «Остерегайтесь совершать насилие! Ибо насилие в Судный день предстанет кромешной тьмой»⁴.

Все эти высказывания Пророка свидетельствуют о том, что Он всегда был противником насилия. Вот пример: некий Сух айль бин Маар настраивал людей против ислама, сбивая их с истинного пути. Этот человек попал в плен в битве при Бадре. Умар попросил Посланника Аллаха выбить ему зубы, т. е. наказать, чтобы язык свесился наружу, но тот ответил: «Оставь его, о Умар! Я не могу искалечить его. Если я поступлю так, то хотя я и Пророк, Аллах воздаст мне тем же»⁵.

¹ *Ибн Маджа*, Фитан, 20; Абу Йа'ля Муснад IV, 7–8; Ибн Хиббан, XI, 43–44.

² *Бухари*, Мазалим, 10; Рикак, 48.

³ *Муслим*. Бирр, 55.

⁴ Там же. *Бухари*, аль-Адабуль-Муфрад № 483.

⁵ Ибн Химам, II. 293.

Айша передает, что Посланник Аллаха сказал: «Если человек путем насилия присвоил себе хотя бы пядь земли, эта земля со всеми ее семью слоями обмотается вокруг его шеи»¹.

Считаются насилием также покушение на честь и достоинство, лжесвидетельство, уничтожение других. Даже задержка выплаты долга состоятельным человеком — насилие. Таким образом, по Корану Аллах считает насилием любое деяние, противоположное правомерному, этическому поведению, а значит, противоречащее справедливости. Иначе говоря, насилие понимается в широком смысле, и его понятие связывается со справедливостью. Пророк в своих хадисах неоднократно обращается к понятию насилия и к тем последствиям, которые следуют за это деяние. Джабир передает, что Посланник Аллаха сказал: «Остерегайтесь совершать насилие! Ибо насилие в Судный день предстанет кромешной тьмою. Остерегайтесь жадности, ибо жадность сгубила народы, которые жили до вас. Жадность привела их к тому, что они несправедливо проливали кровь друг друга и запретное называли дозволенным»².

Обращает на себя внимание тот факт, что Пророк, предупреждая об ответственности за насилие, больше внимания уделяет наказанию за такое деяние в Судный день. Этим Пророк хочет подчеркнуть тяжесть и более мучительный характер наказания в будущей жизни, чем в этой. Действительно, для глубоко верующих мусульман общепредупредительный характер наказания после смерти является более значимым и действенным, ибо оно (наказание) будет назначено Самим Всевышним. Это гораздо страшнее, чем наказание людское. Коран гласит: «Воистину, не преуспевают те, кто творит беззаконие» (Коран.

¹ Бухари, Мазалим, 13; Бад-уль-Талк, 2; Муслим, Мусакат, 139–142. — Отдельно см.: Тирмизи, Бийат, 21.

² Муслим, Бирр, 56; Бухари, аль-Адабульмуффад, № 483. — Отдельно см.: Ахмад, 11, 92, 135; Хаким, 1, 55/26.

аль-Касас, 28/37). Аллах под беззаконием понимает все виды насилия, противоправные деяния, а слово «преуспевают» имеет для Всевышнего глубокое значение, т. е. человек, совершивший беззаконие, в первую очередь вредит себе, своей семье, близким, обществу. Такой человек от Аллаха не дожидается успехов в жизни, наоборот, он будет наказан Всевышним. Арабам, только что принявшим ислам, естественно, не под силу было понять суть многих установлений Корана, в том числе и вышеупомянутый аят. Поэтому Пророку приходилось от имени Аллаха каждый раз при каждом случае давать людям разъяснения Божественных установлений. Но главный печальный итог притеснителям будет подведен в будущей жизни (Коран. Марйам, 19/72). Поэтому Посланник Аллаха говорит: «Если кто-то совершил насилие, поправ честь, достоинство или имущество другого, пусть помирится с ним, прежде чем наступит Судный день, когда уже не будет золота и серебра»¹.

Коран очень часто напоминает о Судном дне для совершивших насилие или любое другое преступление, об адских наказаниях после смерти, потому что эти люди в земном мире омрачили жизнь других людей. Однако они не понимали, что, поступая так, омрачили свою вечность. Коран: «Не Аллах обидел их, а они сами обидели себя» (Коран. Али Имран, 3/117). Разъясняя этот аят Корана людям, Пророк дает им понять, что у Аллаха есть обязательство перед людьми — не подвергать их мучениям (адским наказаниям), если они не нарушат Его установления, а будут их выполнять.

По сути, ислам утверждает, что в будущей жизни проявятся те тенденции, которые были у нас в этой жизни. Если ты на земле совершил убийство, то это твое деяние предстанет перед тобой в реальности после смерти и тебе следует нести за это ответственность. Даже наши мысли, действия и нравственные,

¹ Бухари, Мазалим, 10; Рикак, 48.

моральные качества предстанут перед нами. Зачем Аллаху нужно такое предупреждение? Затем, чтобы человек в земной жизни придерживался установлений закона Аллаха, чтобы никто никого не убивал и не насиловал, не крал чужого и т. д. Аллах для этого установил награды для правильных людей, обещая им после смерти счастливую жизнь: дворцы, сладости, прекрасных дев, т. е. все то, что нравится человеческой натуре. И напротив, грешники, преступники, убийцы, воры и неверующие попадут в ад, пойдут в огонь, будут брошены в кипящую воду и т. д. При беседе с верующим мусульманином, который даже не знаком с содержанием Корана, мне стало ясно, что он верит в Аллаха только из-за определенных корыстных соображений. В частности, на вопрос, почему он верит в Коран как Писание Аллаха, ответ был очень простой: «У меня сейчас нет того, что есть у состоятельных людей. Но зато я придерживаюсь установлений Писания. Поэтому в будущей жизни у меня будет все, а у тех, кто не живет по Писанию, ничего не будет». На вопрос, откуда он это знает, не прочитав Коран, тот ответил: «Так говорит в мечети мулла».

Способствуют ли эти предупреждения Аллаха правильному, законопослушному образу жизни? Знают ли вообще мусульмане, что их ждет за преступные деяния после смерти? Если знают, то почему определенная часть людей все-таки совершает тяжкие преступления: убийства, насилие и т. д.? Значит ли это, что они не верят в Аллаха, а значит, — в Судный день и адские наказания?

Какие же деяния человека Аллах считает преступившими «границы дозволенного», т. е. преступлением (грехом)? Сура 17 перечисляет эти деяния и начинается с многобожия, которое Он относит к самому большому греху (преступлению): «Не поклоняйся наряду с Аллахом никакому другому богу, а не то сядешь униженным и покинутым» (Сура 17, аят 22). Следует заметить, что ранее в Суре 5 уже были перечислены деяния,

запрещенные Аллахом и считающиеся грехом (преступлением). Читаем: «Скажи: “Придите, и я прочту то, что запретил вам ваш Господь”»; «Никого не приобщайте к Нему в сотоварищи и делайте добро родителям. И не убивайте своих детей, опасаясь нищеты, ведь Мы обеспечиваем пропитанием вас вместе с ними. И не приближайтесь к мерзким поступкам, явным или скрытым. Не убивайте душу, которую Аллах запретил убивать, если только у вас нет на это права. Это заповедовал вам Аллах, — быть может, вы уразумете».

По исламу, **многобожие (ширк)** есть великая непочтительность и неуважение по отношению к Аллаху, создавшему всю вселенную. Следовательно, такое деяние считается самым тяжким и соответственно должно преследоваться самым суровым наказанием. Этот грех называется Акбаруль Кабир — «величайший среди великих» (Коран. Локман, 31/13; ан-Ниса, 4/48; ан-Ниса, 4/16).

Почему это самый большой грех? Пророк отвечает: «Придавать Аллаху сотоварищей, в то время как Он создал тебя»¹. Следовательно, и неповиновение родителям тоже считается «величайшим среди великих» грехов. Мы должны отдавать должное Аллаху, которому обязаны своим существованием, и родителям, которые являются причиной нашего существования (см. Коран: аль-Хадж, 22/31; аль-Баййина, 98/6; аль-Кахф, 18/110; ан-Ниса, 4/36; аль-Исра, 17/23–24).

Если Всевышний Аллах прощает из других грехов те, которые пожелает, Он никогда не простит тех, кто призвал Ему сотоварищей (Коран. ан-Ниса, 4/48; 116). Посланник Аллаха сказал: «Даже если тебя разрывают на части, даже если сжигают в огне, смотри же, ничего не придавай сотоварищем Аллаху»². Коран: Сура аль-Хадж, 22/31/: «Пребывайте искренними в поклонении

¹ Муслим, Иман, 141.

² Ибн Маджа, Фитан, 23.

Аллаху и не поклоняйтесь наряду с Ним никому...» Почему Аллах так сильно предупреждает людей (своих рабов), ведь многобожие нисколько не вредит Аллаху? Кроме того, разве Аллах не создал людей свободными в выборе вероисповедания и вообще в определении своего решения? Еще более является странным следующее установление Корана: «Воистину, те из людей Писания и многобожников, которые не приняли (новую веру), окажутся в адском огне, пробудут там вечно. Они — наихудшие из созданий» (аль-Баййина, 98/6/). Ислам считает, что Аллаха более беспокоит то, что люди, предавая Его, своего Создателя, станут на путь совершения грехов, в том числе преступлений, ибо поклонение Аллаху предотвращает совершение этих дурных деяний. Коран не только считает многобожие самым большим (великим) преступлением (грехом), но и требует вести с ним борьбу: «Посему странствуйте по земле в течение четырех месяцев и знайте, что вам (многобожникам) не сбежать от Аллаха и что Аллах опозорит неверующих» (Сура 9, аят 2). Четыре месяца — это месяцы, запрещающие вести борьбу с многобожниками. Однако как только «завершатся запретные месяцы, то убивайте многобожников, где бы вы их ни обнаружили, берите их в плен, осаждайте их и устраивайте для них любую осаду. Если же они раскаются и станут совершать намаз и выплачивать закят, то отпустите их, ибо Аллах — Прощающий, милосердный» (Сура 9, аят 5). Представляется, что Аллах в этом установлении преследует цель не убивать людей за то, что они — многобожники, а сделать их единобожниками. Это утверждение вытекает из аята 6 Суры 9 Корана: «Если же какой-либо многобожник попросит у тебя убежища, то предоставь ему убежище, чтобы он мог услышать Слово Аллаха. Затем доставь его в безопасное место, потому что они — невежественные люди».

Об убийстве. Примечательно, что в Суре 17 следующим после неповиновения родителям грехом (преступлением) Всевышний определяет убийство детей: «Не убивайте своих детей,

опасаясь нищеты, ведь Мы обеспечиваем пропитание их вместе с вами. Воистину, убивать детей — тяжкий грех» (аят 31). А вот, что говорит аят 151 Суры 6: «Не убивайте душу, которую Аллах запретил убивать, если только у вас нет на это права...». Этот же запрет Аллах еще установил в аяте 33 Суры 17: «Не убивайте душу, убивать которую Аллах запретил, если только у вас нет на это права. Если кто-либо убит несправедливо, то мы уже предоставили его правопреемнику полную власть, но пусть он не излишествует в отмщении за убийство. Воистину, ему будет оказана помощь».

Таким образом, Коран устанавливает принцип: запрет на убийство человека не иначе как по праву. При этом Аллах напоминает Закон, посланный для народа Израиля: «Мы предписали сынам Исраила (Израиля): кто убьет человека не за убийство или распространение нечестия на земле, тот словно убил всех людей, а кто сохранит жизнь человеку, тот словно сохранит жизнь всем людям...» (Сура 5, аят 32).

Из содержания этого аята вытекает, что оживляющий одного человека совершает такое великое и важное дело, что будто он оживил всех людей. В то же время убивший одного человека совершает такой большой грех, что будто он убил всех людей. Из такого сравнения можно сделать вывод, что, по исламу, убийство одного мусульманина перед Аллахом страшнее, чем гибель всего мира. Иначе говоря, уничтожение целого мира для Аллаха не так страшно, как убийство (не в качестве наказания за преступление) одного мусульманина. В этом аяте Корана Всевышний предостерегает человека от совершения убийства, напоминает, что это деяние разрушает человека и физически, и морально, делает его несчастным в обоих мирах, отделяет от милости Аллаха, подводит под гнев Всевышнего. Следовательно, убийство по праву — кровная месть. Сравнивая убийство одного мусульманина (именно мусульманина) и всего мира, Аллах подчеркивает, насколько это преступление страшно для

человечества. Достаточно много внимания уделяется убийству и Пророком в Его хадисах. Абдуль-Хаким аль-Баджали передает: «Я слышал от Абу Саида аль-Худри и Абу Хурайри, что Посланник Аллаха сказал: “Если бы все обитатели небес и земли пролили кровь одного мусульманина, то Аллах бросил бы их всех в Ад”»¹.

В другом священном хадисе говорится: «Часть крови каждого безвинного убиенного человека падает и на первого сына Адама. Ибо он был первым, кто открыл путь убийства»². Следовательно, по Всевышнему, первое преступление — убийство начинается с Каина.

Об этом можно также узнать из Библии. Ислам также не обходит вниманием и соучастие человека в убийстве: «Человек, который хотя бы половиной слова помог убийству верующего, предстанет перед Аллахом с надписью между глаз: “У этого человека нет надежды на милость Аллаха”»³. Почему только верующего? По исламу, все грехи могут быть прощены, но убийство следует выделить особо. Ислам требует в этом вопросе быть внимательным. До тех пор пока человек не совершит убийство, он может надеяться на прощение и милость Всевышнего. «До тех пор пока не прольет запрещенную (харам) кровь, верующий найдет свою религию широкой, т. е. может надеяться на милость Аллаха»⁴. Однако следует отметить, что среди мусульманских ученых нет единства мнений относительно того, может ли убийство, как и прочие грехи, быть прощенным. Ясно, что убийство — это такое преступление, за которое, по причине его тяжести, очень трудно получить прощение. В то же время,

¹ Тирмизи, Дийат, 8 /1398/.

² Бухари, Джанаиз, 33; Анбийа, 1; Дийат, 2; И' Тисам, 15, Муслим, Хасама, 27. — Отдельно см.: Тирмизи, Ильм, 4; Насаи, Тахрим, 1; Ибн Маджа, Дийат, 1.

³ Суюти, аль-Фат-Хуль-кабир, 111, 164.

⁴ Бухари, Дийат, 1.

если Аллах прощает все грехи, значит, и это деяние подпадает под прощение.

Абдуллах бин' Амр'Ас передает, что Посланник Аллаха сказал: «Клянусь Аллахом, в руках которого находится моя жизнь, убийство мусульманина перед Аллахом страшнее, чем уничтожение всего мира»¹. Абдуллах бин Мас'уд передает, что Посланник Аллаха произнес такие слова: «Первое, что будет рассмотрено в Судный день, — это дела крови (убийства)»². Значит ли это, что убийство является, по исламу, самым большим грехом? Анас передает, что, когда у Посланника Аллаха спросили о самых больших грехах, он ответил: «Придавать Аллаху со товарищей, не подчиняться родителям, убить человека и приносить ложную клятву»³. Однако в некоторых хадисах убийство стоит на втором месте после ширка, т. е. многобожия⁴. Тем не менее Пророк относит убийство к самым страшным из всех преступных грехов, которые человек может совершить. Например, в аяте 93 Суры 4 «Женщины» Аллах устанавливает самое строгое наказание за умышленное убийство, однако ничего не говорит о прощении за данное преступление. Парадокс: Всевышний Аллах провозглашает, что все грехи (преступления), кроме многобожия, могут быть прощены. В то же время в этом аяте однозначно говорится о возмездии, в связи с чем возникает вопрос: если Аллах может простить все грехи (преступления), то относится ли это также к убийству?

Некоторые утверждают, что кроме многобожия, по исламу, все грехи могут быть прощены Аллахом. Ибн Омар говорил, что

¹ *Насан*, Тахримуд-Даш, 2/3984. — См. также: Тирмизи, Дийат, 7/1398; Ибн Маджа, Дийат, I. 250 хадисов с комментариями. О нормах жизни мусульманина. Мурат Кая. М., 2009. С. 342.

² См.: 250 хадисов... Бухари, Дийат, I; Муслим, Касама, 28.

³ См.: 250 хадисов... Бухари, Шахадат, 10.

⁴ См.: 250 хадисов... Бухари, Дийат, 2; Насаи, Тахримиль-Даш, 3/4007.

убийство не по праву — это самая опасная и гиблая пропасть, из которой невозможно выбраться. Убийство, разрушая человека и физически, и морально, делает его несчастным в обоих мирах. Наказание в будущей жизни за убийство также велико. Наказанием же за убийство в этом мире, в этой жизни является смертная казнь. Но если душа дарована нам Аллахом — это залог (аманет), следовательно, ни у кого нет права отнимать ее. Душу человека дарует Аллах, и Он же забирает ее. Значит ли это отрицание Аллахом смертной казни как наказания? Но ведь это противоречит Корану: «Если же кто-либо убьет верующего преднамеренно, то возмездием ему будет Геенна, в которой он пробудет вечно...» (Сура 4, аят 93).

Следовательно, речь идет о двойном наказании: в настоящей жизни и в будущей. В обоих случаях — смерть, но исполнение разное.

Человек не вправе отнимать не только жизнь другого, но и свою собственную. Следовательно, самоубийство также считается великим грехом. Такова простая философия ислама. Посланник Аллаха сказал: «Кто убьет себя, сбросившись с горы, в Аду будет сбрасываться так вечно. Кто убьет себя, выпив яд, возьмет этот яд в руки и в пламени Ада будет вечно пить его. Кто убьет себя холодным оружием, возьмет в руки это оружие и в пламени Ада будет вечно вонзать его в живот»¹. Обращают на себя внимание разные формы объективной стороны самоубийства и формы наказания после смерти в Аду, т. е. в какой форме человек совершит самоубийство, так же и будет наказан в Судный день.

Прелюбодеяние. Верить в Аллаха и одновременно проявлять непокорность его повелениям невозможно. Об этом так

¹ Бухари, Тыбб, 56; Муслим, Имам, 175; Тирмизи, Тыбб, 7/2044–2045; Насаи, Джанаиз, 68; Абу Дауд, Тыбб, 11/3872.

См. также: Джанаиз, 84; Адаб, Бухари, 44, 73; Айман, 7; Муслим, Иман, 176, 177.

говорится в Священном хадисе: «В момент, когда человек совершает прелюбодеяние, он не является верующим (мўмин). В момент, когда человек пьет спиртное, он не является верующим. В момент, когда человек ворует, он не является верующим»¹.

«Не приближайтесь к прелюбодеянию, ибо оно является мерзостью и скверным путем» (Сура 17, аят 32).

Прелюбодеяние, как мы знаем, с давних времен, еще до ислама было проступком, который человеческий разум и все нравственные и правовые системы, и все предыдущие божественные начала религии считали в высшей степени отвратительным и мерзостным. В исламе прелюбодеяние считается великим грехом. Об этом открыто и ясно говорится во многих аятах Корана и хадисах Пророка Мухаммада: «Скажи верующим мужчинам, чтобы они опускали свои взоры и оберегали свои половые органы. Так будет чище для них. Воистину, Аллаху ведомо о том, что они творят» (Сура 24, аят 30); «Скажи верующим женщинам, чтобы они опускали свои взоры и оберегали свои половые органы. Пусть они не выставляют напоказ своих прикрас за исключением тех, которые видны, и пусть прикрывают своими покрывалами вырез на груди...» (Сура 24, аят 31).

Посланник Аллаха о прелюбодеянии: «Глаза совершают прелюбодеяния (смотря на запретное). Если женщина, надушившись благовониями, проходит мимо группы людей (мужчин), считается, что она совершила прелюбодеяние»².

Глаза — это окна, открывающиеся в сердце. В хадисе так говорится о достоинстве глаз, которые остерегаются запретного (харам): «Есть три человека, их глаза не увидят Ада: те глаза,

¹ Бухари, Мазалим, 30; Тирмизи, Иман, 11/2625; Насаи, Ашраба, 42/5657.

² Тирмизи, Адаб, 35/2786; Абу Дауд, Тараджуль, 7/4173; Хасан, Зиннат, 35.

которые стояли на страже на пути Аллаха; те глаза, которые плакали от страха перед Аллахом, и те глаза, которые избегали запрещенного Аллахом»¹. Посланник Аллаха так говорит о том, насколько ненужные взгляды вредят сердцу: «Взгляд, брошенный на запретное, — стрела из отравленных стрел иблиса. Кто оставит это по причине страха перед Аллахом, Всевышний дарует ему веру (иман), вкус которой он сможет почувствовать в своем сердце»². По словам Посланника Аллаха, «когда мужчина остается наедине с посторонней женщиной, третьим будет шайтан»³.

Но как быть, если женщина хочет что-то попросить или что-то рассказать мужчине, который не является для нее мехрамом (т. е. если он не женат на ней или не является близким родственником)? Ислам считает, что они должны общаться через занавес или через дверь.

Сохранение чести и порядочности — одна из самых важных обязанностей мусульманских мужчин и женщин. «Воистину, преуспели верующие... которые оберегают свои половые органы от всех...» (Сура 23, аят 5).

Хотя Коран и отводит прелюбодеянию довольно много аятов, тем не менее население, которое только что рассталось со старыми традициями и обычаями, сталкивалось с вопросами относительно запрета на прелюбодеяние: почему нельзя прелюбодействовать, чем прелюбодеяние вредно для человека, почему женщине нельзя торговать своим телом, какими признаками характеризуется прелюбодеяние, каким образом надо противостоять прелюбодеянию?

Пророк Мухаммад сказал: «О люди! Бойтесь прелюбодеяния, ведь оно (наряду с другим скверным и вредоносным)

¹ Хайсами, V, 288.

² Хахим, IV, 349/7875; Хайсами, VIII, 63.

³ Тирмизи, Рада, 16/1171; Фитаи, 7/2165; Ахмад, I. 18, 26.

имеет шесть характерных особенностей (последствий) — три в мирской обители и три в вечной: лишает человека великолепия (красоты, чистоты и человеческой природы), порождает нищету и сокращает жизнь (количество счастливых, благополучных часов и дней), вызывает гнев Всевышнего, сделает крайне невыносимым отчет в Судный день и приведет к мучениям в Аду»¹.

Ислам полагает, что прелюбодеяние считается большим грехом, ибо Аллах не хочет, чтобы люди, которых Он сотворил, совершали мерзость и распространяли нечистоты. Аиша передает, что Посланник Аллаха сказал: «О община Мухаммада! Нет никого, кто бы более Аллаха ревновал, когда Его рабы — мужчины или женщины, совершают прелюбодеяние. О община Мухаммада! Если бы вы знали то, что знаю я, вы бы мало смеялись и много плакали»². Посланник Аллаха предупреждает людей также о последствиях распространения прелюбодеяния: «Когда в каком-то народе распространяются прелюбодеяние и разврат и люди начинают открыто совершать эти грехи, то обязательно среди них распространяются чума и другие болезни, которых не было у народов, живущих до них»³. Здесь речь идет о физическом вреде — риске заразиться болезнями, передающимися половым путем. Следует особо подчеркнуть, что Аллах сделал запретным прелюбодеяние, так же как алкоголизм и наркоманию, не сразу, а постепенно. Аиша передает, что, «если бы сначала был ниспослан приказ: “Не совершайте прелюбодеяние!”, люди бы также сказали: “Мы не оставим прелюбодеяние!”»⁴. Надо сказать, что условия соблюдения

¹ Загляль М. Мовсу’а атраф аль-хадис ан-набави аш-шариф. Т. 11. С. 244.

² Бухари, Никах, 107. — См.: 250 хадисов с комментариями. СПб., С. 385.

³ Ибн Маджа, Фитен, 22; Хахим, IV, 583/8623.

⁴ Бухари, Фадаилуль — Куран, 6.

этих требований слишком суровые, а порой и непонятные. Например, возникает вопрос: считается ли взгляд мужчины на женщину или женщины на мужчину прелюбодеянием? Если исходить из хадисов Пророка, ответ должен быть положительным, ибо взгляд назван «прелюбодеянием глаз». А это уже грех. Когда глаза смотрят на нежелательное, это отрицательно воздействует на разум и занимает его грехами, а также становится причиной загрязнения сердца и разрушения духовности. Пророк Мухаммад сказал: «...берегите свою плоть (не вступайте в интимные отношения с кем-либо, кроме законной жены (мужа)); опускайте взоры (не высматривайте красоту противоположного пола, тем более, когда присутствует оголение тех частей тела, которые должны быть прикрыты...)»¹. Если, по исламу, взгляд назван «прелюбодеянием глаз», то таким же образом слушать — «прелюбодеяние ушей», разговаривать — «прелюбодеяние ног», желать — «прелюбодеяние сердца и нафса»².

Но ведь человек может посмотреть на женщину без всякого плохого умысла, не намеренно. Когда у Пророка спросили, какое определение имеет неопределенный взгляд, Он ответил: «Отведи тут же взгляд в другую сторону»³. Абу Омама передает, что Посланник Аллаха сказал: «Если взгляд какого-то человека упадет на одну женщину и он тут же отведет взгляд, Аллах пожелает ему вознаграждение (сабаб) как за ибаду, вкус которого он почувствует в своем сердце»⁴. Бурейда передает, что Посланник Аллаха сказал досточтимому Али: «О Али, если ты

¹ Хадис от *Убады ибн ас-Сомита*; св. х. Ахмада, ибн Хаббана, аль-Хакима и др. (см., напр.: ас-Суюты Дж. Аль-джами ас — сатир. С. 71. Хадис № 095, «сахих»).

² *Бухари*, Исти'зан 12, Кадар 9; Муслим Кадар 20–21. — См. также: Абу Дауд, Никах, 43 (Тараджуль, 7/4173; Насан, Зиннат, 35).

³ *Муслим*, Адаб, 45; Абу Дауд, Никах, 43; Тирмизи, Адаб, 28.

⁴ *Ахмад*, V, 264; Хайсами, VIII, 63.

случайно посмотрел на запретное (харам), не смотри во второй раз! Ибо первый взгляд для тебя (прощен), второй же — против тебя (грех)»¹. «Посланник Аллаха сказал: “Глаза совершают прелюбодеяние (смотря на запретное)”». Иисус, кстати, в вопросе о браке оказался жестче Моисея: «Вы слышали, что сказано древними: не прелюбодействуй. А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5:27, 28; Мф. 5:31, 32). Прелюбодеянием считается также, если мужчина остается в уединенном месте один на один с женщиной, которая не является ему женой или родственницей (близкой). Коран предусматривает различные наказания за прелюбодеяние: «Прелюбодейку и прелюбодея — каждого из них высеките сто раз...» (Сура 24, аят 2). Коран призывает людей избегать любых ситуаций, которые могут ввергнуть в искушение. Надо отметить, что Коран внес коррективы в части определения меры наказания в прелюбодеянии или за незаконное сожителство. До этого послания Аллаха в соответствии с Сунной Светлейшего Пророка Мухаммада за такие деяния полагалось наказание в виде смертной казни путем побивания камнями, аналогичное Закону Моисея (Библия. Лев., гл. 2, ст. 10) и Евангелию от Иоанна (гл. 8, ст. 5).

Пророк Иисус Христос предпринял попытку отменить смертную казнь за прелюбодеяние, однако она не увенчалась успехом, не приобрела силу закона и осталась лишь частной инициативой И. Христа. Следует подчеркнуть, что исламское вероучение, основанное на Священном Коране, никогда не предписывало в качестве наказания побивание камнями за супружескую измену.

Сунна Пророка Мухаммада в отношении побивания камнями имела силу закона до ниспослания Аллахом указанных аятов

¹ *Абу Дауд*. Никах, 42–43/2149; Тирмизи, Адаб, 28/2777; Хайсами, VIII, 63.

(Сура 24, аят 2). Пророк принимал решение в отсутствие Господних заветов на основании Закона Моисея. Вместе с тем отмена смертной казни за прелюбодеяние воспринята не всеми современными исламскими странами, хотя в соответствии с аятом 1 Суры 24 знамения данной суры возведены в Закон Аллаха и поэтому обязательны к исполнению всеми: «Вот Сура, которую мы ниспослали и сделали законом. Мы ниспослали в ней ясные знамения, чтобы вы могли помянуть назидания» (Сура 24, аят 1). Помимо телесного наказания за прелюбодеяния Кораном предусмотрены и другие меры карательного характера. В частности, на основании аята 12 Суры 60 Посланник Аллаха брал с людей клятву, что они не будут приближаться к прелюбодеянию и всему, что ведет к нему, что они будут хранить целомудрие: «О Пророк! Если к тебе придут верующие женщины, чтобы присягнуть в том, что они не будут прелюбодействовать... то прими у них присягу и попроси у Аллаха прощение для них...». Верующей женщине, принявшей эти условия, Посланник Аллаха говорил: «Все, я взял с тебя присягу». Посланник Аллаха, чтобы предотвратить прелюбодеяние, запретил зарабатывать деньги на проституции и прелюбодеянии¹.

Таким образом, торговля самым ценным, что есть у человека, — целомудрием и честью, была объявлена запретной (харам). Согласно исламскому вероучению, прелюбодеяния так отвратительны и ненавистны Аллаху, что Он на время их засилия предначертал начало Судного дня.

В Коране прописаны также ответственность и наказание за лесбиянство и мужеложство: «Против тех из ваших женщин, которые совершат мерзкий поступок (прелюбодеяние)... держите их в домах, пока смерть не покончит с ними или пока Аллах не установит для них иной путь» (Сура 4, аят 15); и далее:

¹ *Бухари Буйу*, 25, 113; *Иджара* 20; *Таяк*, 51; *Тыбб*, 46; *Либас*, 86, 96; *Мулим*, *Мусахат*, 40.

«Если двое из вас совершат такой поступок (прелюбодеяние), то подвергните обоих наказанию...» (Сура 4, аят 16). В этих аятах речь идет о «содомском грехе» — порочной связи двух женщин, равно как и о половой связи двух мужчин. Надо сказать, что для людей, уличенных в прелюбодействе, Коран предусматривает также наказание в гражданско-брачном плане: «Прелюбодей женится только на прелюбодейке или многобожнице, а на прелюбодейке женится только прелюбодей или многобожник. Верующим же это запрещено» (Сура 24, аят 3). Это наказание можно считать дополнительным к основному — телесному. Устанавливая строгие запреты и наказания за их нарушения, Коран и Сунна в то же время предусматривают ответственность за бездоказательное обвинение кого-либо в прелюбодеянии, мужеложстве и других преступлениях — 80 плетей по платью, а не по обнаженному телу. За совершение прелюбодеяния Всевышний установил в Коране строгое наказание не только в земной жизни, но и в загробной, сообщив, что подвергнет грешников мучительному наказанию. Посланник Аллаха извещает людей о том, что Всевышний страдает, когда Его рабы совершают прелюбодеяние, говорит: если бы вы знали «скрытый смысл и причины запретов Аллаха, знали бы, какое наказание ожидает вас, если вы не внемлете этим запретам, знали бы об ужасах Судного дня»¹.

Коран предусматривает двойное наказание в отношении жен Святейшего Мухаммада, если они совершат любую мерзость: «О жены Пророка! Если кто из вас совершит явную мерзость, то ее мучения будут удвоены. Это для Аллаха легко» (Сура 33, аят 30).

За прелюбодеяние полагаются следующие уголовные наказания: джельд, т. е. 100 ударов плетью; кетль — смертная казнь полагается и за растление с насилием женщины; за соединение

¹ 250 хадисов с комментариями. С. 388.

с мертвым телом — 25 плетей; за скотоложство — 25 плетей. Помимо этого, предусмотрено наказание в гражданско-брачном отношении, а также наказание в загробной жизни.

Употребление одурманивающих веществ и алкоголя. Когда Посланнику Аллаха в ночь Перенесения принесли два кубка — один с вином, другой — с молоком, Посланник Аллаха, посмотрев на них, выбрал кубок с молоком. На это Джабраил сказал: «Хвала Аллаху, который направил тебя к тому, что соответствует природе человека. Если бы ты взял кубок с вином, твоя община впала бы в заблуждение»¹. Пророк Мухаммад ответил: «Беру в свидетели Бога и свидетельство пред Ним! По истине, ангел Джабраил (Гавриил) сказал мне: “О Мухаммад! Пристрастившись к спиртному, т. е. употребляющий спиртное, впавший в зависимость от него, подобен тому, кто поклоняется идолу”»². После этого Пророк Мухаммад сказал: «Сторонитесь одурманивающего спиртного, наркотиков и т. д.! Нет сомнений в том, что оно — ключ всех зол»³.

Аллах в Коране строг и непреклонен в отношении всего того, что дурманит и травит ум, а также пристрастия к азартным играм, влекущего за собой деградацию личности. Резко отрицательное отношение к употреблению спиртных напитков и наркотических веществ, как отмечают современные исследователи, объясняется тем, что такие действия посягают на интеллект, который представляет собой одну из защищаемых исламом ценностей и без которого немислима вера в Аллаха. Так как употребление спиртных напитков до ислама было широко распространено среди жителей Аравии, Всевышний Аллах

¹ Иман, 272; Ашраба, 92. — См.: 250 хадисов с комментариями. Мурат Кая: сб. М., 2009. С. 374.

² Хадис от имама Али (см., напр.: ас-Суюты Дж. Аль-джами, ас-сатир. С. 70; Хадис № 1074 «секих»).

³ Хадис от Ибн Аббаса; св. Х. Аль-Хакима и аль-Байхаки (см. также: ас-Суюты. Дж. Аль-джами ас-сатир. С. 17, хадис № 172 «секих»).

не запретил алкоголь сразу, ибо, в противном случае, если бы запрет был внезапным, большинство людей не восприняли бы Коран. Мать всех правоверных Аиша сказала: «Повеления о разрешенном (халал) и запрещенном (харам) начали ниспосылаться только после того, как люди полностью привыкли к Исламу. Если бы сначала был ниспослан приказ: “Не употребляйте спиртное!”, то люди бы сказали: “Мы ни в коем случае не оставим спиртное!” И, принимая во внимание эту особенность природы человека, запрет алкоголя вводился постепенно: сначала в Мекке был ниспослан аят: “Из плодов финиковых пальм и виноградников вы получаете опьяняющий напиток и добрый удел. Воистину, в этом знамение для людей размышляющих”» (Сура 16, аят 67). Как видим, Аллах в указанном аяте напоминает о том, что Он послал им плоды фиников и ягоды винограда, из которых люди могут получать не только пользу, но и напитки опьяняющего свойства. Более того, Всевышний ничего не разъяснил.

После хиджры в Медине Аллах ниспослал еще один аят относительно алкоголя: «Они спрашивают тебя об опьяняющих напитках и азартных играх. Скажи: “В них есть большой грех, но есть и польза для людей, хотя греха в них больше, чем пользы”» (Сура 2, аят 219). В чем же польза от алкоголя? Скорее всего, Коран имеет в виду то, что тогда алкоголь, точнее, напитки из хурмы и винограда, а также других фруктов крепостью 50 градусов использовались для лечения различных кишечных заболеваний. Но в чем грех от употребления такого напитка, если он используется в лечебных целях? Об этом и говорится в следующем аяте Корана: «О те, которые уверовали! Не приближайтесь к намазу, будучи пьяными, пока не станете понимать то, что произносите...» (Сура 4, аят 43). Появление данного аята связано с тем, что однажды один из сподвижников Пророка, совершая намаз в нетрезвом виде, прочитал аят из Корана, исказив его смысл.

В хадисах же Пророка имеется положение о том, что Аллаху пришлось дать окончательное разъяснение о спиртных напитках после того, как во время одного пьяного застолья вспыхнула ссора, вся мерзость алкоголя предстала в самом явном виде. Тогда Всевышний Аллах ниспослал такой аят: «Воистину, дьявол при помощи опьяняющих напитков и азартных игр хочет посеять между вами вражду и ненависть и отвратить вас от поминания Аллаха и намаза. Неужели вы не прекратите?» (Сура 5, аят 91) (см. Коран. Аль-Машда, 5/90–91/). После такого послания Аллаха необходимость молиться пять раз в день фактически не оставляла возможности для употребления алкоголя и наркотиков. Именно таким путем был изжит порок.

Пророк Мухаммад сказал: «Остерегайтесь всего, что пьянит (дурманит рассудок)»¹. Однажды у Пророка спросили: «О Посланник Аллаха! Пил ли ты спиртное до прихода Ислама?». Он ответил: «Нет! Даже когда я не знал, что такое книга (Коран и вера (Иман), я знал, что то, что творят невежественные люди (джихали), есть неверие (куфр)»². Абу Фарда передает: «Посланник Аллаха посоветовал мне: “Не пей спиртного, ибо оно является ключом всего дурного”»³.

Коран оставил открытыми некоторые вопросы: о каком количестве алкоголя идет речь, а если опьяняющее средство изготовлено не из фиников и винограда, о котором говорится в Коране, а из других фруктов?

Ибн Омар передает, что Посланник Аллаха сказал: «Поистине, Всевышний Аллах проклял алкоголь, того, кто пьет его, кто продает, кто покупает, кто изготавливает, кто переносит, и того, кому его приносят»⁴.

¹ См., напр.: ас-Суюты Дж. Аль-джами' ас-сагыр. С. 18, хадисы № 179, «сахих» и № 180, «сахих».

² Дийарбакри, I, 254–255; Али аль-Муттаки, № 35439.

³ Ибн Маджа, Ашриба, I.

⁴ Абу Дауд Ашриба, 2 /3674/.

Джабир передает, что житель Джаймана (город в Йемене) спросил у Пророка о напитке, который они пьют в своем городе. Этот напиток они изготавливают из злака *зарра* и называют его *мизр*. Посланник Аллаха спросил: «А он опьяняет?» Человек ответил — да. Тогда Посланник Аллаха сказал: «Все, что опьяняет, запретно. Аллах — велик. Он и славен — обещал, что каждого, кто пьет опьяняющие напитки, Он напоит “Танатиль-Хабалем”». Присутствующие спросили: «О Посланник Аллаха, что такое “Танатиль-Хабаль”?». Посланник ответил: «Это кровь и гной обитателей Ада»¹.

Коран запрещает употреблять и такие напитки. Касается ли это тех, кто изготавливает их, хранит или продает? Ответы на эти вопросы можно найти в хадисах Пророка Мухаммада. Джабир бин Абдуллах передает, что Посланник Аллаха выразился так: «Все, что опьяняет в большом количестве, запретно (харам) и в малом»².

Следовательно, запрет на спиртное не зависит от его количества — много его или мало. Если что-то вызывает опьянение в большем количестве, нельзя это употреблять и в малом. Ислам даже не рекомендует (запрещает) верующим находиться в компании пьющих: «Тот, кто верит в Аллаха и в Судный день, пусть, даже если сам не пьет, не садится за стол, за которым распивают спиртное!»³. Что касается наказания за эти деяния, то в Коране их нет. Однако Сунна фиксирует точную меру наказания. Согласно преданиям, Пророк требовал подвергать за нарушение этого постановления Аллаха телесному наказанию и даже применять смертную казнь, если данное преступление совершено в четвертый раз. Пророк лично наказывал за это деяние 40 ударами лишенной листьев пальмовой ветви. Абу-Бакр

¹ Муслим, Ашриба, 72; Абу Дауд, Ашриба, 5.

² Дауд, Ашриба, 5/3681; Тирмизи. Ашриба, 3/1865.

³ Передает Джабир (см.: Тирмизи, Адаб, 43/2801).

также применял 40 ударов. Омар, будучи халифом, установил 80 ударов. Исходя из того, что Кораном не определено точное наказание за данное нарушение, некоторые справедливо относят его к разряду тазир, за которое не установлена точная мера наказания. Кроме земного наказания, виновного ждет расплата и в будущей жизни: придется пить такие нечистоты, на которые человек даже не сможет смотреть, — пот, кровь и гной, стекающие с обожженных тел мучеников ада. Посланник Аллаха сказал: «Все, что опьяняет, есть алкоголь, все, что опьяняет запрещено (харам). Если кто при жизни будет пить вино, не прекратит это и умрет, не раскаявшись, то в ахирате ему не пить райского вина»¹. Что это за райское вино? Ислам считает, что между вином рая и вином этого мира существует лишь сходство в названии. Если вино, которое пьют люди в земной жизни, опьяняет человека, вводит его в разные грехи, вино рая не имеет свойства опьянять и ввергать человека в позор. Ислам даже в целях предостережения людей от совершения грехов предупреждает, что пьянство — мать всех непотребностей и всего бесстыдного, величайший из великих грехов! Кто выпьет, тот может совершить прелюбодеяние и со своей матерью, и со своей тетей².

Итак, если Аллах употребление спиртных напитков указал в Коране, а Пророк — в Сунне как грех, то это деяние следует относить к наиболее общественно опасным, хотя и нелогично ставить данное преступление в один ряд с разбоем или бунтом по степени опасности.

Грехом (преступлением), по Корану, считаются и такие деяния, как воровство, взятка, ложь, ростовщичество.

Воровство. «Вору и воровке отсекайте руки в воздаяние за то, что они совершили...» (Сура 5, аят 38). Эльман Гасанов

¹ *Муслим*, Ашраба, 73, 77. — Отдельно см.: *Бухари*, Ашраба; Абу Дауд, Ашраба, 5. 250 хадисов с комментариями. С. 371.

² *Хайсами*, V, 67.

считает, что в этом аяте первичное наказание предусмотрено только в виде отсечения ногтевых фаланг пальцев рук, отсутствие которых не лишает раскаявшегося преступника возможности творить благие деяния: совершать молитву, честно трудиться, сражаться на пути Аллаха и т. д., что в полной мере соответствует требованиям последующего аята 39 Суры 5. Словосочетание «отсекайте руки» можно понимать и в смысле «удержите», «изолируйте» вора путем его изоляции от общества. Если же данную фразу аята понимать буквально, в наказательном значении, то следует, что вору надо отсечь руку или руки. Однако это вовсе не означает, что за всякую кражу необходимо отсекал руку (например, за кражу куска хлеба), ибо такое наказание является тягчайшим.

Представляется, что данное наказание, по Корану, преследует цель не лишить вора или воровку руки, а в первую очередь, навести страх на других и предупредить потенциальных воров, т. е. эта мера является психологическим воздействием на остальных. Таким образом, оно направлено не на возмездие за содеянное, а на предупреждение. Пророк Мухаммад сказал: «Аллах (Бог, Господь) проклял вора, который лишается кисти (руки) за то, что украл яйцо или веревку»¹.

При халифе Омаре в халифате разразился голод, в результате чего резко увеличилось количество преступлений, связанных с воровством, кражами, за которые Кораном было предусмотрено самое суровое наказание, в том числе смертная казнь. Омар понимал, что применение таких наказаний за это деяние результатов не даст. Кроме того, халиф полагал, что причиной роста, распространения преступлений является голод и что за это должен отвечать перед Аллахом лично он как халиф. Следовательно, если людей наказывать, то в первую очередь Аллах

¹ См.: аль-Бухари М., Сахих аль-Бухари (Свод хадисов имама аль-Бухари); Рияд: аль-Афкар ад-девлийя, 1998. С. 1294, хадис № 6783.

должен наказывать за это именно его, халифа, ибо он отвечает за благополучие в стране. Исходя из этого, Омар принял решение вообще не наказывать за подобные преступления на период голода, хотя это и противоречило Корану.

Пророк Мухаммад сказал: «Если человек берет в долг с решимостью не возвращать его (намерение таково), тогда (если так и не вернет, в Судный день) предстанет перед Богом вором...»¹; «Если тот, кому мы поручили какое-либо дело и определили жалование, возьмет что-то сверх этого, то (данное действие) будет незаконным присвоением имущества»². На современном языке — хищение.

Взятка. Пророк Мухаммад проклял того, кто дает взятку, и того, кто ее берет. Является ли преступлением дача взятки в случае, когда человек оказался в ущемленном положении и вынужден защитить себя от несправедливости или же восстановить утраченное право? Мнения ученых ислама расходятся, ибо конкретно ни в Коране, ни в хадисах четких разъяснений по этому вопросу нет. Есть богословское правило: «Все, что запрещено брать, запрещено и давать, кроме некоторых случаев, из них — взятка для защиты своих прав»³.

Ложь. Коран: «Не следуй тому, в чем ты не сведущ, ибо слух, зрение и сердце будут призваны к ответу» (аль-Исра, 17/36). Посланник Аллаха сказал: «Когда раб Аллаха лжет, на его сердце возникает черная точка. Потом этих точек становится больше, и все сердце делается черным. В конце концов такой человек перед Аллахом записывается как лжец»⁴; «Ложь приводит

¹ Ибн Маджа М., Сунан (Свод хадисов). Рияд: аль Афкер ад-давлиия, 1999. С. 260, хадис № 2410 «хасан сахих».

² См.: Абу Дауд С. Сунан Аби Дауд (Свод хадисов имама Абу Дауда). Рияд: аль-Афкер ад-давлиия, 1999. С. 333, хадис № 2943, «сахих».

³ Ас-Суюты Дж. Ашбах ва назаир. Бейрут: аль-Кутуб аль-ильмия, 1990. С. 150.

⁴ Мувамма, Калем, 18.

человека к греху, а грех ведет в Ад. Если человек все время лжет, перед Аллахом он будет записан как лжец»¹.

Философия ислама такова: ложь — это духовная болезнь, губящая душу. В Судный день ложь предстанет самым тяжелым свидетельством против человека. Те, кто при самом малом затруднении прибегают ко лжи, в вечной жизни окажутся в еще более тяжелых и стесненных обстоятельствах. Человек, говоря неправду, вредит не другим, а себе. Вся его ложь и заблуждения направлены против него самого.

Ростовщичество. Коран (ар-Рум, 30/39/; ан-Ниса, 4 /160–161/; Али-Имран, 3 /130 — 132/; аль-Бакара, 2 /175).

Считается, что один из самых последних аятов, ниспосланных нашему Пророку, — это аяты о ростовщичестве. Отвратительным грехом, от которого следует отстраняться, является ростовщичество. Именно это деяние, по Корану, подвело иудеев под гнев Аллаха (см. ал-Ниса, 4 /160–161/). Насколько великим грехом Аллах считает ростовщичество, можно заметить по угрозе в этих аятах. Тех, кто живет ростовщичеством, ждет тяжкое наказание, уготовленное в могиле и в будущей жизни.

Пророк в своих хадисах о вредности и большой греховности ростовщичества, говорит, что оно хуже семидесяти грехов. «Самый малый из них подобен женитьбе на своей матери»². Пророк в одном из своих хадисов так говорит о наказании тех, кто живет за счет ростовщичества: «В ночь Вознесения (Мирадж) я встретил группу людей; их животы были размером с дом. Их животы были полны змей, и эти змеи выглядывали наружу. Я спросил: “О Джабраил, кто это?” Он ответил: “Это те, кто жил ростовщичеством”»³.

¹ Бухари, Адаб, 69; Муслим, Бирр, 103–105.

² Ибн Маджа, Тиджарет, 58; Хахим, II, 43/2259; Байхаки, Шуаб, IV, 392–395.

³ Ибн Маджа, Тиджарет, 58.

Таким образом, по исламу, все нарушения делятся на три группы. Первая группа называется «худуд» — буквально «предел», «границы» и включает затрагивающие права Аллаха преступления, которые наказываются санкциями, в точной форме предусмотренными Кораном или Сунной Пророка. Вторая — «кисас» — буквально «возмездие», «расплата», «отмщение», и «дия» — кровный выкуп. Это те преступления, за которые так же, как и за «худуд», установлены наказания в шариате. Однако в отличие от «худуд» речь здесь идет о преступлениях, посягающих на права людей. Третья группа — «тазир» — буквально «взыскание», «назидание», «исправление», куда входят все остальные противоправные деяния, которые могут ущемлять как права Аллаха, так и права отдельных лиц. За нарушение этих прав шариат, т. е. Коран и Сунна Пророка, не предусматривают определенной санкции.

А. Деяния, входящие в категорию «худуд»: кража (см. 5:38), разбой (см. 5:33–34), грабеж, употребление алкоголя, бунт, вероотступничество (выход из ислама), внебрачная половая связь, недоказанное обвинение во вступлении в такую связь. Коран не предусматривает определенного наказания за вероотступничество. Однако Пророк говорил: «Если кто-нибудь изменил свою религию, то убейте его». Следовательно, за это преступление в шариате полагается смертная казнь.

Б. «Кисас» — убийство и причинение телесных повреждений. Наказание по принципу талиона (Коран. 2:194; 4:45). Аллах отсылает к установлениям Торы (4:45). За умышленное убийство — смертная казнь (Коран. 2:178). Пророк говорил: «За умышленное убийство — возмездие». Существует, однако, кровный выкуп (Коран. 2:178; 4:92; 42:40).

В. «Тазир». Особенность — отсутствие и в Коране, и в Сунне, и даже в единогласном мнении правоведов ответственности и наказания. Применяется в качестве дополнительной санкции за преступления «кисас». Теоретически определение характера

санкций «тазир» и их выбор относится к области «иджитихада» — решение вопросов, не урегулированных Кораном или Сунной, с помощью рациональных источников фикха — права и с учетом практики первых исламских правителей — праведных халифов. Так, например, саудовские суды пользуются правом на идж-ихад, т. е. правом на выбор из предложенных фикхом решений наиболее приемлемого для конкретного случая.

4. Наказание. Ислам как мировая религия также связывает наказание с идеей возмездия (воздаяния). Обратимся к Корану, который предупреждает людей не преступать законов, ибо Аллах не любит преступающих границы (Сура 5 «Трапеза», аят 87). Это важнейший и основополагающий принцип, на котором построены институты преступления и наказания. Всевышний предупреждает о том, что надо соблюдать законы, Им установленные, ибо Он не любит людей, которые не подчиняются Его воле. Из этого послания Аллаха, точнее предупреждения, также можно уяснить, что нарушивших законы ожидает возмездие (воздаяние). Далее Коран конкретизирует и разъясняет людям этот принцип: «Воздержитесь от греха и явного и скрытого. Воистину, те, которые совершают грех, будут наказаны за свои деяния» (Сура 6 «Скот», аят 120). В данном случае Коран представляет «грех» в широком смысле, куда входят также различные деяния преступного характера. Сущность наказания, по Корану, это не только возмездие, но и вразумление, несущее в себе доброту, сострадание и излечение, это создание условий, предупреждающих совершение нового преступления. «Кто явится с добрым деянием, тот получит десятикратное воздаяние. А кто явится со злым деянием, тот получит только соответствующее воздаяние, и с ними не поступят несправедливо» (Сура 6 «Скот», аят 160).

Возмездие как сущность наказания, по Корану, характеризуется следующими особенностями.

Во-первых, возмездие должно быть справедливым, т. е. равноценным. «И воздаянием зла — зло, подобное ему» (Сура 42 «Совет», аят 38). Аят 45 Суры 5 уже конкретизирует принцип возмездия: «Мы предписали им в нем: душа — за душу, око — за око, нос — за нос, ухо — за ухо, зуб — за зуб, а за раны — возмездие».

Во-вторых, Всевышний в Коране разъяснил великую пользу, которую приносит людям предписание вершить возмездие. Оно спасает жизнь многим людям и удерживает от совершения преступлений: «Возмездие спасает вам жизнь, о обладатели разума! Быть может, вы будете богобоязненны» (Сура 2 «Скот», аят 179).

В-третьих, Коран поощряет и одобряет поступок тех, кто может простить и уладить, а также установить мир, т. е. Аллах не хочет возмездия, наоборот, Он за мирное решение конфликта, если это возможно. «И воздаянием зла — зло, подобное ему. Но кто простит и уладит, — награда его у Аллаха. Он ведь не любит несправедливых!» (Сура 42 «Совет», аят 38).

В-четвертых, Коран, так же как и другие Священные Писания, предупреждает людей о возмездии (воздаянии) не только в этой жизни, но и в загробной.

Коран дает очень четкий ответ на вопрос, который волнует всех во все времена: что бывает с теми, кто не получает должного воздаяния в земной жизни как за добро, так и за зло?

Земная жизнь скоротечна, и в загробной жизни нас будут судить по тому, как мы преодолевали испытания, встречавшиеся на нашем пути. Тех, кто не согласен, что любое наказание в загробной жизни заслужено, Коран спрашивает: «Должно ли с теми, кто насильствовал, убивал, мошенничал и мучил других, обращаться так же, как с теми, кто ухаживал за больными, заботился о вдовах и сиротах, расходовал из своего богатства, чтобы помочь бедным, и изо всех сил старался следовать наставлениям Господа?»

Описания адских мук, которые мы находим в Коране, столь ужасны и убедительны, что служат для верующих мощным мотивирующим фактором: «Воистину, те, кто воюет против Аллаха и Его Посланника и творит на земле нечестие, будут в воздаяние убиты, или распяты, или у них будут отрублены накрест руки и ноги, или они будут изгнаны из страны. И все (эти наказания) для них — великий позор в этом мире, а в будущей жизни (ждет) их великое наказание» (Сура 5 «Трапеза», аят 33).

Что это за «великое наказание», «мучительное наказание», которые очень часто встречаются в Коране? «Будут обитателями ада, и будут они пребывать в нем во веки веков» (Сура 7 «Преграды», аят 36).

Кстати, то же самое можно встретить в Евангелии: «Те, что вершили зло и погрязли в грехах, — обитатели ада на вечные времена» (Мк. 11:24–26).

«Пристанище вам — огонь, и вечно вы в нем пребудете, если только Аллах не пожелает иначе» (Сура 6 «Скот», аят 128). Еще более страшное наказание предусмотрено в аяте 4 Суры 10-й «Йунус»: «Тем же, которые не уверовали, уготованы питье кипящее и мучительное наказание за то, что они не веровали».

Аллах предусматривает в Коране и такое наказание, как «геенна», в качестве воздаяния в загробной жизни.

5. Система наказаний в исламе. Мусульманское уголовное право предоставляет законодателю полную свободу в выборе меры наказания за любое преступление, исключая лишь несколько видов, в отношении которых Кораном предусмотрены неизменные меры наказания. Разрабатывая теорию преступления и наказания за него, мусульманские юристы исходили прежде всего из того, что все деяния (поступки) и даже мысли людей предопределены волей Аллаха. А это означает, что любое преступление следует рассматривать как непослушание воле Всевышнего и как наказуемое нарушение мусульманских запретов, за что следует соответствующая «земная» санкция.

Одновременно преступление выступает и как религиозный грех, влекущий уже потустороннюю загробную кару. Существует достаточно много классификаций правонарушений, анализ которых помогает понять специфику мусульманского уголовного права. В основу их, как правило, кладутся степень определенности наказания за то или иное преступление и характер общественной опасности деяния. Распространение получила классификация, согласно которой все преступления делятся на следующие группы:

а) преступления, представляющие наибольшую общественную опасность, посягающие на «права Аллаха», т. е. те деяния, которые напрямую нарушают божественные установления, закрепленные в Коране, и наказываются точно определенной санкцией (наказанием), названной в Коране (Худд);

б) преступления, которые также влекут фиксированное наказание (кисас, хавад, или дийа), но нарушают права отдельных лиц, т. е. направлены против прав отдельных членов общины;

в) преступления, за которые установлены нежесткие наказания (тазир), затрагивающие как «права Аллаха» (нарушение всех религиозных обязанностей — не совершать намаз), так и частные интересы¹.

Что касается конкретных наказаний, то шариат определил ряд преступных деяний, упоминаемых в Коране, как грехи против Бога с установлением обязательных (нормированных) наказаний в виде простой и квалифицированной смертной казни, членовредительских наказаний возмездия и выры (плата за вред). Эти нормированные наказания упоминаются в уголовном законодательстве и применяются в таких государствах, как Иран, Катар, Пакистан, Саудовская Аравия, Судан, Йемен.

Согласно основным источникам шариата (Коран, Сунна), смертная казнь предусматривается только за преступления

¹ См.: Ахмад Фатхи Бахнаси. Аль-Джарайм фи-л Ислам. Каир. 1962. С. 391.

против жизни (умышленное убийство), а также за преступления против воли Аллаха (вероотступничество, прелюбодеяние, разбой, сопровождаемый убийством). Саудовская Аравия является тем мусульманским государством, в котором нормы, касающиеся смертной казни, наиболее суровы. В 1977 г. после военного переворота в Пакистане начался активный процесс радикальной «исламизации», который затронул институт наказания. В 1979 г. был принят Ордонанс, согласно которому устанавливалось наказание смертной казнью через побивание камнями за прелюбодеяние для женатых мусульман. Последующие шаги в «исламизации» уголовного законодательства Пакистана привели к тому, что в 1980 г. было установлено наказание в виде смертной казни за богохульство и оскорбление Пророка Мухаммада. Степень жесткости уголовного законодательства в мусульманских странах характеризуют и методы исполнения смертной казни. Например, в Саудовской Аравии: «Для мужчин — это традиционное отсечение головы; для женщин — либо расстрел, либо отсечение головы (зачастую публичное), а супружеская неверность влечет смертную казнь в виде забивания камнями». Согласно УК Марокко (ст. 14) и УК Бахрейна (ст. 51) смертная казнь приводится в исполнение путем расстрела в тюремном помещении. Несмотря на это, в уголовном праве мусульманских стран все же намечается пусть и вялотекущая, но тенденция к либерализации наказания в виде смертной казни. Этот процесс осуществляется путем определенной системы гарантий для лиц, осужденных к смертной казни, таких, например, как право на справедливое судебное разбирательство; право на апелляцию и пересмотр решения вышестоящим судом; право на прошение о смягчении наказания и помиловании; отсутствие обратного действия закона.

Следует подчеркнуть, что арабские ученые до сих пор решают вопрос о правомерности применения смертной казни и приходят к разным выводам. Так, например, Мухаммед

аль-Фадель считает, что поскольку применение смертной казни не повлияло на снижение уровня преступности и в случае судебной ошибки (если она имеет место) невозможно ее исправить, то смертную казнь следует отменить¹. Другие арабские ученые полагают, что смертную казнь следует применять только за преступления против жизни. Однако ее нельзя применять за политические преступления: исключение составляет измена родине². Еще одна группа ученых считает, что в арабском обществе еще слишком рано отменять смертную казнь, и отвергает все доводы по вопросу о судебной ошибке, которая может произойти и при других видах наказания, как недостаточный аргумент для отмены смертной казни³.

Мусульманскими государствами под давлением мирового сообщества предпринимались попытки ограничить применение смертной казни как наказания за общеуголовные преступления (или категорию «тазир»). В Арабской хартии прав человека (Каир, 1994) была предпринята попытка ограничить применение смертной казни. В этом документе подчеркивалось, что смертная казнь может назначаться лишь за самые серьезные преступления; при этом смертная казнь не может назначаться за политические преступления, а также тем, кто совершил преступление в возрасте до 18 лет, беременным женщинам и в течение двух лет «женщинам, имеющим зависящих от них детей». Тем не менее именно позиция мусульман не позволила принять резолюцию об отмене смертной казни на Конгрессе ООН «По предупреждению преступности и обращению с несовершеннолетними» в Гаване в 1990 г.

¹ Мухаммед аль-Фадель. Общие принципы уголовного права. С. 392.

² Абдель Вохаб Хамад. Уголовное право Кувейта. Общая часть. Кувейт, 1983. С. 164.

³ Джунди Абдель Малек. Уголовно-правовая энциклопедия. Бейрут, б/г. Т. 5. С. 45.

Четвертование как наказание (худуд)¹, которое назначается разбойнику, если он завладел имуществом потерпевшего, но не убил его, выражается в отсечении у осужденного правой руки и левой ноги накрест. Мусульманские ученые не имеют единой позиции относительно применения наказания в виде четвертования.

Отсечением руки согласно шариату за кражу при отягчающих обстоятельствах (неоднократно или при рецидиве) называется виновный исходя из положения Корана: «Вору и воровке отсекайте их руки в воздаяние за то, что они совершили. Таково наказание от Аллаха, ведь Аллах — Могущественный, Мудрый» (Сура 5, аят 38).

Бичевание (удары плетью) — наказание, применяемое к простому субъекту (бикр), совершившему прелюбодеяние, к мусульманину, обвинившему мусульманина в прелюбодеянии или отрицающему в отношении него отцовство, за употребление мусульманином спиртных напитков. Количество ударов определяется точно за первые два деяния: за прелюбодеяние — 100 ударов, за лжесвидетельство — 80 ударов, в то время как количество ударов за употребление спиртных напитков вызывает споры у мусульманских юристов. Коран не предусматривает конкретное наказание за употребление спиртных напитков. Оно только запрещается, а наказание за это нарушение и количество ударов плетью предусмотрены Сунной. Посланник Аллаха и Абу Бакр определили 40 ударов, а Омар бин аль-Хаттаб — 80.

Членовредительские наказания за совершение преступных деяний категории «кисас»². Шариат подразделяет телесные повреждения как наказание в зависимости от причиненного вреда:

¹ Худуд — букв. «границы», «пределы»; включает преступление, затрагивающее права Аллаха.

² Кисас — букв. «возмездие», «расплата», «отмщение».

1) телесные повреждения в области головы и лица (шид-жадж) — причинение ссадин, царапин, физическое повреждение кожного покрова;

2) телесные повреждения, повлекшие утрату какого-либо органа — руки, ноги, уха, языка, глаза, зуба;

3) телесные повреждения, повлекшие потерю органом его функций, — потеря зрения, слуха, репродуктивной способности, возникновение психического заболевания;

4) проникающие и непроникающие ранения в область тела (джирах).

Кроме того, мусульманское уголовное право знает понятие имущественного нормированного (обязательного) наказания. К нему относятся следующие виды.

Дийа — компенсация (вира) за убийство или телесное повреждение, предоставляемая потерпевшему или его законному представителю либо лицу, обладающему правом на возмездие (кисас). Дийа, будучи пережитком родоплеменных отношений арабских племен, действует в государствах, где нормы шариата являются не только источниками права, но и социальными нормами (Иран, Саудовская Аравия, Судан). В большинстве государств с преимущественным мусульманским населением, имеющих светское законодательство (Египет, Алжир, Марокко, Сирия, Иордания и т. д.), некая аналогия дийи существует в гражданском праве и касается вопросов компенсации причиненного ущерба в результате работ, оказания услуг и т. д.

Лишение свободы как вид наказания известен мусульманскому уголовному праву давно. Однако, по мнению ряда арабских юристов, данное наказание исторически не характерно для стран, исповедующих ислам, так как в тюрьмах до XIX–XX вв. содержались только подозреваемые и обвиняемые, а вместо лишения свободы применялось изгнание из общины. Данную точку зрения поддерживает Набилль Абдельрахман Аль-Ассуми. В современных мусульманских государствах лишение

свободы может быть: 1) на определенный срок или временное; 2) на неопределенный срок. Уголовное законодательство Египта, Сирии, Ливана, Иордании, Бахрейна, Кувейта, Судана, Саудовской Аравии, Исламской Республики Иран лишение свободы разделяет на виды: 1) пожизненное тюремное заключение; 2) тюремное заключение на определенный срок; 3) арест.

Штраф — обязанность осужденного уплатить в доход государства определенную сумму, установленную приговором суда. Штраф, будучи одним из древнейших наказаний, получил широкое распространение в мусульманских государствах, где он занимает преобладающее место среди видов уголовного наказания и применяется в качестве как основного, так и дополнительного наказания.

Дополнительное наказание: ссылка, лишение определенных гражданских и публичных прав, лишение права вождения транспортного средства¹.

§ 3. Философские вопросы преступления и наказания в исламе

1. Предопределение, а точнее, «аль-када ва аль-кадир», — один из столпов исламской веры. Эта тема является одной из важнейших философских тем в религии. По сей день не могут со всей определенностью сказать, сотворил ли Бог человека обреченным быть игрушкой в руках рока и предопределения или же человек волен в своих поступках и может совершать все, что сам желает.

Проблему соотношения предопределения со свободой воли в исламе можно рассматривать с позиций мутазилийских или же мутакаллимских позиций. Принцип свободы воли используется для обоснования причин преступного поведения

¹ Подробнее см.: *Петровский А. В.* Мусульманское уголовное право. С. 80–81.

человека. Современные мусульманские теологи не исключают и предопределение. Принципы **предопределения** и **свободы воли** выдвигаются ими в зависимости от конкретных обстоятельств.

Мутазилиты выдвинули принцип неограниченной свободы человеческой воли. «Человек — сам творец добра и зла, и Бог тут ни при чем», — излагал взгляды мутазилитов средневековый автор Шахрастани. В X в. в противовес мутазилизму возникло богословие, ставшее ортодоксальной доктриной ислама — **калам**, сторонников которого называли мутакаллимами (основатель — Иль-Ашари (873–935 гг.)). Он рассматривал разум как средство умозрительного познания Бога. Аллах у них наделен абсолютно свободной волей, непрерывно творящий и движущий каждый атом по своему произволу. Любое явление рассматривалось как результат творческого акта Бога. Все вещи, в том числе и человек, — орудие в руках Бога. Человек не обладает свободой воли, хотя ответственен за свои поступки. Следовательно, если Аллах хочет кого-то уничтожить, то Он может для достижения этой цели использовать человека как средство.

Аль-када' — это полная и изначальная осведомленность Творца обо всем, что происходило, происходит или произойдет в этом мире; полная и изначальная осведомленность обо всем, что будет совершено каждым в отдельности, как в тех случаях, когда право выбора у человека есть, так и в тех, когда этого права нет.

Д. Дорофеев отмечает: «Знание Богом всех событий — произошедших, происходящих и, что самое важное, должных произойти — вытекает из Его вневременной сущности, а потому никак не отрицает свободу воли человека»¹. А это означает, что божественное действие может затрагивать как то, что находится

¹ *Дорофеев Д.* Под знаком философской антропологии. М.; СПб., 2012. С. 83.

во власти самого человека, так и то, что не находится в его власти. Таким образом, Бог действует как обладающий свободной волей, имеющий безграничную власть.

Аль-кадир — это абсолютное соответствие фактически происходящего в реальном времени изначальному знанию Творца. Однако следует особо подчеркнуть, что осведомленность Творца обо всем и всех не влияет на действия и поступки людей, не заставляет их делать так или иначе.

В Коране слишком много упоминается о том, что Аллах знает каждый шаг человека. Он видит все и все слышит: «Разве они не знали, что Аллаху известны их секреты и тайные беседы и что Аллах является Ведающим сокровенное» (Сура 9, аят 78); «Достаточно того, что Аллах знает и видит грехи своих рабов» (Сура 17, аят 17–19); «Ваш Господь лучше знает то, что в ваших душах» (Сура 17, аят 25); «Несомненно, Аллах знает то, что вы утаиваете, и то, что вы обнаружите» (Сура 16, аят 23); «Каждому человеку Мы повесили на шею его деяние (сделали его неразлучным с ним). А ведь в воскресении Мы предоставим ему книгу, которую он увидит развернутой» (Сура 17, аят 13); «Он вводит в заблуждение, кого пожелает, и ведет прямым путем, кого пожелает, и непременно будете спрошены о том, что вы совершили» (Сура 16, аят 93). Достаточное внимание предопределению уделял Пророк Мухаммад, ссылаясь на установление Корана. Посланник Аллаха обратился к Всевышнему с такими словами: «О мой Господь! Мы просим у Тебя даровать нам деяния, которые принесут нам Твою милость и прощение (магфират), просим безопасности от всех грехов, просим благих деяний, просим обретения Рая и спасения от Ада»¹. В этом хадисе Пророк подтверждает, что все во власти Аллаха, что все наши деяния, мысли предопределяются Всевышним и что как бы мы

¹ Хаким, I, 706/1925. — Отдельно см.: Тирмизи, Витр, 17/479; Ибн Маджа, Икама, 189.

ни старались что-то сделать, все равно результат зависит от Него. Однако, оказывается, предопределения можно избежать. Но как? Вот, что сказал по этому поводу Пророк: «Предопределение (кадир) может остановить только ду'а...»¹. В данном случае речь идет об умолении, просьбе человека, чтобы Аллах сопутствовал ему или его близкому в достижении каких-либо целей, а также предотвратил наступление чего-то плохого. Например, мать, отправляя на войну своего сына, просит, умоляет Всевышнего, чтобы тот вернулся домой живым и невредимым. По исламу, верить в предопределение является одним из важных условий для того, чтобы быть мусульманином. Ади бин Хатим рассказывает: «Однажды я пришел к Пророку. Он сказал мне: “Ади бин Хатим, будь мусульманином, обрети благо!” Я спросил: “Что есть Ислам?” Пророк сказал: “Свидетельствовать, что нет Бога, кроме Аллаха, свидетельствовать, что я — Его Посланник, верить в **предопределение** (выделено авт. — *И. Р.*) — и хорошего, и плохого, и приятного, и горестного”»².

Важно также знать, что существует различие между двумя расколами ислама — Сунни и Шия не только в догматах веры, но и в понимании предопределения. **Шииты** верят в предопределение как в одну из принадлежащих премудрости Бога, всеведущего в будущем каждого лица, но не как в предположении, имеющем безусловное влияние на все действия людей. Шииты признают в человеке свободу действий и полный произвол делать добро и зло, за которые он несет ответственность пред судом Всевышнего, верят в то, что сами действия человека пред совершением, началом были известны Богу и внесены в книгу судеб, как особое доказательство всевидения Господня.

¹ Ахмад, V, 277, 28, 282; Ибн Маджа, Мукаддима, 10; Фитсы, 22; Хаким, I, 670 /1814.

² Ибн Маджа, Мукаддима, 10.

Сунниты же понимают учение о предопределении в точном его смысле, не допуская в человеке произвола в действиях. Сунниты-традиционалисты пытались обосновать необходимость принятия веры без рассуждения, исповедовать безусловность божественного предопределения, выступать против любых новшеств в вопросах веры и правды. Все это, естественно, не могло не отразиться на эволюции идеи института преступления и наказания в мусульманском уголовном праве. Это существующее разногласие имеет более практическое значение с точки зрения уголовного права, нежели религиозно-теоретическое, ибо речь идет о согласовании предопределения со свободной волей человека и, соответственно, с проблемой ответственности и наказания. Иначе говоря, речь идет об ответе на вопрос: кто несет ответственность, по Корану, за деяния конкретного человека, в том числе преступного, — индивидуум или же Всевышний? Обратимся к Самому автору Корана — Аллаху: «И не ты бросил, когда бросил, но Аллах бросил» (Сура 8, аят 17). Из этого аята следует вывод: если я в кого-то бросил камень и убил его, значит, это бросил не я, а Аллах. Должен ли я тогда нести ответственность за эти деяния? «Он — Тот, кто усыпляет вас ночью и знает, что вы делаете днем. Затем Он воскрешает вас днем, чтобы исполнился назначенный срок (завершился срок вашей жизни). Затем к Нему вам предстоит вернуться, и затем Он поведаст вам о том, что вы совершили» (Сура 6, аят 60). Это означает, что Аллах может выступить как действительная причина того, что кажется делом рук человеческих (например, убийство). Многие аяты Корана дают нам понять, что желание Аллаха сделать человека преступником, а точнее, не противостоять ему совершить преступление, обусловлено предшествующим выбором самого человека между добром и злом. Совершение преступления, насилия, зла является основанием для Аллаха, чтобы Он ожесточил сердце человека. Коран утверждает, что выбор поведения человека зарождается в его сердце,

а затем реализуется вовне. При этом подчеркивается, что человеку легче отказаться от совершения преступления, чем очистить сердце от намерения совершения преступных деяний. Аят 120 Суры 6 гласит: «Оставьте грехи очевидные и сокрытые. Воистину, те, которые совершают грех, получают воздаяние за то, что они совершали». Из этого аята Корана вытекает, что вначале следует человеку перестать совершать зло, преступления, а затем уже попытаться освободиться от преступных желаний, мыслей. Кстати, и в Торе говорится, что Господь ожесточает сердце фараона после того, как тот причинил израильтянам великое зло (Исх. 4, 21; 7, 3; 14, 8). Однако Аллах и преступникам дает возможность и надежду на милость Всевышнего посредством расширения сжатого, стесненного его сердца. Но зачем нужно Аллаху, чтобы человек совершил преступление? Почему Он не останавливает его от совершения убийства даже богобоязненного, богослужителя, преданного Богу всей душой человека? Если Он не может остановить это убийство, значит, Господь не владеет моей волей и я свободен в выборе своего поведения? Если же Он может, но не хочет препятствовать насилию, преступлению — значит, он желает, чтобы люди убивали, насиловали, грабили друг друга? Поскольку решение о завете с Богом принималось человеком свободно, то это является основанием вменения ему соответствующих поступков, в том числе преступлений. Читаем в Коране: «Мы предложили небесам, земле и горам взять на себя ответственность, но они отказались нести ее и испугались этого, а человек взялся нести ее...» (Сура 33, аят 72). И далее: «Это произошло для того, чтобы Аллах наказал лицемеров и лицемерок, многобожников и многобожниц и принял покаяние верующих мужчин и верующих женщин. Аллах Прощающий, Милосердный» (Сура 33, аят 73).

Из содержания всех этих аятов вытекает, что Всевышний, если пожелает, может поставить человека в такое состояние или создать такие условия, при которых он может и совершить

преступление, а потом этот же человек должен будет давать отчет перед Аллахом за совершенное. Но кого Он (Аллах) вводит в заблуждение? Оказывается, тех, кто не уверовал в Его знамение, т. е. неверующих (Сура 16, аяты 104, 107). Вводя в «заблуждение», «Аллах запечатал их сердца, слух и зрение» (Сура 16, аят 108). А это приводит к совершению преступления. Но как Всевышний может знать, кто сошел с Его пути, а кто следует прямым путем? Аллах не вводит в заблуждение людей, пока Он не разъяснит им, что они должны знать и чего должны опасаться (Сура 9, аят 115). Только после этого Он требует выполнять все Свои предписания без всяких сомнений, смиренно принимать все радости и горести жизни, которые ему суждены на жизненном пути. Значит ли это, что Аллах предопределил нашу судьбу и тем самым отнял у нас свободу выбора и творчества? Как в такой ситуации определять свою жизнь и деяния, если Всевышний вместо нас уже все начертил? «Не вы убили их, а Аллах убил их. Не ты бросил горсть песку, когда бросал, а Аллах бросил, дабы подвергнуть верующих прекрасному испытанию от Себя. Воистину Аллах Слышащий, Знающий» (Сура 8, аят 17). Не способствует ли все это смирению человека перед трудностями, непротивлению злу, преступлениям, утрате активности достижения намеченных жизненных целей и т. д. Но самое главное в том, что предопределение в исламе направлено на ограничение творчества человека. Оно сужает его человеческие возможности, не дает ему развернуться. Он чувствует себя в какой-то клетке и ждет, когда Аллах ему откроет эту клетку и он сможет своими силами и возможностями чего-то достичь. Читаем наставление Пророка: «Если тебя что-то постигнет, не сожалея, говоря: “Если бы я сделал так, то было бы по-другому!” Скажи: “Это предопределение Аллаха, Он делает, что пожелает”, ибо слова типа: “Если бы я поступил так...” открывают врата таким делам, которыми доволен шайтан»¹.

¹ Муслим, Кадер, 34. — Отдельно см.: Ибн Маджа, Мукаддима, 10.

Тем не менее исламская теория исходит из того, что невозможно лишить людей самостоятельного подхода к решению мирских дел. Поэтому предоставляет человеку самому с учетом сложившейся обстановки при соответствующих условиях принимать решения. Следовательно, источник любого поведения, в том числе преступного, находится в самом человеке.

2. Нафс. Обращает на себя внимание тот факт, что Коран каждый раз подчеркивает при определении понятия греха (преступления) факт беспокойства в душе человека, т. е. Он связывает поведение человека с внутренними причинами, что источник, причина преступного поведения находится не вовне, а внутри самого человека. А это означает, что суть человека, его внутреннюю природу лучше, чем Всевышний, не знает никто, ибо именно Он является Создателем этого существа. Ислам считает, что человек создан способным на добро и зло. Источник его склонности ко злу, заключенный в самой его природе, — это **нафс**. Ибо нафс — это то, что «толкает человека ко злу» (Коран. Йусуф, 12 /53/). Точного перевода этого арабского слова на русский и другие языки нет. Приблизительно оно близко к понятию «намерение», хотя нафс по своему содержанию имеет более объемное и глубокое значение и непосредственно связан именно с деятельностью человеческого сердца. Это слово используется и в азербайджанском языке. Поэтому для нас так же, как и для арабов, смысл и суть его понятны: дурное, склонное к греху, к преступному, к насилию, что-то обязательно плохое, негативное, а также страсти, все отрицательные черты души, которые присущи человеку. Поэтому нафс часто ассоциируется с источником всех желаний человека, противоречащих нормам нравственности и закона. Всевышний Аллах считает нафс внутренним врагом, который постоянно нашептывает человеку дурное, склоняя его к греху.

Читаем Коран: «Мы сотворили человека и знаем, что нашептывает ему душа. Мы ближе к нему, чем яремная вена» (Сура 50,

аят 16); «Они следуют лишь предположениям и тому, чего желают души, хотя верное руководство от их Господа уже явилось к ним» (Сура 53, аят 23). Из этих установлений Аллаха можно заключить, что не только все дурные поступки, грехи, но также преступления людей подчиняются своему нафсу. Всевышний Господь создал человека способным к добру и ко злу. Он научил его пониманию греха, зла и добра. Он разделил все деяния человека на добро и зло. В то же время Аллах дал человеку нафс, который втягивает того в зло и бесчестие. Однако Всевышний, ниспослав нам откровения о том, что есть добро и зло, велел нам избегать совершения зла под воздействием нафса: «Клянись душой и Тем, Кто придал ей совершенный облик (или тем, как Он сделал ее облик совершенным)» «и внушил ей порочность ее и богобоязненность» (Сура 91, аяты 7–8).

В Коранических аятах, а также в хадисах Пророка Мухаммада тем, кто преодолевает свой нафс, который присущ всем людям, обещаны райские сады. Следовательно, каждый человек на протяжении всей своей жизни борется со своими страстями, нафсом. Другое из того, что склоняет человека к греху, — это желание жить вечно в этом мире и пренебрежение будущей жизнью. «Ты непременно убедишься, что они жаждут жизни больше всех людей, даже больше многобожников. Каждый из них желал бы прожить тысячу лет. Но даже долгая жизнь ничуть не отдалит их от мучений. Аллах видит то, что они совершают» (Сура 2, аят 96). Ислам считает, что человек, напившись отравой этих чувств, забыв о будущей жизни, лишается страха. Страстно желая исполнения своих жизненных желаний, он легко впадает в грех.

Коран указывает также и на существование внешних причин совершения зла (преступления). Это, в отличие от нафса, видимая сторона поведения человека. «Приукрашена для людей любовь к удовольствиям, доставляемым женщинами, сыновьями, накопленными кантарами золота и серебра, прекрасными

конями, скотиной и нивами. Таково преходящее удовольствие мирской жизни...» (Сура 3, аят 14). «А земная жизнь — всего лишь наслаждение обольщением» (Сура 3, аят 185). «Это — преходящее наслаждение мирской жизнью...» (Сура 10, аят 23).

Следовательно, чтобы противостоять преступному намерению, поведению, внешним причинам, человек должен очиститься от нафса и очень строго беречь себя от отрицательного воздействия вредных деяний. По Корану, преступное намерение у человека появляется тогда, когда он забывает Аллаха, т. е. остается в неведении от Всевышнего. А это означает, что чем сильнее вера у человека в будущую жизнь, тем меньше вероятность совершения с его стороны зла, преступления. И наоборот. «Я не оправдываю себя, ведь душа человека повелевает зло, если только мой Господь не проявит к ней милосердие...» (Сура 12, аят 53).

Когда же Господь проявляет милосердие и очищает душу человека от намерения совершить преступление, зло, насилие? Тогда, когда он близок к Всевышнему, верит в Него и преклоняется Ему. Аллах подчеркивает, что созданное Им существо познаваемо лишь только Им самим — Всевышним и что душа человека настолько скрыта, что, кроме Него Самого, никому невозможно добраться до нее. «Они — всего лишь имена, которыми нарекли их вы и ваши отцы, относительно которых Аллах не ниспослал никакого доказательства. Они следуют лишь предложениям и тому, чего желают души, хотя верное руководство от их Господа уже явилось к ним» (Сура 53, аят 23). В этом аяте Аллах подчеркивает, что все желания и намерения человека исходят из души и руководит этим Сам Господь. Коран четко указывает, что Аллаху все известно, и Он все видит: «Аллах ведает о беззаконниках» (Сура 2, аят 95); «Аллах видит то, что они совершают» (Сура 2, аят 96); «Кто преступает ограничение Аллаха, тот поступает несправедливо по отношению к себе. Ты не знаешь, что Аллах, возможно, после этого решит иначе»

(Сура 65, аят 1). В этом аяте говорится, что тот, кто нарушает Божью волю, тот ведет себя к разложению своего внутреннего строения, а в конечном счете — к преступлению. «Аллах желает принять ваши покаяния, а потакающие своим страстям желают, чтобы вы сильно уклонились в сторону» (Сура 4, аят 27). «Аллах желает вам облегчения, ведь человек создан слабым» (Сура 4, аят 28). В этих аятах определено, что преступлению обязательно предшествует уклонение человека от Бога. Аллах называет это «уклонением в сторону». Из содержания приведенных аятов можно заключить, что причиной совершения преступлений является именно мысленное удаление человека от Всевышнего (Создателя). Такое удаление способствует приобретению человеком свойств, противоположных милосердию Аллаха, т. е. жестокости, эгоизму, злости и т. д. Особое внимание при этом заслуживает уяснение понятия «слабость» в аяте 28 Суры 4. Д. Щедровицкий считает, что Коран напоминает о немощи человека, который слабым сотворен не случайно, а именно для того, чтобы он, нуждаясь в защите Божьей, постоянно прибегал и стремился к Нему¹.

Иначе говоря, по Корану, все люди сотворены слабыми и поэтому способны на преступление. Однако, чтобы эта слабость не была причиной преступления, человек всегда должен помнить Аллаха: «О люди! К вам от вашего Господа явилось назидание, исцеление для того, что в груди, верное руководство и милость для верующих» (Сура 10, аят 57). В этом аяте Аллах говорит, что преступники лишены даже и вторичного источника Света — они находятся словно бы в ночи беспросветной. Главная причина такого их состояния — внутренняя «болезнь», которая и толкает их к совершению преступления, насилия, злых деяний. При этом Аллах неоднократно в Коране,

¹ Щедровицкий Д. В. Сияющий Коран. Взгляд библеиста. М., 2016. С. 231.

а Пророк Мухаммад в хадисах отмечают, что эта болезнь находится именно в сердце человека и что исцеление следует начинать именно с сердца человека. А эта «болезнь» сердца связана с сознательным отворачиванием человека от единственного Целителя, способного воздействовать непосредственно на сердце — Аллаха, который лечит людей словом истины, о чем говорится также в Библии: «Послал слово Свое — и исцелил их» (Пс. 106, 20); «Кто хранит наставление, тот на пути к жизни...» (Прит. 10, 17). Почему же один становится преступником, а другой нет? Ведь все с момента своего рождения находятся в одинаковом положении. Ответ Корана: «Он ведь создавал вас по этапам» (Сура 71, аят 14). Можно ли из этого Послания Аллаха заключить, что разные состояния людей, их отличия были предначертаны еще в фундаментальных замыслах Всевышнего? «Они говорят: “Мы покорны”. Когда же они покидают тебя, некоторые из них по ночам замышляют не то, что ты говорил. Аллах записывает то, что они замышляют по ночам...» (Сура 4, аят 81). Интерес представляет следующее выражение в этом аяте: «Аллах записывает то, что они замышляют...». Что означает эта «запись»? Д. Щедровицкий считает, что эта «запись может содержаться в самой душе, оставляя в ней неизгладимый («стираемый» лишь посредством покоения) отпечаток мыслей, намерений, деяний»¹. «Так Мы позволяем одним беззаконникам править другими за то, что они приобретают» (Сура 6, аят 129). Из содержания этого аята можно заключить, что Божье наказание наступает для одних преступников по приговору Аллаха, т. е. по Его велению, независимо от воли самого преступника, а другие как бы влекомы приобретенной ими злой природой. Достаточно сложным и спорным, как в самом Коране, так и в религии ислама является вопрос согласования предопределения со свободой воли человека в связи с проблемой

¹ Щедровицкий Д. В. Сияющий Коран. Взгляд библеиста. С. 139.

ответственности и наказания. Следует особо подчеркнуть, что Посланник Аллаха уделял разъяснению понятия и сути нафса исключительное внимание, зная отрицательные и вредные свойства этого явления. Посланник Аллаха сказал: «Больше всего я боюсь за людей своей общины, что они последуют желаниям (хава) нафса»¹. Зная об опасности и зловредности нафса, Он даже обращается к Всевышнему: «О мой Аллах, покажи мне самое правильное и лучшее и сохрани меня от зла моего нафса!»². Великий ученый из шабиинов Муджад сказал: «Я не знаю, какое благо, дарованное мне Аллахом, больше: прямой путь (Хидаят) Ислама, или Его защита от желаний (хава) нафса?»³. Итак, нафс означает ту склонность, которую питает нафс к преступным желаниям, запрещенным разумом. Нафс, по исламу, толкает человека к противоправным деяниям, к насилию, к корыстным побуждениям, интересам; если не очистить нафс и предоставить самому себе, то он, не признавая никаких границ, погрязнув в низменных, корыстных желаниях, в конечном счете доведет человека до совершения преступления. Посланник Аллаха говорит: «Разумный человек — это тот, который владычествует над своим нафсом и трудится для жизни после смерти. А немощный — это тот, кто следует желаниям своего нафса и при этом надеется на Аллаха»⁴. Пророк Мухаммад в то же время предупреждает людей о трудностях борьбы с желаниями нафса. Поэтому Он назвал эту борьбу «великим джихадом». Истинный воин на пути веры (муджахида) — это тот, «кто ведет джихад со своим нафсом»⁵. Ибрахим бин Адхам говорит, что «самый трудный джихад — это джихад со своими

¹ См.: Хай-Сами, 1, 187; Суюти, 1, 12.

² Тирмизи, Да ват, 69/3483.

³ Дарими, Мукаддима, 30.

⁴ Тирмизи, Кыпамет, 25/2459. — Отдельно см.: Ибн. Маджа, Зухд 31; Ахмад, IV, 124; Хаким, IV, 251.

⁵ Тирмизи, Фадаилуль-Джихад 2/1621; Ахмад, VI, 20.

желаниями (хава). Кто отлучит нафс от его желаний, тот обретает покой от этого мира и его бед...»¹.

Почему же Всевышнему надо было создавать человека с нафсом, если это источник зла, убийств, насилий, корысти и т. д.? Ислам считает, что Аллах сделал это сознательно, чтобы испытать человека, которому одновременно даровал разум, понимание и волю. Он оставил человека наедине с выбором между злом и добром. Адам был первым, кто проходил это испытание и, опираясь на свой разум, дарованный ему Господом Богом, сделал свой известный из библейской истории выбор.

По философии ислама, не только нафс является источником зла, насилия, всяких преступных деяний человека, но и воздействие и наставление **шайтана** (Коран. аль-А' реф, 7 /27/; 7 /20–22/). Усилие шайтана обеспечивается желанием (хава) и страстью нафса человека. Харис аль-Мухасибби говорит: «Чтобы не приходило к тебе от врага твоего — шайтана, все приходит через посредничество желаний (хава) нафса»². Образно говоря, шайтан заинтересован в преступных деяниях человека, ибо хочет получить свою долю в его делах. Его вмешательство, соучастие начинается с того момента, когда человек выходит из дома с преступными намерениями и мыслями, например, что-либо украсть или ограбить магазин и т. д. Шайтан будет следовать за ним со знаменем в руке. «И человек до тех пор, пока не вернется домой, будет находиться под знаменем шайтана»³. Шайтан не толкает человека насильно совершать преступление, а только внушает ему полезность этого деяния. В то же время и ангел внушает человеку противоположное, т. е. советует не совершать зла; пытается противостоять шайтану.

¹ Абу Нуайм, Хил'а, VIII, 18.

² Ар-Риайа. С. 325.

³ Ахмад, 11, 323.

Таким образом, в преступном намерении человека участвуют ангел и шайтан, между которыми идет ожесточенная борьба. Если человек все-таки совершает преступление, значит, победил шайтан. Но как противостоять ему? Что Аллах и Его Пророк советуют в этом случае? Коран гласит: «А если шайтан подвергнет тебя какому-либо наваждению, то прибегай к помощи Аллаха, ибо Он слышащий, знающий» (аль-Фуссылет, 4 /36/); «Скажи (Мухаммад): “Господи! Я ищу убежища у тебя от наваждений шайтанов и молю тебя, Господи, отогнать их от меня”» (Коран. 23 /97–98/). Неужели, человек, созданный Всевышним, бессилен перед шайтаном? Порой даже ангелы не могут справиться с этим злым созданием. Неужели Аллах не мог создать человека, способного противостоять шайтану? Даже Пророк Аллаха опасается этого создания: «Поистине, шайтан (проникает) в человека, распространяясь в нем повсюду, подобно крови, и, поистине, я побоялся, что он сможет заронить в ваши сердца что-нибудь (дурное)»¹. Так как Всевышнему Аллаху ведомы все наши внутренние порывы, то невозможно утаить от Него ни единого намерения или мысли: «Аллах ведает о том, что вы вершите» (аль-Муджадала, 58 /11/). Что же означает намерение (ният) по исламу, по Корану? Ният означает принятие решения (например, совершение убийства), когда человек, своей твердой волей и сердцем приняв решение о совершении отмеченного преступления, знает, для чего он совершает это деяние, т. е. именно посредством намерения определяется цель совершения убийства. Следовательно, по философии ислама, справедливость всех наших деяний зависит от намерения, и они оцениваются в соответствии с ним. Намерение связано с такими категориями, как сердце и разум. По Корану, если намерение производится вслух (например, «я убью тебя»), но

¹ Бухари, И' Тикаф, 11. — Отдельно см.: Бухари, Бад' уль-Халк, 11; Ахкам, 21; Муслим, Салем, 23–25.

не подтверждается сердцем, то такое намерение не принимается. Из этого следует вывод: **источник любого преступления находится в сердце и разуме человека**. Умар бин аль-Хашшаб: «Я слышал, как Посланник Аллаха сказал: “Поистине, дела оцениваются только по намерениям. Каждому человеку достанется лишь то, что он намеревался обрести”»¹. Абу Хурайра передает: Посланник Аллаха сказал: «Всевышний Аллах не смотрит на ваш внешний вид и имущество, а смотрит на ваши сердца и деяния»².

3. Джихад. Утверждение о том, что Коран призывает к насильственной борьбе с приверженцами других религий (неверными), не соответствует действительности и свидетельствует о незнании сути положений Священной книги мусульман. В 2022 г. была опубликована книга под названием «Четыре всадника: Революция атеистов» с предисловием Стивена Фрая. В этой бессмысленной и бессодержательной работе, в частности Доккинз (с. 124), называет нынешний ислам варварским, а Хитченс в этой же работе утверждает, что «несомненно, самой опасной религией является ислам — возможно, потому, что в нем нет папства, которое могло бы приказать ему прекратить что-то, выпустить указ, говорящий...». Кстати, Хитченс почему-то забыл, что в Средние века именно папство создавало и готовило Крестовые походы против мусульман. Хитченс заявляет, что готов вместе с воздушно-десантными дивизиями США сражаться с исламом и что они (десантники) есть его единомышленники (с. 163–166). Он же в этой книге предлагает полное уничтожение джихадистских сил: «Тут не о чем полемизировать. В том смысле, что здесь все просто: я хочу, чтобы их искоренили. Это чисто животная реакция с моей стороны —

¹ Муслим, Имарат, 155. — Отдельно см.: Бухари, Бад-уль Вахи, 1; Иман, 41; Абу Дауд, Талек, 10–11/2201.

² Муслим, Бирр, 34. — Отдельно см.: Ибн Маджа, Зухд, 9.

признание необходимости уничтожить врага, чтобы обеспечить собственное выживание. Меня совершенно не интересует, что они там думают, меня совершенно не интересует, что думают джихадисты. Меня интересует усовершенствование методов их уничтожения. Кстати, этой задаче нерелигиозные люди уделяют совсем мало внимания» (с. 124).

С сожалением можно констатировать тот факт, что на Западе даже среди представителей элиты все еще существует искаженное мнение об исламе и поверхностное знание о Священном Писании мусульман — Коране. Хотелось бы довести до сведения этих авторов и их единомышленников, что в отличие от христианства и иудаизма, где отсутствует уважительное отношение к исламу, мусульмане признают в иудаизме все до последней мелочи, а к христианской религии и Его пророку И. Христу всегда относились с уважением. При этом упомянутые авторы, и не только они, почему-то забывают, что Еврейская Библия (Второзаконие) предписывала учинять в городах соседей — неверующих тотальный геноцид: убийства всех мужчин, женщин и детей, не говоря уже о домашнем скоте. В Коране нет ничего сопоставимого с этой, бесспорно, самой низкой в нравственном отношении точкой зрения во всех авраамических Писаниях¹. Христиане на Западе, забывая о кровавых Крестовых походах, когда христианская церковь, оглядываясь на Ветхий Завет, беспощадно уничтожала как иудеев, так и мусульман, ссылаются на джихад и утверждают, что ислам — религия насилия.

Что означает слово **джихад**, и какова его философия, по Аллаху в Коране? Начнем с того, что нигде, ни в Коране, ни в хадисах Пророка Мухаммада, нет ни намека на то, что ислам приветствует убийства или насилие в отношении представителей других религий. Одобрил бы Аллах действия

¹ Райт Р. Эволюция Бога. М., 2017. С. 40.

джихадистов? Зачем Всевышнему такое насилие? Если Аллах оправдывает действия джихадистов, значит, Он хочет таким образом (путем) кого-то наказать. Но кого? Можно ли в таком случае джихад считать формой (видом) Божьего наказания? Нигде — ни в Коране, ни в хадисах нет ни намека на то, что Мухаммад приветствовал бы убийства женщин или детей.

Большинство аятов Корана повествуют не о том, как мусульмане наказывают неверных здесь и сейчас, а скорее о том, как Бог карает неверных после смерти. Однако это не означает, что Божественное возмездие в загробной жизни в итоге способствует возмездию со стороны человека в реальном мире.

Итак, никакого «учения» о джихаде в Коране нет. Следовательно, беспочвенны попытки протолкнуть в него идею, независимо от того, кому она принадлежит, что джихаду даровано божественное благословение. А теперь о самом понятии «джихад» и его социальном значении в Коране. Слово **джихад** происходит от арабского слова «дысахд», что означает «стараться», «трудиться», «напрягаться», «прилагать усилия», «отдавать все силы».

Джихад — не из числа основных тем Корана: данное слово и производные от него встречаются только 41 раз, и лишь в десяти случаях речь идет явно о войне. Покорность ислама требует постоянного джихада («борьбы») с внутренним эгоизмом. Подчас это включает и битву (киталь), но отважное перенесение испытаний и щедрость к бедным даже во времена личных тягот — тоже джихад¹.

Разработка особой концепции джихада началась в VIII в. Для джихадистов уже не требуется дозволение государства: они вольны действовать, нравится это властям и профессиональным воинам или не нравится. Есть действия, к которым

¹ Heck P. Jihad revisited. Journal of Religion Ethics, 32, 1 (2004); Bonez. Jihad in Islamic History. P. 21–22.

шариат обязывает каждого (*фард айн*), например, ежедневная молитва. Есть вещи, которые возложены на общину в целом (*фард кифайе*), например, уборка в мечети.

Мухаммад ибн Идрис аш-Шафии (умер в 820 г.) объявил, что джихад против немусульманского мира относится к разряду фард кифайе и отвечает за это халиф. Следовательно, совершение теракта кем-либо из мусульман является не джихадом, а обычным уголовным преступлением.

Как религиозный термин это слово наряду с другими качествами также означает борьбу со своим нафсом. Джихад, по исламу, можно совершать сердцем, словом, руками, имуществом и оружием. Как видим, слово «джихад» означает широкий круг действий. Поэтому неверно считать, что джихад должен быть обязательно с оружием в руках. Это противоречит смыслу и понятию, которые приводятся Аллахом в Коране и Пророком в Сунне. Достаточно обратиться к аяту 40 Суры 22 Корана. Когда мусульмане нападают на храмы и синагоги в наши дни, ими движет вовсе не ислам.

Коран заповедует мусульманам уважать веру «людей Писания»: «Если вступаете в спор с людьми Писания, то ведите его наилучшим образом. Это не относится к тем из них, которые поступают несправедливо. Скажите: “Мы уверовали в то, что ниспослано нам, и то, что ниспослано вам. Наш Бог и ваш Бог — один, и мы покоряемся только Ему”» (Сура 29, аят 46).

Пророк Мухаммад сказал: «Джихад — это купол, вершина (праведных) деяний»¹; «Вершина Ислама — Джихад»². «Под джихадом, в общем, подразумеваются усилия, нацеленные на претворение заповедей Аллаха самыми разнообразными способами вплоть до отстаивания ислама вооруженным путем», —

¹ Тирмизи, Фадаилуль-Джихад, 22.

² Тирмизи, Иман, 8; Ибн Маджа, Фитан, 22; Ахмад, V, 245–246.

отмечается в литературе¹. Совершенно верно, ибо на основе систематического толкования норм шариата, основанного на Коране и Сунне Пророка, джихад как средство вооруженного насилия допускается лишь в случае угрозы исламу и наличии агрессии. Коран допускает в джихаде насилие только в некоторых особых обстоятельствах: если кто-то лишил их средств к существованию и права на жизнь. Никогда воинам джихада не позволялось причинять вред женщинам, детям и невооруженным гражданам. Терроризм Кораном не допускается, хотя некоторые западные аналитики пытаются доказать, что акты террористов-смертников глубоко укоренены в исламской традиции. Акты террористов-смертников, как известно, были изобретены в Шри-Ланке и имеют место сегодня в Ирландии. Коран, действительно, предписывает всем мусульманам непрерывно вести джихад, т. е. бороться с самим собой, чтобы избавиться от плохих черт своего характера, в том числе от горделивости, эгоизма, невыдержанности, агрессивности, ибо освободившись от них, человек способен управлять, держать в узде свои эмоции и агрессию, страсти. Ислам учит человека работать над собой, прилагать серьезные усилия для нравственного совершенствования. В этом неопределимая роль принадлежит джихаду. Пророк Мухаммад называл это «большим джихадом», состоящим в борьбе со своим низшим «я» во внутреннем поединке между злом и добром, заблуждением и истиной, себялюбием и самоотверженностью, жестокостью и всеобъемлющей любовью. Джихад в этом понимании является также, естественно, эффективным средством борьбы с преступным намерением, нафсом в человеке, ибо речь идет о внутреннем усилии противостояния агрессии, злу, приводящим к совершению насилия, убийства и т. д. Малый джихад, по мнению Пророка, — это внешние

¹ Мировые религии о преступлении и наказании / науч. ред. А. Толкаченко, К. Харабет. М., 2013. С. 488.

усилия, цель которых — охранять Божий Путь от сил зла. Следовательно, к этому джихаду относится защита своей жизни, своей веры, своей чести и чистоты мусульманской общины.

Хомейни любил цитировать хадис, в котором Пророк объявил после битвы, что возвращается от малого джихада к «большому джихаду», т. е. к осуществлению в обществе подлинно исламских ценностей, — борьбе гораздо более сложной, чем политическая. Взирая на экстаические толпы, он не мог не чувствовать, сколь многие сложности сулит ему этот новый джихад. Хартия ХАМАС пробуждала в памяти благородную традицию «добровольчества», когда призвала палестинцев стать «стражами границ», а борьбу палестинцев изображала как классический оборонительный джихад. «Когда наши враги захватывают земли, джихад становится обязанностью всех мусульман (фард айн)»¹.

Еще в 1105 г. сирийский юрист аль-Сулами написал трактат, доказывая, что джихад против франков относится к разряду фард-айн, т. е. к числу индивидуальных обязанностей местных эмиров, коль скоро халиф не в состоянии принять меры. Духовный руководитель «Сети джихада» — Абд-ас Салам Фарадж также, опираясь на положение фард-айн, говорит: чтобы создать подлинное исламское государство, необходимо объявить джихад долгом каждого дееспособного мусульманина.

Свои собственные учения, теории о сути и назначении джихада высказывали многие современные ученые-исламисты. Так, Абдулла Аззам, учитель Усамы бен Ладена, считал джихад шестым столпом ислама, наряду с шахадой, молитвой, милостыней, постом в месяц Рамадан и хаджем. Если мусульманин пренебрегает джихадом, он ответит за это перед Всевышним в День Суда². Свою теорию о джихаде Аззам не выдумал с нуля.

¹ Цит. по: *Армстронг К.* Поле крови... С. 47.

² *Абдулла Аззам.* «Последняя воля Абдуллы Юсуфа Аззама». — См.: пер. в: *Cook, Understanding Jihad.* P. 130.

Он следовал классической теории аш-Шафии, который еще в VIII в. постановил: если дар аль-ислам захвачен чужеземцами, джихад становится фард-айн, обязанностью каждого дееспособного мусульманина, живущего недалеко от границы.

Основатель партии «Джамаат-и-Ислам» Абдуль Ала Маудуди (1903–1979 гг.) понимал джихад в традиционно широком ключе: не просто «священная война», а необходимость делать дело Божье, ведя мирную политическую деятельность (например, писать книги и укреплять сферу образования). Незадолго до смерти он написал краткую записку: «Одно лишь осуществление исламского права не может дать тех позитивных результатов, к которым стремится ислам...»¹. Он повторял неоднократно высказывания Пророка о том, что каждое поколение должно вести борьбу с джалилией, ибо жестокость, жадность и безбожие представляют вечную угрозу.

¹ *Abul Ala Mahdudi*. How to establish Islamic Order in the Country? The Universal Message. May 1983. P. 9–10.

ГЛАВА IV

ИНДУИЗМ: ПРЕСТУПЛЕНИЕ — ОПАСНОЕ ДЕЯНИЕ, ГРЕХ, НАКАЗАНИЕ — ВОЗМЕЗДИЕ

§ 1. Религиозные основы института преступления и наказания: Веды, Дхармашастры

1. Веды. Существует утверждение о том, что религия есть отсутствие возможности познания окружающей природы, ее законов развития, т. е. всего того, что происходит не по воле человека. Такие процессы для него загадочны и непонятны, поэтому он вынужден объяснять их действиями невидимо присутствующего существа. Всякое непонятное явление или влияние окружающей природы есть воздействие таких же точно невидимых духов природы. А это приводит к тому, что появляются легенды, предания и хвалебные гимны, песни богам, которые и составляют суть древних религий. Индусские священные книги — **Веды**, как раз и принадлежат к древнейшим литературным памятникам и выступают как одни из самых ранних человеческих воззрений на мир, окружающую среду, явления природы, закрепленных путем письменности.

Считается, что они имеют божественную природу, являясь продуктом божественной воли, а не человеческого разума. Веды никогда не записывались, а воспроизводились устно, запоминались на слух и передавались из поколения в поколение. Веды, таким образом, представляют собой собрание древних священных гимнов, разделенное на четыре части. Самая ранняя из них — Самхиты, гимны хвалы и поклонения божествам. Затем возникли Брахманы, руководство к ритуальным жертвоприношениям божествам. Последними появились Упанишады, содержащие

учения духовных мастеров, которые достигли высокой реализации. Согласно ортодоксальному индуизму, Веды не являются человеческим произведением, они — дыхание вечного, «услышанное» древними мудрецами, или **риши**, и позднее — собрание Вьясой («Вьяса» означает «собиратель»). Ученые считают, что эти тексты собирало множество людей.

Итак, согласно индийской традиции Веды были услышаны мудрецами — риши и передавались затем из уст в уста (8000–6000 гг. до н. э.). Однако выдающийся немецкий ученый Макс Мюллер в 1848 г. выдвинул теорию о том, что Веды, на которые часто ссылаются как на основание **санатана** — **дхармы**¹, были созданием ариев после вторжения в Индию, а не индийских аборигенов. У. Джонс утверждает, что Веды появились около 1580 г. до н. э. Впоследствии на основе Вед были установлены законы, регулировавшие все аспекты жизни индийцев.

Большинство ученых сходятся во мнении, что Веды возникли между 1200 и 800 гг. до Р. Х.² Они состоят из десяти книг, в которых содержится 1017 гимнов богам. Вероятно, некоторые гимны существовали ранее 1200 г. до Р. Х. Если верить этим датам, то можно заключить, что Веды предшествовали Моисееву Исходу, где ясно говорится о «книгах» и о письменности. В любом случае, язык этой книги свидетельствует о древности ее происхождения. Можно ли считать Веды Священной книгой? Безусловно. Приведем перевод одного из отрывков Вед: «Всемогущий бог с неба видит наши дела, как на ладони.

¹ Сегодня термину «индуизм» предпочитают другое название — **санатана-дхарма**. Понятие **санатана** — «вечный», или «вневременный», отражает веру в то, что эти религиозные пути существовали всегда. Понятие **дхарма**, которое часто переводится как «религия», вмещает в себя понятие долга, естественного закона, социального благоденствия, этики, здоровья и т. д.

² Цит. по: *Бетшени Дж. Т., Дуглас Р.* Великие религии Востока. М., 2021. С. 27.

Боги знают все, что люди делают, хотя бы люди и старались скрыть свои поступки. Кто стоит, кто движется, кто подкрадывается, кто прячется в укромном месте, — все это боги отмечают. Где бы двое ни сговорились, считая, что они наедине, царь Варуна, как третий, всегда между ними, и все их намерения ему известны...»¹. Нетрудно заметить, что этот текст напоминает некоторые установления Аллаха в Коране. Бросается в глаза также, что помимо «всемогущего бога» употребляется также «боги»², которые все видят, знают и т. д. Помимо богов упоминается и «царь Варуна»³. Как видим, в первобытных ведийских гимнах есть ряд представлений о различных божествах, олицетворяющих силы природы и носящих соответствующие названия. Веды не давали ответ относительно того, какому же богу индусам следует воздать жертву? В одном из лучших гимнов Веды — 121-й из 10-й книги читаем: «Тот, кем земля прочна, кем сильно небо, Тот, коим твердь упрочена и солнце, кто атмосферу широко раскинул! Какому богу воздадим мы жертву?» Все это свидетельствует о том, что до появления буддизма, которое относится к VI в. до н. э., в Индии придерживались религиозных воззрений и понятий, удивительно схожих с первобытными верованиями греков. Поэтому не исключается, что европейские и индусские арийцы имели общее происхождение. В таком случае можно предположить общий источник происхождения брахманизма и греко-римских религий.

Откуда же исходят эти Веды? Слово «Веда» (премудрость) ясно указывает на божественное знание, которое, по представлениям индусов, исходило как дыхание от Предвечного Существа и вдохновляло мудрецов, так называемых **риши**;

¹ Там же.

² Существует много богов, напр.: солнечное божество — Пушан; Бог зари — Ушас; Бог огня — Агни; Бог умерших душ — Яма.

³ Варуна — один из сыновей матери богов — Адити.

по этой причине Веды и до сих пор считаются непогрешимыми. Содержание Вед почти исключительно религиозное. В конечном счете, ведийская священная литература разрослась до такой степени, что никто не мог целиком изучить или усвоить ее. Веды характеризуются некоторыми особенностями: весьма примечателен тот факт, что в ведийских гимнах нет ни слова о переселении душ, которое, как мы знаем, составляет отличительную особенность позднейшей индуистской религии.

Так, из учения Будды о Нирване возникло целое учение о переселении душ за грехи в ад и за добрые дела в рай, где царит Амиитабга Будда и где блаженство праведника расписано такими красками, после которых бледным покажется даже рай Корана. А из учения о переселении душ вытекает, что всякое деяние человека, в особенности злое, преступное, греховное, напрямую связано со свободой воли человека. Отсутствуют также понятия преступления и наказания за определенные деяния, хотя ложь, например, безусловно, осуждалась и влекла за собой божеское наказание. В гимнах упоминается о разбойниках, которые грабили на больших дорогах, и о ворах, которые втайне совершали похищения. Божеское наказание касалось будущего, например, мы встречаем мольбу к Индре, чтобы он поверг в глубокий мрак всякого человека, который оскорбляет поклоняющегося ему. Однако под глубоким мраком не всегда подразумевается место наказания, ибо сведения о будущей жизни в Риг-Веде смутны и неясны, в отличие от Корана и Евангелия. Со временем, когда устные традиции уже перестали удовлетворять общественные интересы Индии, основанные на Ведах, эти традиции были собраны в сборники, где фиксировались Дхармасутрами. Потом, в период VI–III вв. до н. э. из Дхармасутр появились Дхармашастры¹: Законы Ману,

¹ «Дхарма» означает скорее «правдивость», чем «право». Вообще точного перевода не существует, поэтому понятие можно определить и как «долг». «Дхарма» — исполнение долга в смысле более обширного,

Яджнавалкья и Нарады. Это были правовые трактаты, уже более систематизированные и написанные стихами.

2. Дхармашастры относятся к так называемой литературе «смрити», т. е. «вспоминаемое», «припоминание», «памятование», ибо включают предписания, передаваемые по памяти авторитетными личностями, являясь творением чисто человеческим, в отличие от Библии и Корана, которые считаются результатом Божественного откровения. Пытаясь объяснить природу Дхармашастр, ученые предлагают различные мнения. Мы присоединяемся к исследователям, считающим эти исторические документы сводом законов, которые должны были применяться при определении соответствия поведения людей принятым этическим моделям, а также правовым нормам, регламентирующим различные стороны государственно-правовой, общественной и личной жизни древнего индийца.

Составление Дхармашастр приписывалось самим богам или божественным **риши** — Ману, Яджнавалкье, Нараде — легендарным мудрецам. Но особое место, безусловно, занимает Ману — прародитель людей и сын Самосущего — Брахмы — творца мира. А из этого вытекает, что Законы Ману так же, как и Вишну смрити приписываются самому Богу. И это утверждается в содержании данных документов, в которых мы видим явную тенденцию в истории дхармической литературы придать текстам авторитет Священного слова — можно сказать, Откровения, ибо шастра (собрание заповедей) воспринимается как часть этого Слова, возникшего едва ли не прежде самой Вселенной. Чувствуется переход из области ведийской религии в мир классического индуизма.

Дхармашастры выступают своеобразной основой, призванной закрепить складывавшийся веками специфический

а правила их содержат обычай, право, мораль. **Шастра** — «наука», «учебник», «собрание заповедей».

индийский жизненный уклад, провозгласив освященные брахманизмом религиозные, этические и правовые ценности индийского общества, и не допустить проникновения иностранных элементов в индийскую культуру. Дхармашастры проводят идею о том, что высшие сословия древнеиндийского общества — брахманы, кшатрии и вайшьи являются представителями только арийского происхождения. Дхармашастры излагают вечные истины; они призваны указать, какое поведение является правильным, а какое — ложным. Предлагается некая модель поведения, которой следуют брахманы и те, кто находится под их влиянием. В то же время необходимы определенные правовые, в частности уголовно-правовые, нормы, которые как бы охраняют эти шастры посредством угрозы наказанием. В этом смысле, естественно, Дхармашастры можно назвать сводом законов, а их природу — правовой. Э. А. Калинина считает, что Дхармашастры — это «своеобразные своды законов, регламентирующие различные стороны государственно-правовой, общественной и личной жизни древнего индийца»¹.

Безусловно, предметом Дхармашастр выступала этическая модель поведения индийца, иными словами, «разработывавшаяся веками система воззрений, которая содержала детальные предписания на все случаи жизни»². Однако это не означает, что правовые нормы так же, как и религиозные, являлись в контексте Дхармашастр лишь компонентами этики. Наоборот, из содержания всех Дхармашастр видно, что и этические нормы, и религиозные ритуалы, и традиции находятся под охраной правовых норм. Вообще, без правового содержания вряд ли можно представить себе не только Дхармашастры, но и любые писания этического и религиозного содержания.

¹ Калинина Э. А. Истоки индийского права // Правоведение. 1979. № 1. С. 76–81.

² Самозванцев А. М. Правовой текст дхармашастры. М., 1991. С. 6.

Так, во всех Священных Писаниях (Библия, Евангелие, Коран) этические, религиозные и правовые нормы сливаются. Итоги изучения литературы Дхармашастр и содержание их юридических глав подвел Ю. Йолли¹ в книге «Право и обычай» (1896 г.). Он подчеркивал, что Дхармашастры — частные сочинения о праве, от которых нельзя ожидать юридической определенности и точности кодексов. По его мнению, они были предназначены для обучения, а не для практического руководства судопроизводством в каком-то конкретном государстве. Вряд ли в целом можно согласиться с этим мнением, ибо в отличие от Дхармасутр Дхармашастры посвящены юридическим вопросам: хозяйственным, семейно-брачным, уголовно-правовым и т. д.

Ю. Йолли прав в том, что, действительно, в Дхармашастрах отсутствует судопроизводство, т. е. нет судебной системы, ничего не говорится о процедурах судебного процесса. Так, например, функции судьи в Законах Ману, который, кстати, обладал общеиндийским кругозором и был обращен ко всему индийскому народу, выполнял по установлению самого Ману — царь.

В Дхармашастрах тем не менее достаточно четко определены круг преступных деяний и система наказаний. Появление Законов Ману, Яджнавалкья и Нарады как норм или правил поведения и ответственности за них, основанных, безусловно, на религиозных постулатах, было вызвано совокупностью религиозных, политических и социально-экономических предпосылок, среди которых главным являлся внутренний кризис брахманизма. Брахманы² занимают особое место в индусской религиозной литературе. Верховный брахман — существо абсолютное, совершенное, не имеющее формы или образа, вечное, безграничное.

¹ Ю. Йолли — крупнейший специалист конца XIX — начала XX в.

² Брахманы относятся к VII или VIII в. до Р. X.

Брахманы на основах богословия создали систему обрядов и, если можно так сказать, осуществляли идеал религии, состоящий всецело из обрядов религии, имеющей цель в самой себе и почти независимой от богов, которым она служила. Эта религия и есть собственно **брахманизм**, религия брахманов. На это указывают и Законы Ману: «Именно по происхождению брахман — божество даже для богов, а также авторитет для людей, так как для этого основанием является Веда» (гл. II. ст. 85).

Веды также указывают, что «Брахман считается творцом мира, карателем, учителем, благодетелем; нельзя ни говорить ему что-нибудь неблагоприятное, ни обращаться к нему грубо» (XI.35). Основаниями считать брахмана божеством даже для богов являются его происхождение, а также авторитет для людей — это установление Вед (XI.85).

Такое исключительное положение брахмана, определенное Ведами, ставит его в особое положение. Например, убийство брахмана считается великим грехом (IX.235). Веды говорят: «На земле нет поступка, более не соответствующего дхарме, чем убийство брахмана, поэтому царю не следует даже помышлять о его убийстве» (VIII.381). Убийца брахмана подвергается величайшему мучению даже после смерти (IV.167). Тот, кто только пригрозит брахману убийством, сто лет будет пребывать в аду Тамисра (IV.165).

Веды предусматривают также награду тем, кто, рискуя своей жизнью, спасает брахмана наряду с коровой. Этот человек освобождается от наказания, если при этом он убивает убийцу брахмана (XI.80).

Помимо брахмана, существует также институт гуру, или религиозного учителя. В чем суть брахманизма?

В брахманизме подробно изложено учение о жертвоприношениях, предназначенное для жрецов, или браманов. Кроме обрядных предписаний, приводится обширный материал, по которому можно определить постепенный рост индусских

религиозных воззрений. В одном из самых интересных учений (Шатапата — Брамене) есть древнее предание о потопе, напоминающее потоп из Библии. Рыба предупредила святого человека Ману о том, что потоп сотрет с лица земли все живое, но ему, Ману, суждено спасти род человеческий. Он должен был построить корабль и войти в него, когда вода начнет подниматься.

В IX в. до н. э. некоторые браманы царства Куру начали реформу, которая систематически устраняла всякое насилие из религиозного ритуала. Таким образом, начала возникать новая духовность, в которой прослеживались три взаимосвязанные темы: **дукха**, **мокша** и **карма**. Люди воспринимали жизнь как дукха (страдание), что означает неизбежный удел человека, начиная от травмы рождения до смертных мук; и даже смерть не приносила облегчение, ибо все и вся вовлечено в бесконечный цикл (сансару) перерождений, а значит, одни и те же беды возвращаются вновь и вновь. Чтобы предупредить общество от насилий, убийств, воровства и других агрессивных и эгоистических явлений, было переосмыслено понятие кармы и сансары: на хорошее перерождение можно надеяться, лишь строго соблюдая дхарму своего класса. При этом особое внимание было уделено познанию внутренней сущности бытия самого человека, чтобы обнаружить свое «я» и отменить его, что приведет к освобождению человека от агрессивного поведения, от совершения преступлений, насилий и т. д. Помимо этого, чтобы как-то предотвратить людей от этих социально опасных деяний, в Индии стали заниматься йогой, полагая, что, если йогин настойчив, он приближается к окончательному избавлению от качеств агрессии, жестокости и эгоизма, которые и являются источниками, причинами убийств и насилий. Для этого мудрецы Упанишад разрабатывают сложную мифологию, делая акцент на ненасилии. Они учили, что никакие дышащие, существующие, чувствующие существа нельзя убивать, мучить, изгонять, оскорблять, обижать.

Учение Махавира («великий герой»), так же как учение Будды (они жили в одно и то же время), основаны на ненасилии. И Махавир, и Будда достигли состояния, которое называли **ниббана**, т. е. когда агрессия, эгоизм и все отрицательные черты человека, его омрачающие, «угасают» как пламя. Источник насилия, убийства, жестокости, воровства они видели в сущности человека, от которых можно избавиться посредством не наказания и принуждения, а их учения «о ненасилии».

Брахманизм пережил глубокий кризис и, значительно трансформировавшись, выдержал конкуренцию с неортодоксальными течениями и сумел наиболее полно удовлетворить общественные потребности. Сохранив Веды в качестве Священных текстов, унаследовав у ведизма и развив представление о варновом устройстве общества, включив местные культы и верования в освященную веками брахманистическую традицию и, наконец, став для общества настоящей духовной опорой, вернув народу истинную веру, необрахманизм к IV–V вв. н. э. трансформировался в индуизм, который занял прочное место в жизни индийского общества¹.

Дж. Неру отмечал, что брахманизм — «национальная религия, взывавшая ко всем тем глубоким инстинктам, национальным и культурным, которые образуют повсюду основу национализма в наши дни»². Именно брахманизм, отмечает далее Дж. Неру, всякий раз в период политических потрясений в жизни индийского общества становился «символом возрождения национализма»³.

¹ См.: *Безносова Я. В.* Дхармашастры Ману, Яджнавалькьи и Нараты как источники нормативного регулирования общественных отношений в Древней Индии. II в. до н. э. — V в. н. э. (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2018. С. 30.

² *Неру Дж.* Открытие Индии. Кн. I. М., 1989. С. 211.

³ Там же. С. 212.

2.1. Законы Ману. У каждого народа существовал свой писанный или неписанный свод правил, начиная от «табу» туземцев до юридически прописанных Законов Хаммурапи, Закона двенадцати таблиц, Законов Солона. У индусов письменные своды законов имели название «**Законы Ману**», «**Яджнавалкья**», «**Нарада**», «**Вишну**». Источниками Законов Ману являются не только Священные откровения — Веды и Священные предания, но и образ жизни знающих Веду, а также поведение добродетельных людей. Под понятием «добродетельные люди», по-видимому, следует понимать что-то очень близкое к понятию «поведение знающих». Источником считается и самоудовлетворение, т. е. уверенность человека в том, что его действия добродетельны. Об этом говорят сами Законы (II.6).

В этих Законах указывается, что они были открыты людям Ману, божественным существом, имя которого таинственным образом связывается с созданием мира. Они называются книгами законов главным образом потому, что содержат в себе правила поведения, определенные с величайшей точностью. В основе этих законов лежат Веды — вечное око предков, богов и людей. Предписание Вед непостижимо и неизмеримо (XII.94).

Кто такой вообще Ману? Почему эти Законы носят его имя? Имя Ману упоминают древнейшие памятники индийской словесности и религии: Веды, Пураны, Махабхарата, Рамаяна. Законы Ману поэтому можно отнести к тем правовым памятникам, в основе которых лежит религия. В Ведах Ману сын Вивасвата (света) — брат Ямы. А Яма — первый человек, который умер, и царь духов предков. **Ману** — первый человек среди живых людей и царь живущих в этом мире.

В пуранах и эпосе насчитывается 14 Ману. Первый Ману Сваямбхува (мудрый, потомок «самосущего, сын Сваямбхува — самосущий»). В преданиях говорится о многих Ману; первый из них происходил от брахмы и является прародителем всего

живого на земле. Ему и приписывается эта Дхармашастра. Интересно познакомиться с процессом появления этих Законов. Великие риши¹, приблизившись к Ману, попросили Его сказать им точно и в должном порядке дхармы всех четырех варн (сословий) и варн, имеющих смешанное происхождение.

Свой нынешний вид Законы Ману приобрели не сразу, а в результате длительного развития индийской нравственно-правовой и религиозной традиции. Столетиями эти традиции сохранялись в устной форме. Кстати, и все Священные Писания — Библия, Евангелие, Коран, так же, как Законы Ману, достаточно долгое время существовали в устной форме. Текст Законов Ману, как полагают ученые, окончательно сложился во II в. до н. э. — II в. н. э. Дхармашастра Ману — сборник таких предписаний члену общества, исполнение которых считается в соответствии с господствующей системой взглядов и религий добродетелью. Поэтому Дхармашастры, в том числе Ману, были только основой законодательства, но отнюдь не кодексами самих действующих законов.

Законы Ману, или Манавад-хармашастра, — самый известный широкому кругу читателей памятник древнеиндийской литературы. Вильям Джонс считает, что законы индусов вдвое древнее, нежели законодательство Солона и Двенадцати таблиц в Риме. Он видит аналогию между этой книгой законов и римскими Институциями Юстиниана и в то же время относит ее к такой отдаленной эпохе, как 1280 г. до Р. Х. Некоторые ученые, однако, в том числе известный английский юрист и историк права Г. Мэйн (1822–1888 гг.), не согласны с этим утверждением².

В результате всех исследований ни одной книге не приписывалось столь различных дат ее происхождения, как это было

¹ Риши — святые, которым приписываются тексты Вед.

² См.: Мэйн Г. Древний Закон и обычай. Исследования по истории Древнего права. М., 2019.

с Книгой Ману. Если, как уже отмечалось, В. Джонс относит ее появление к 1280 г. до Р. Х., то Шлегель — к 1000 г. до Р. Х., Эльфинстон — к 900 г. до Р. Х., Монье Вильям — к V в. до Р. Х., Макс Мюллер — не ранее, чем к 200 г. до Р. Х., а Бернелл вообще считает, что дата первоначального текста — 400 г. до Р. Х., а нынешнюю его редакцию приписывают XI или даже XIV столетию н. э. В нашу задачу, естественно, не входит определение точной даты возникновения Законов Ману, хотя косвенное отношение к предмету нашего специального исследования это имеет.

В Законах можно найти нормы, предписания, касающиеся всех сторон человеческой жизни и людского общежития Индии, правила поведения во всех жизненных ситуациях, законы рождения и смерти, брака и семьи, сословий (варн) и т. д.

Книга Ману хотя и называется Законом и содержит много различных законодательных норм, регулирующих все стороны жизни индусов, в том числе уголовно-правовые отношения, но по существу своему есть свод ритуальных предписаний, определяющих должностные обязанности жрецов и верующих в обыденной жизни. В этом и заключается соединение закона с религией, которое свойственно не только Законам Ману, но и другим религиозным книгам — Библии и Корану.

Особое внимание в Законах Ману уделяется различению деяний (дхарму) от адхармы — т. е. противоположное дхарме (I.26). Следует обратить внимание и на то, что Ману считает **Веды** откровением, т. е. Божественным, а **шастры** — преданием, содержащим предписания, подготовленные человеком.

Ману в этой шастре, т. е. в Священных преданиях (Законе), объявляет вечные дхармы страны, дхармы каст, дхармы семей, дхармы еретиков (поступающих незаконно) и общества. Корень дхармы — все Веды.

Г. Мэйн пишет: «Нет буквально ни одной системы права, от Китая до Перу, которая при первоначальном возникновении не включала бы в себе суммы религиозных предписаний

и ритуальных правил»¹. Вообще, вся Книга Ману заполнена ритуалами. Например, брачный обряд считается для женщин равным ведийскому ритуалу; служение мужу — жизни у гуру, домашнее хозяйство — поддержанием священного огня (II.67). Ману даже советует, какую девушку следует брать в жены. Так, рекомендуется исключить девушек рыжих, имеющих лишний член (например, шесть пальцев), болезненных, безволосых, слишком волосатых, болтливых, красноглазых (III.8). Детально регламентируются отношения между супругами. Закон даже рекомендует для желающих иметь сына соединиться с женой в надлежащее время, в четные дни, а для тех, кто хочет дочь, — в нечетные дни (III.48).

Рассказывается очень подробно о том, какая жертвенная пища пригодна на долгое время или на вечность (III.266). Следует заметить, что об этом говорится и в Священных Писаниях — Библии и Коране. Так, следует воздержаться от меда, мяса, духов, приправы, женщин. Это правило относится к ученику, живущему у гуру (учителя).

Особое внимание уделяется образу жизни и деятельности брахмана (XI.98). Законы считают брахманов, кшатриев и вайшьев — три варны — дважды рожденными, четвертая же варна — шудры — рожденными один раз (X.4). Это положение определяет социальное положение, объем прав и содержание ответственности этих сословий. Например, запрещается смешение крови варн, ибо считается, что та страна, где появляются смешения, портящие варны, быстро погибает вместе с обитателями (X.61).

Большое место уделяется институту брахманизма и посвящению в брахманы. Жизнь и поведение брахмана отличается от жизни и поведения обычных людей. Так, в ст. 56 главы II

¹ Мэйн Г. Древний Закон и обычай. Исследования по истории Древнего права. С. 4.

говорится: «Пусть он никому не дает остаток и не ест в промежутке (обычным был прием пищи дважды в день — утром и вечером. — *И. Р.*); пусть не ест слишком много и не отправляется куда-либо, не очистившись (после еды)». Таким образом, обобщив сказанное, можно заключить, что Законы Ману — это законы священного происхождения глубокой древности и равно обязательные для всех индусов. Они были открыты людям Ману, Божественным существом, имя которого таинственным образом связывается с созданием мира. Содержание книги можно охарактеризовать следующим образом: начав с изложения религиозных гимнов, определения правил благочестия, религиозного ритуала и богословского мирозерцания, Законы доходят до изложения правил поведения и подробного определения того, что благочестивый человек должен делать, что случится с ним, если он не сделает должного, и каким образом он может искупить свое прошлое и стать снова человеком благочестивым. Г. Мэйн полагает, что Книга Ману, которую В. Джонс прославил в Европе, не является ни руководством к религиозному ритуалу, ни юридическим трактатам, т. е., по его мнению, эта книга не может считаться чисто религиозной или же чисто юридической. На самом деле он считает, что Законы Ману — книга смешанного юридического и религиозного содержания. В этом Г. Мэйн прав, ибо она хотя и содержит много правовых норм, в том числе и уголовно-правовых, но по существу своему есть свод ритуальных предписаний. Это и есть соединение закона с религией, что и присуще всем священным книгам. Тем не менее Книга Ману так же, как и другие поздние законы — Вишну, Нарады, повествует больше о ритуалах, чем о деяниях, которые сейчас мы называем преступлениями, и гораздо больше о правилах покаяния, нежели о наказаниях. Вот почему, по нашему мнению, эти законы индусов более религиозные, ритуальные, чем правовые. Однако это не значит, что они не заслуживают названия Кодекса, как утверждает Г. Мэйн.

В подобном случае и Закон Моисея также нельзя считать законом. В принципе, действительными законами следует называть те книги, которые полностью освобождаются от религиозных ритуалов, что практически невозможно себе представить в писаниях у всех народов древности.

2.2. Нарада. Началом светского законодательства стал союз между браминами и царем, ибо стало ясно, что для регулирования индивидуального поведения человека лучше влиять непосредственно на правителей; таким образом, царь был призван оказывать помощь браминам, которые взамен придали священный характер его власти.

В качестве такого примера можно назвать трактат более поздний — **Дхармашастры Нарады**, который является уже почти всецело светским, гражданским кодексом, очень интересным по своему содержанию.

Нарада — широко известный древнеиндийский мудрец, которому приписывались многочисленные сочинения. Во введении Дхармашастры Нарады говорится о том, что Благословенный Ману, изложив в книге все темы, начиная с сотворения мира и кончая описанием рая и ада в ста тысячах стихах и в тысяче восьмидесяти разделах, передал ее божественному мудрецу Нараде. Нарада утверждает, что Благословенный Ману создал книгу для блага всех живых существ, являющуюся основой правил жизни. Для чего было необходимо установление правил жизни вновь, если уже существовала Дхармашастра Ману?

Трактат Нарады считается более поздним произведением, чем Книга Ману, и датируется IV–V вв. или даже VI в. Следует особо подчеркнуть, что Нарада во введении ссылается на Закон Ману и упоминает Бхаргаву, а это свидетельствует о знакомстве автора с Дхармашастрой Ману. Поэтому не удивительно, что Нарада достаточно активно использовал труд своего предшественника. Тем не менее эти две книги отличаются друг от друга, хотя и имеют ряд общих стихов

и фрагментов, весьма близких по форме и содержанию. Нарада приводит более детальные перечни преступлений, более широко и ясно излагает судебные дела и т. д. Поэтому можно утверждать, что в отличие от Ману, Нарада делает шаг вперед в отделении правовых норм от религиозно-этических. Все это дает основание утверждать, что Дхармашастра Нарады — важнейший памятник именно юридической мысли Древней Индии, в котором вовсе не рассматриваются обряды, религиозные искупления, обычаи т. д.

Г. Мейн замечает, что, если бы первым сочинением в этой отрасли индусской литературы, переведенным на западные языки, была Книга Нарады, на нее посмотрели бы просто как на юридический трактат, и следы жреческого влияния, находящиеся в нем, вероятно, не обратили бы на себя внимание¹.

И далее: «Нечто аналогичное могло повториться и в правовой истории Западной Европы, если бы канонистам удалось одержать верх над цивилистами. Система, которая была предложена ими, отдала бы, по всей вероятности, предпочтение покаянию перед уголовным наказанием»².

И это справедливое утверждение, ибо трактат Нарады является достаточно зрелым правовым актом, свидетельствующим о высоком уровне правовой культуры их составителя. То, что Дхармашастра Нарады — важнейший памятник юридической мысли Древней Индии, известно очень давно. Этим в первую очередь определяется внимание к нему историков и правоведов. Этот сборник, таким образом, является одной из наиболее ранних дхармашастр, целиком посвященной уголовно-правовым отношениям в обществе и судебным делам. Оставляя в стороне религиозную часть, т. е. все, что относится к катехизму и ритуалу, Нарада рассматривает исключительно юридическую часть закона и старается обосновать ее путем логики.

¹ Мейн Г. Указ. соч. С. 32.

² Там же. С. 33.

§ 2. Этико-правовая и религиозная сущность преступления и наказания в Дхармашастрах

1. Законы Ману отделяют понятие преступления как деяние общественно опасное от греха как деяния, последствия которого носят чисто личный характер по отношению к виновному.

Ряд одновременных греховных деяний выступает в статусе преступных. Поэтому складывается впечатление, что невозможно усмотреть различия между сферами светского и духовного. Например, в норме Законов Ману сказано: «Люди, совершившие грех, но наказанные царями, идут на небо, будучи чистыми, как и благочестивые, совершившие добрые дела» (VIII.318). Тем не менее Закон проводит определенную грань между представлениями о греховном и преступном. Ману делит все деяния человека на три вида: происхождение от мысли, от речи и от тела. Преступлением считаются всякое насилие, всякое сексуальное запрещенное поведение, оскорбление словом и делом, спор о границе земли, клевета и оскорбление и многие другие деяния, наносящие вред нравственно-правовым и религиозным устоям общества. Даже умерщвление червей, насекомых и птиц, употребление пищи, находящейся поблизости от спиртного, кража плодов, топлива, цветов и отсутствие самообладания считаются преступлениями (XI.71).

Особое место занимают преступления в сексуальной сфере: многогранно и системно охраняются семейные устои посредством объявления многих сексуальных деяний преступлениями. Поэтому за все деяния, связанные с сексуальностью, предусмотрены самые строгие наказания: «Вследствие приверженности к мужчинам, непостоянства природного бессердечия они (т. е. женщины. — *И. Р.*) в этом мире изменяют мужьям, даже тщательно охраняемые» (IX.15). Зная такую природу женщин, созданную Прадшапати, Закон всякому человеку рекомендует

предпринимать крайнее старание к их охране. Ману оставил на долю женщин ложе, сиденье, украшение, похоть, гнев, подлость, зловредность характера и дурное поведение. Тем не менее Ману дает большую оценку тем женщинам, которые, будывая мысли и тело, не изменяют мужу. Эти женщины после смерти миров достигают мужа и называются добродетельными «садхви», т. е. «почтенными» (IX.29). За прелюбодеяние, по Законам Ману, так же как во всех религиях, предусмотрено самое крайнее наказание — смертная казнь. За измену мужу жена не только наказывается в этом мире, но и порицается и после смерти: она возрождается в утробе шакала и мучается от ужасных болезней (IX.30). В целях предотвращения прелюбодеяния предлагается обеспечить жену средствами существования, в особенности тогда, когда отлучаешься в дальние края, ибо даже добродетельная жена, мучимая недостатком средств существования, может согрешить (IX.74). Закон запрещает любезничать, заигрывать с чужими женами, прикасаться к их украшениям и одеждам, ибо все это считается прелюбодеянием. Виновный в прелюбодеянии заслуживает смертной казни (VIII.359). Однако это наказание не может применяться к брахманам. Обращает на себя внимание порядок исполнения наказания за это преступление. На женщину, изменившую своему мужу, царь должен приказать спустить собаку на многолюдном месте, а мужчину-преступника пусть прикажут сжечь на раскаленном железе. Ману не забывает также и мужчин, намекая: «...каков муж, таковой считается и жена» (IX.30). Законы Ману подтверждают тот факт, что мужчины созданы, как и женщины, т. е. по их образу, — значит, эти качества присущи и им. Одно из самых важных достоинств Законов с точки зрения уголовного права заключается в установлении квалификации преступлений. Так, например, грабеж — деяние, совершенное в присутствии собственника и сопровождавшееся насилием. Если же оно (деяние) совершено в его отсутствие

(собственника), то это считается кражей (VIII.332). Под преступление подпадают также любые азартные игры, в том числе битье об заклад (петушинные бои). По мнению Ману, эти пороки (деяния) — причины разрушения царства для государства. Поэтому игры и битье об заклад расцениваются как открытая кража. Считается преступлением и наказывается изгнанием из города также деятельность людей, принадлежащих к еретическим сектам, к которым относятся, по Законам Ману, буддисты и хулители Вед. Одна из групп дел, которые рассматривает царь ежедневно, основываясь на обычаях страны и указаниях шастр, — спор о границе, клевете, оскорбление действием, кража, насилие, а также прелюбодеяние. Из содержания Законов Ману усматривается, что существуют даже тюрьмы, которые должны быть помещены вблизи главной улицы, где все могут видеть страдающих и обезображенных преступников (IX.288).

При исследовании причин и механизма преступного поведения человека, на наш взгляд, следует обратить особое внимание на положение Ману о том, что «в этом мире никогда не увидишь что-либо, сделанное при отсутствии желания (награды); ведь все, что (человек) делает, исполнено из желания» (II.4). Но как не поддаваться этим злым, противоправным желаниям, которые и приводят человека к совершению преступления?

Закон перечисляет группу пороков, которые порождаются желанием: охота, игра в кости, злословие, женщины, пьянство, пение, музыка, танцы и бесцельное путешествие. Есть также группа пороков, порожденных гневом: доносительство, насилие, вероломство, зависть, гневливость, нарушение прав собственности и оскорбление словом и палкой. Человек вкушает плод совершенного деяния — доброго или дурного так: умом — совершенное умом, словом — совершенное словом, телом — совершенное телом (XII.8). Поэтому, чтобы избавиться от этих злых противоправных желаний, которые порой

приводят человека к преступлениям, необходим контроль над словом, контроль над мыслями, а также контроль над делами. Любое деяние, происходящее от мысли, речи и тела, бывает чистым или нечистым. Хорошее, посредственное, дурное телесное действие возбуждается умом, имеющим три местопребывания (мысль, слово, дело) и десять признаков — алчность к чужой собственности, приверженность к ложному, оскорбление, ложь и т. д. (XII.3–4). Посредством внутреннего «я» человек испытывает и хорошее, счастливое, и дурное. Законы Ману при определении источника причины поведения человека придают исключительное значение чувствам, т. е. исходят из того, что человек в состоянии поддаться своим чувствам и совершить любое недостойное противоправное деяние. Так, например, ст. 215 гл. II гласит: «Не следует оставаться в уединенном месте с матерью, сестрой или дочерью; ведь чувства могущественны, они увлекают даже ученого».

Ману придает особое значение обузданию разума, вступающего в контакт с соблазнами внешнего мира, ибо утверждает, что, когда он обуздан, как возница коней, становятся обузданными все человеческие органы: ухо, кожа, глаза, язык, нос, задний проход, орган деторождения, руки и ноги, органы речи (II.88, 92).

Поведение человека, в том числе преступное, зависит от его разума. Поэтому Ману считает преступление волевым решением человека. Однако в ст. 160 главы IV он утверждает, что «все зависящее от чужой воли, — зло, все, зависящее от своей воли, — благо». Этот вывод подтверждается следующими нормами Законов: «Вследствие привязанности к чувственным удовольствиям человек, несомненно, идет ко греху, но, обуздывая его, — добивается успеха» (II.93). Ману даже определяет пути, способы удержания от греховно-преступных привязанностей к чувственным наслаждениям. Эти органы, греховные (вследствие привязанности) к чувственным наслаждениям, можно

обуздать не столько воздержанием, сколько постоянным стремлением к знанию» (II.96). Этим подчеркивается положительная роль мудрости, образования, воспитания над всеми органами чувств. Особо при этом отмечается роль мудрости, которой принадлежит роль старательного обуздательства, противоядия органов чувств, могущих быть источниками преступных деяний. Ману обращает внимание потенциальных преступников на то, что все, что они совершают, известно и что злодеи пусть думают: «Никто не видит нас», но их видят боги, а также их совесть. Небо, земля, вода, душа, луна, солнце, огонь, яма, ветер, ночь, утренние и вечерние сумерки и дхарма — знают поведение всех одаренных телом существ» (VIII.85, 86). Это означает, что человек не может скрыться от совершенного преступления. Важность данной нормы в целях профилактики предупреждения преступности не вызывает сомнений. Помимо богов, знает о совершенном деянии также совесть человека: «Если ты, добродетельный, думаешь я — один, (то знай, что) у тебя в сердце постоянно находится совесть — наблюдатель за заслугами и дурными делами» (VIII.91).

2. По Законам Ману, «наказание — царь, оно — мужчина, оно — вождь, и оно — каратель; оно считается обеспечением четырех ашрам» (VII.17). Наказание правит всеми людьми. Наказание же охраняет. Наказание бодрствует, когда все спят; мудрые объявили наказание (воплощением) **дхармы**¹ (VII.18). «Если бы царь не налагал неустанно наказание на заслуживающих его, более сильные изжарили бы слабых, как рыбу на вертеле» (VII.20). В то же время Ману отмечает справедливое, наложенное надлежащим образом наказание, ибо если оно назначено должным образом, то наказание радуется весь народ, и, наоборот, несправедливо наложенное наказание губит все.

¹ В данном случае дхарма, имеющая, как отмечалось, множество значений, понимается как долг, естественный закон.

Так, в ст. 127 главы VIII сказано: «Несправедливое наказание губит честь и разрушает славу среди людей, а в другом мире лишает неба, поэтому следует всегда избегать этого».

Ману подчеркивает также угрожающую, возмездную сущность наказания, которая и способна подчинить весь мир этому страху. Утверждается, что трудно найти человека чистого; ведь только из страха наказания весь мир служит пользе. Поэтому закон определяет наказание как черное, красноглазое средство, уничтожающее преступников, обладающее великой энергией. Примечательно, что слово «наказание» в Законах начинается с большой буквы, что свидетельствует, как мы отметили, о значимости и важности этого средства. Наказание выступает главным средством, при помощи которого царь обеспечивает соблюдение каждым подданным своей дхармы, ведь люди изначально, по своей природе, порочны и не могут «соблюдать священный закон» иначе как под страхом наказания. Дхармашастры предупреждали, что если бы царь не налагал наказание на тех, кто этого заслуживает, то нарушился бы основополагающий принцип построения общества — принцип несмешения варн: «Брахман оставил бы благочестие, кшатрий лишился бы власти, свои дела покинул бы вайшьье, шудра поднялся бы над всеми» (VII.26, 28, 94). В то же время действие религиозных начал четко усматривается не только в сфере поведения человека, оно касается института наказания: если любое преступление выступает одновременно и как грех, то, значит, оно влечет не только светское земное наказание, но и испытание после смерти мук и ад и возрождение в следующей жизни в нечеловеческом облике либо на статус ниже по социальной лестнице, если правонарушитель не искупил свою вину. Представляет интерес подход Дхармашастр к ответственности за грехи и преступные деяния в зависимости от социальной принадлежности (варны) провинившегося. Тяжесть религиозной ответственности представителя той или иной варны согласно Законам

(Дхармашастрам) прямо противоположна тяжести, предусмотренной для данного сословного представителя уголовного наказания. Грех более высокий и тяжелый для тех, кто более просвещен и знающ, чем простой люд. Логика простая: представители каждой варны (сословия) в духовно-нравственном развитии отличаются друг от друга. Следовательно, средства воздействия на них, т. е. наказания в случае совершения преступления, будут эффективными, если учитывать духовно-нравственное развитие членов данной варны. Так, для брахмана наибольшую тяжесть будет иметь не физическое наказание, а духовное, ибо он представитель высокой морали и нравственности. Именно поэтому по закону в отношении брахмана не применяется смертная казнь за любое тяжкое преступление, которое он совершит. Напротив, обычный, простой человек, представитель низшего сословия, не способный подобно брахману глубоко осознавать суть совершенного греха, нуждается в целях исправления и перевоспитания в более суровом физическом наказании.

По Законам Ману человек освобождается от греха, раскаявшись после его совершения, если он не совершит преступное деяние вновь, ибо человек очищается прекращением совершения греховных действий (II.231). Для очищения всегда должно быть исполнено покаяние, так как неискупившие грехи рождаются вновь позорными знаками. Так, укравший золото, как следствие этого, приобретает болезнь ногтей, пьяница — черноту зубов, убийца брахмана — чахотку, осквернитель ложа гуру — болезнь кожи и т. д. (II.49). Законы Ману объявляют великими грехами убийство брахмана, пьянство, кражу, прелюбодеяние с женой гуру и даже сообщество с такими преступниками (II.55). Каким же образом смываются грехи? Ману перечисляет следующие формы очищения от греховных деяний: жить в лесу 12 лет — за убийство брахмана или добровольно стать в сражении мишенью для воинов; трижды бросаться вниз головой в пылающий огонь; в течение пяти суток пить молоко,

вскипяченное с растением шанканушни; пить три дня воду с травой куша за прикосновение к пьянящему напитку; пребывать в аду сто лет и т. д.

Книга Ману, как и все священные книги индусов, обращает особое внимание именно на загробное наказание, а точнее возмездие, которое состоит из различных испытаний, из коих некоторые соответствуют непосредственной каре в небесах или в аду. Г. Мэйн отмечает, что «самый строгий английский юрист, для которого санкция — важнейшая сторона закона, не мог не одобрить той абстрактной теории наказаний или уголовных санкций, которая изложена в своде Ману»¹.

Индусские верования касательно загробной жизни человека и буддистское учение, которое в существенных чертах вышло из них, отличаются от западных представлений тем, что переселение души имеет в них важное значение, как и прямые наказания, а также тем, что кары во всех своих формах признаются не вечными, но временными по существу. Установлены различные виды конкретных наказаний в загробной жизни: двадцать первая область чистилища, где души скитаются по лесным дебрям, в которых листву заменяют острые мечи, или девятнадцатая, где он блуждает по дурным и неровным дорогам, и т. д. Пребывание грешной души в каждом из этих мест наказания всегда срочно.

В главе 12 излагается довольно подробно порядок переселения души: одаренные благостью идут к состоянию богов, одаренные страстью — к состоянию людей, одаренные темнотой — всегда к состоянию животных — таков тройкий вид перерождений. Убийца брахмана, к примеру, входит в утробу собаки, свиньи, осла, верблюда, коровы, козы и т. д. Человек, похитивший зерно, делается крысой; воду — водяной птицей; сок — собакой и т. д.

¹ Мэйн Г. Указ. соч. С. 31.

Человек, силой отняв ту или иную чужую вещь, делается животным. Предусмотрено также наказание и для брахмана — вора: пройти тысячекратно путь паука, змеи, животных,двигающихся в воде, и т. д. (XII.40). Как видим, для брахмана — просветленного наказание религиозное, божественное более тяжкое, в то время как светское, наоборот, значительно мягче. Вся суть (религиозного) переселения души в индуизме заключается в очень простой логике, имеющей не только нравственную основу, но и большую правовую направленность: «Правильно живущий по этим (предписаниям) достигает бессмертного состояния, а в этом мире “достигает (исполнения) всех задуманных желаний”» (II.5). Далее: «Ибо человек, следуя дхарме, объявленной в Священном откровении и Священном предании, достигает в этом мире славы, после смерти — наивысшего блаженства» (II.9).

В индуизме последствия возникают за действиями без какого бы то ни было сверхъестественного вмешательства. А это значит, что согласно закону кармы преступление влечет за собой кару, возмездие. **Карма** — одно из кардинальных положений индийской религиозно-философской мысли, роль которой в истории всей индийской цивилизации едва ли можно переоценить. Суть ее в том, что сумма злых и добрых дел каждого человека (его карма) определяет форму последующего рождения, т. е. хорошая карма гарантирует удачное рождение, а скверная карма ведет к тому, что человек в новой жизни возродится изгоем, рабом, животным, червяком, кошкой и т. д. Злодеяния, преступления, насилия — скверная карма. Нетрудно понять, что идея кармы положительно противодействовала злу и преступлению и в то же время способствовала совершению добра. Это еще раз подтверждает мысль о том, что любое поведение человека, в том числе и преступное, зависело только от самого человека, от его свободной воли. Л. С. Васильев отмечает, что «идея кармы имела огромное психологическое значение, став

регулятором индивидуального и социального поведения многих поколений индийцев. С одной стороны, она была могучим стимулом, диктовавшим соблюдение высоких этических стандартов, определяющих характерное для индийца заботливое и благожелательное отношение к природе, к «братьям нашим меньшим», в каждом из которых можно было ожидать увидеть переродившегося человека, может быть, недавно умершего и горячо любимого родственника или друга. С другой стороны, она уводила людей в свой индивидуальный угол, побуждала их к эгоистическому стремлению улучшать свою карму, заставляла угнетенных и несчастных не роптать — сами виноваты»¹. Итак, действия и их последствия, по индуизму, определяются кармой. Исходя из этого учения каждое наше действие, в том числе и преступное, каждый производимый нами акт, даже любые мысль и желание формируют наш будущий опыт: «Человек очищается чистыми деяниями, загрязняется нечистыми деяниями»².

Система наказания, по Ману, выглядит следующим образом: сначала следует замечание, после него — выговор; третьим идет штраф и только после этого — высшее — телесное наказание (VIII.129). Возможно применение царем всех четырех видов наказания вместе.

Ману, происшедший от Самосущего, назвал десять объектов наказания: орган деторождения, чрево, язык, обе руки, обе ноги, а также глаз, нос, оба уха, имущество и туловище (VIII.124–125). Тот член, каким человек низшего сословия ударит высшего, именно он (член) у него должен быть отрезан — таково предписание Ману (VIII.279). Иначе говоря, если ударил рукой — значит, будет отрезана рука. У плюнувшего по наглости (на высших) надо приказать вырезать обе губы; у облившего

¹ Васильев Л. С. История религий Востока. М., 2006. С. 468.

² Цит. по: Фишер М. Б. 12 религий, которые меняют мир сегодня. М., 2019. С. 153.

мочой — детородный орган, у испортившего воздух — задний проход. Ни одно преступление не остается без наказания для совершающего преступное деяние: если не на самого преступника, то на сыновей, если не на сыновей, то на внуков. Ясно одно: совершенная дхарма не остается без последствий для ее совершающего.

Наказание в виде смертной казни предусмотрено за похищение родовитых людей и особенно женщин, а также за кражу лучших драгоценных камней. Особое внимание уделено борьбе с воровством. Считается, что кроме наказания ничем невозможно обуздать преступления злонамеренных воров, тайно бродящих на земле. Свод Ману требует от царя проявлять крайнее старание в обуздании воров, от чего его слава возрастает и страна процветает (VIII.302). Для этого он должен использовать следующие меры: заточение, заковывание в цепи и различные виды телесных наказаний. В противном случае, т. е. в случае не наказания воров, по закону царь принимает на себя вину воровства. Царь, который обуздывает воров согласно данным правилам, достигает в этом мире славы, а после смерти — высшего блаженства (VIII.343). Для воров предусмотрено достаточно суровое наказание: отрубает обе руки, сажают на острый кол тех воров, которые совершают кражу ночью, сделав пролом в стене дома. При третьей краже вор заслуживает смертной казни. В целях предупреждения повторных преступлений закон обязывает царя отнимать у вора именно ту часть тела, которой он действует против людей. В качестве наказания воров лишают жизни также посредством растаптывания их слонами.

Книга Ману затрагивает также проблемы употребления мяса, спиртных напитков, а также плотских удовольствий. Считается, что эти вещи составляют образ жизни живых существ, в том числе людей. Поэтому установления Ману носят рекомендательный характер, так же как в начальных посланиях Аллаха

относительно спиртных напитков, азартных игр и одурманивающих веществ. Воздержание от всего этого приносит большую награду.

Под особой охраной Законов Ману находится брахман, а также гуру: «В уста и уши надменно поучающего брахманов их дхарме пусть царь прикажет влить кипящее масло» (VIII.272). «Осквернивший ложе гуру очищается смертью. Для этого он должен лечь на раскаленное, сделанное из железа ложе или пусть обнимет раскаленное изображение женщины. Или, отрезав сам свой член и мошонку и взяв в соединенные руки, пусть идет в страну Ниррити, пока не упадет мертвым».

Довольно большое внимание уделяется значению и роли царя, излагаются его дхармы: какой образ жизни следует ему вести, каково его происхождение и предназначение. Предусмотрено, что, так как царь был создан из частиц лучших из богов, он блеском превосходит все живые существа. Его нельзя презирать, даже если он еще ребенок, так как он — великое божество с телом человека (VII.5, 8). Царь создан Владыкой для охраны всего мира. Для этого с самого начала Владыка создал сына — Наказание, охранителя всех живых существ. Царь, желающий достичь местопребывания Индры и нетленной славы, пусть не упускает даже мгновения для наказания человека, совершившего насилие, ибо Ману считает преступника, совершившего насилие, более худшим злодеем, чем ругатель, вор и ударивший палкой.

Законы Ману не забывают также о нравственной стороне наказания, утверждая, что «люди, совершившие преступление и наказанные царями, идут на небо, будучи чистыми, как и благочестивые, совершившие добрые дела» (VIII.318).

Итак, Книгу Ману можно охарактеризовать следующим образом: 1) отсутствие четкого перечня преступлений и четкой системы наказаний; 2) особая жестокость и дикость сути наказания.

Дхармашастры Нарады как закон содержит более детальные перечни категорий преступлений и мер наказаний. В отличие от Ману, Нарада делает большой шаг вперед, рассматривая собственно право отдельно от религиозно-этических наставлений, и тем самым пытается более четко разграничить понятие греха от понятия преступного деяния. Так, например, даются определения понятий «оскорбление словом» и «оскорбление действием». Наказание налагается в соответствии с преступлением. Известны два вида наказаний: телесное и денежное; телесное — от тюремного заключения и до смертной казни (19.60 (61)). Нарада так же, как Ману, предусматривает десять объектов наказания в отношении трех варн: орган деторождения, чрево, язык, руки, ноги, глаза, нос, уши, грудь и туловище (19.44). Брахмана казнить нельзя. Для него наказание — обрить голову, изгнать из города, нанести на лоб клеймо в соответствии с преступлением и провести на осле. Клеймо предписано для брахмана за четыре вида преступлений: осквернение ложа гуру, питье спиртного, воровство и убийство брахмана. В принципе, считается, что двое в этом мире не могут быть осуждены или наказаны — это брахман и царь, ибо мир этот держится на них двоих. При краже коров, принадлежащих брахману, полагается подрезание ахиллова сухожилия, за похищение рабыни — отрубание ноги до колена. Какой бы частью тела вор ни действовал против людей, именно ее и следует отрубить. За кражу зерна — смертная казнь. За хищение золота, серебра и прочих богатых одежд и драгоценностей более 100 мер — смертная казнь. За похищение мужчины — высший штраф; женщины — конфискация всего имущества; девушки — смертная казнь.

Воры бывают двух видов: похищающие чужое имущество скрытно и открыто. Это есть и в Законах Ману. Трактат Нарады предусматривает в качестве наказания смертную казнь, конфискацию всего имущества, изгнание из города и клеймение, отрубание той части, которой совершено преступление.

Помимо перечисленных видов наказания в Дхармашустрах Нарады предусмотрены и такие наказания, как вырезание языка за оскорбление, нанесенное царю, за жаривание на вертеле за то, что преступник ударит царя. Предусмотрены и такие наказания, как отрезание обеих губ, если низший по рождению по своей наглости плюнет на высшего; отрезание члена, если помочится; вырезание заднего прохода, если выпустит ветры (14.27). Эти наказания с применением насилия именно за такие же преступления существуют и в Книге Ману.

Насилием считается преступное действие, совершенное с применением силы теми, кто кичится силой. Это называется «сахаса», т. е. насилие, ибо слово «сахас» здесь означает силу (14.1). Насилие бывает четырех видов: человекоубийство, кража, нападение на чужую жену и оскорбление. Все эти деяния, включая иные действия, угрожающие жизни, считаются насильями высшего вида.

В Трактате Нарады сказано, что в этом мире восемь священных драгоценностей: брахман, корова, жертвенный огонь, золото, топленое масло, солнце, вода, а восьмая — царь. А кто берет то, что признано царским, — благовония и венки, украшения или одежда и обувь, если это не было (ему) подарено, — достоин казни. За оскорбление, нанесенное царю, — применяется вырезание языка; жаривание на вертеле — за то, что преступник ударит царя.

Царь является и судьей, и исполнителем наказания. Так, глава II (А.37) гласит: «Если люди шудринского происхождения ложно обвиняют дважды рожденных, пусть царь, отрезав им язык, посадит их на кол. Царь, который всегда таким образом (т. е. по справедливости. — *И. Р.*) тщательно рассматривает тяжбы, обретает здесь блистательную славу (а после смерти) достигнет обители солнца» (1.65. А.74).

Если дело рассмотрено неверно, то ответственность несут преступник (четверть греха), лжесвидетели (четверть греха),

судьи, решившие дело неверно (четверть греха), и четверть падает на царя (глава III, II (А.12)). Однако царь освобождается от ответственности, от греха, так же как и судьи. Поэтому весь грех падает лишь на преступника, когда подлежащий наказанию наказан. Царь назначает также испытание ордалиями, если совершено тяжкое преступление, а в случае незначительных проступков заставляют человека произнести клятвы. Ордалии служат средством очищения людей от подозрений. Предусмотрены следующие ордалии: весы, огонь, вода, яд, освященная вода. Описывается порядок и время исполнения этих ордалий: например, ордалия водой предписывается летом, а ядом — в очень холодную пору; для брахмана следует назначить ордалию весами; ордалией для кшатрия является огонь. Правила предписывают испытание посредством жевания зерен риса в случае воровства. Если видна кровь, повреждены десны и тело дрожит, человека надлежит объявить виновным.

Особое и очень четкое внимание в Трактате Нарады уделяется противостоянию деяниям против семьи и нравственности, в частности прелюбодеяниям. Даже свидание, беседа и развлечение с чужой женой наедине в неположенное время или в неположенном месте считаются прелюбодеянием. Закон далее дает характеристику этим признакам. В частности, прелюбодеянием считается встреча у священного источника, в роще или парке; отправка посредницы, посылки, письма и т. д.; трогать женщину за неподобающее место или позволять ей трогать себя; хватать женщину за руку, за волосы либо за одежду. Прелюбодеянием считается также прикосновение к поясу, груди, верхней одежде, бедру, волосам жены другого. Даже пребывание наедине с женщиной квалифицируется как прелюбодеяние. Одним словом, это деяние понимается в довольно широком смысле.

Виды наказания за такое преступление зависят от сословной принадлежности как мужчины, так и женщины. Например,

мужчины в случае прелюбодеяния с женщиной одного сословия наказываются высшим штрафом, а если женщина выше его по сословию, то мужчине — смертная казнь, а женщине — отрезание носа и других частей тела. Вообще следует заметить, что не только текст Нарады, но и все Дхармашастры придают особое значение при определении меры и вида наказания субъекту преступления и личности потерпевшего, а также сословию. И это особо заметно в отношении нравственных преступлений.

Более поздним кодексом по отношению к Законам Ману является **Яджнавалкья** — смрити, которая была переведена на немецкий язык А. Ф. Штенцлером в 1849 г., на русский язык — А. М. Самозванцевым, выпустившим в 1994 г. монографию под названием «Книга мудреца Яджнавалкья». Эта Дхармашастра отмечается четкостью плана в сравнении с текстом Ману.

Треть этой книги, т. е. 100 последних статей, содержит в себе весь уголовный кодекс. Закон сохранил телесные наказания для убийц и воров, причем наказание ужесточается в случае повторения преступления. Неумышленное убийство не подлежит никакому наказанию. Смертная казнь предусмотрена за преступление против царя или государства.

Подводя итог, можно отметить, что все предписания в Дхармашастрах, в том числе правового характера, излагаются таким образом, что, на первый взгляд, не требуют от своего адресата обязательного их соблюдения. Поэтому складывается впечатление, что данные законы — не свод действующего законодательства, а только сборник поучений в добродетели. Однако, как правильно заметила Н. А. Крашенинникова, в Древней Индии обеспечительной силой правовой нормы обладали групповая солидарность и внедренный в сознание масс закон кармы, побуждающий нарушителя нормы поведения к раскаянию в целях очищения от грехов и соответствующего перерождения в новом облике после земной жизни¹.

¹ Крашенинникова Н. А. Правовая культура современной Индии: инновационные и традиционные черты. М., 2009. С. 36.

Важные особенности индийских религий — явственная обращенность вовнутрь, акцент на индивидуальный поиск, на стремление и возможность личности найти собственный путь к цели, спасение и освобождение для себя. Иначе говоря, каждый — кузнец своего счастья. Именно этим и определяется понимание причин преступного поведения человека и сущности противодействия данному деянию — наказанию. Если исходить из сущности индуизма, то это означает следующее: любое поведение человека, т. е. добро и зло, непосредственно зависит только от самой личности, которая потенциально имеет шанс стать рядом с наиболее могущественными силами мироздания — богами и буддами или же превратиться в злодея и стать преступником. Индуизм считает также, что посеянные нами добро и зло мы пожинаем не только в земной жизни, они следуют за нами и после нашей физической смерти, определяя следующее воплощение. С этической точки зрения это, как мы видим, очень строгое учение, ибо каждое наше действие влечет за собой далеко идущие последствия; с правовой — это достаточно эффективное предупредительно-устрашающее средство.

ГЛАВА V

ФИЛОСОФИЯ БУДДИЗМА:

ПРЕСТУПЛЕНИЕ — БОЛЕЗНЬ; НАКАЗАНИЕ — ЗЛО

1. В Древней Индии в VI–IV вв. возникло много различных религиозно-философских течений. Однако особая роль принадлежит буддизму, который поставил под сомнение неоспоримую ценность ведических текстов и высший авторитет традиционных представлений, и в первую очередь касающихся поведения человека в обществе и сущности ответственности за свое деяние.

Философское обоснование религиозных представлений буддизма начало вырабатываться в период становления этой религиозной системы. Нравственно-этическая сфера занимает значительное место в религиозной философии буддизма. Нравственная идея буддизма предстает как абсолютное непричинение вреда окружающему миру (ахинаса), вытекающее из общей мягкости, доброты, чувства удовлетворенности. Буддизм, как религия и философия, оказал существенное влияние на все стороны жизни человека, в том числе на понимание понятий добра, зла, насилия, агрессии и причин их возникновения, а также сущности ответственности за свои деяния. Именно с этих позиций и следует рассматривать вопросы преступления и его причины, а также понятие и сущность наказания.

В чем же состояла философская сущность учения Будды, и как она могла отразиться на понятиях преступления и наказания? Чтобы подойти к рассмотрению поставленного вопроса, необходимо в сжатой форме остановиться на учении Будды. Буддизм давал несколько иное толкование Ведам, но никогда полностью не отвергал их. Выступая против притязаний жрецов-брахманов на исключительность по происхождению

и положению, буддизм отстаивал идею о том, что все сословия древнеиндийского общества имеют сходное происхождение. Буддизм получил поддержку у светских правителей, которые стремились к укреплению своей единоличной политической власти и рассматривали данное учение в качестве основы для противодействия брахманам. Можно заметить, что это напоминает, в некоторой степени, противоречие, которое сложилось между иудаизмом и учением И. Христа в самом начале возникновения христианства. По словам Дж. Неру, буддизм «вдохнул новую жизнь в народ, вскрыл новые источники народной силы и высвободил новые таланты и способности к руководству»¹.

Вообще-то, всегда все новое становится привлекательным для людей, ибо старое через определенное время, тем более если оно длится несколько столетий, теряет свою ценность и свое воздействие на общество. «Новое учение (имеется в виду буддизм. — *И. Р.*), — отмечает Г. М. Бонгард-Левин, — имевшее выраженную практическую направленность, делавшее упор на человека и связывавшее его судьбу с собственными деяниями, выступавшее против резких варновых перегородок, ратовавшее за равенство людей по рождению, привлекло широкие слои населения, и в том числе кшатриев, которые сосредоточивали в своих руках все большую власть, но чувствовали сильное идеологическое давление брахманов»². Гаутаме суждено было совершить решительный переворот и основать великую буддистскую религию, которая оказала существенное влияние на брахманизм. Поэтому современный индуизм можно считать продуктом слияния буддизма и брахманизма. Первое место среди буддийских памятников письменности занимают древнейшие книги на палийском языке, сохранившиеся на о. Цейлон. Они сведены в три сборника, или так называемые

¹ *Неру Дж.* Открытие Индии. Кн. 1. М., 1989. С. 278.

² *Бонгард-Левин Г. М.* Индия эпохи Маурьев. М., 1973. С. 243.

корзины. Наибольший интерес и наибольшие литературные достоинства представляет Дгамманада — Путь добродетели, или Преддверие Закона. Это сборник буддийских афоризмов, пословиц и сравнений, существовавший еще до второго собора, который состоялся в 377 г. до Р. Х.

После семи лет, проведенных в размышлениях и внутренней борьбе, Гаутама объявил себя обладателем совершенной истины и принял титул Будды — пробужденного, просветленного¹. Хотя Будда, несомненно, фигура историческая, мы не собираемся, и в этом нет необходимости, в силу особенности предмета нашего исследования, подробно говорить о биографии основателя буддизма, о различных метафизических системах этого учения, о его морали, о церковной организации, о дисциплине и культе, а тем более об истории и основаниях его появления. В то же время мы не можем пройти мимо основных положений и сути этого учения, ибо не сможем тогда понять отношения буддизма к насилию, к противодействию этому явлению, к целям наказания и причинам преступного поведения человека.

Буддизм получил распространение не только в Индии, но и далеко за ее пределами, начав существование в качестве мировой религии при царе Ашоке. В начале I в. н. э. буддизм был занесен из Индии в Китай, а оттуда — в Корею, Японию и Вьетнам. Как же объяснить полное угасание буддизма в стране, которая видела его зарождение и где он так долго процветал? А. Барт и другие ученые склоняются к мнению, что буддизм погиб от истощения и что причины его исчезновения

¹ Слово «будда» означает «просветленный», «пробужденный» и является нарицательным именем человека, достигшего наивысшей мудрости. Сиддхартха Гаутама (Шакьямуни) — не первый будда и не последний. Тем не менее Будда стало его собственным именем. Учение называется буддизмом в двух смыслах: и потому, что оно основано Буддой, и потому, что оно учит, как стать буддой.

кроются в его внутреннем несовершенстве¹. «Буддизм, — писал Дж. Неру, — детище индийского мышления... имел свой националистический фон. Индия была для него святой землей, где жил, проповедовал и умер Будда, где знаменитые ученые и святые распространяли религию. Но по своей сути буддизм был интернационален, он был мировой религией, и это становилось все отчетливей по мере его развития и распространения»². Именно так объяснил Дж. Неру причину того, почему буддизму не удалось закрепиться на своей родине и стать религией нации.

Итак, буддизм представляет собой, с одной стороны, явление чисто индусское, так сказать, естественный продукт времени и среды, в которых он зародился; с другой стороны, с самого начала он утверждает себя в качестве религии независимой, в которой веет новый дух и в котором мощная личность основателя оставила глубокий отпечаток. В этом смысле буддизм есть дело Будды, так же как христианство есть дело Христа, а ислам — дело Мухаммада. Одновременно происходило обожествление образа Будды, как и образа Иисуса Христа, превращение буддизма в религиозное мировоззрение, как и учение Христа. Буддизм имеет сегодня сотни миллионов приверженцев и является очень заметным, значимым элементом в религиозно-культурном многообразии современного мира. Так, что же собирался проповедовать Будда? Четыре Благородные Истины: истину о страдании, истину о причинах страданий, истину о прекращении страданий, или нирваны, и, наконец, истину о пути к освобождению. Будда был убежден, что свободная от эгоизма жизнь непременно приведет человека к нирване. Монотеисты в этом случае сказали бы — в Царство Божие. Но Будде чужда была идея персонифицированного бога, как

¹ Барт А. Религии Индии. М., 1897. С. 152.

² Неру Дж. Указ. соч. С. 212.

считали, кстати, Эйнштейн и другие великие ученые. Они полагали, что это слишком ограниченное представление, поскольку из него следует, что Высшая Истина — не более чем еще одно существо. Нирвана же — это не персонифицированное существо, не место вроде небес, обителище единого Бога. Иначе говоря, Будде была в высшей степени безразлична персонифицированная божественная сущность. Для него принятие веры исчерпывалось единственной верой в существование нирваны и решимостью доказать это самому себе. Пришло то время, когда индийский буддизм стал приходить в упадок, хотя и сегодня в Китае, а особенно в Японии религия Будды, учение Конфуция и древние верования отцов существуют совместно, не мешая развитию друг друга. Индуизм позаимствовал самые существенные доктрины буддизма, сочетав их с некоторыми собственными образами. Были и другие основания упадка буддизма. Так, люди не хотели принимать правила буддизма, требовавшие безбрачия буддистов, что шло вразрез с одним из сильнейших естественных человеческих инстинктов. И наконец, надо иметь в виду, что буддизм не боролся с брахманизмом за свое существование. К тому же его приверженцы не признавали существование Бога, отрицали откровение, отрицали необходимость молитвы и жреческого сословия. Буддизм был чужд всего показного, всяких торжественных обрядов и пышных церемоний. Он не признавал жрецов, храмов, Верховного существа, тем не менее он привлекал все новых адептов. Поэтому они считались еретиками и преследовались достаточно сурово. Будда с самых первых слов перешел к своей цели: они, бхикшу, т. е. товарищи аскеты, не должны больше называть его «друг», потому что прошлой его сущности нет, она исчезла, и перед ними теперь тот, с кем произошла великая перемена. Теперь он, оказывается, — «Ташхагата», т. е. «Вечно присутствующий», ибо он достиг просветления, познал беспредельное абсолютное

состояние нирваны: «Я буду наставлять вас. Я научу вас своей дхарме!»¹.

Но кто сделал его всевидящим? Какие силы помогли Гаутаме стать Буддой, просветленным? Если иудеи, христиане и мусульмане верят в единого Бога, поклоняются ему и считают, что спасение достижимо для всех путем исповедания грехов и жизни в молитве, Будда доказывал, что спасение достижимо для всех путем очищения от загрязнений и заблуждений, а также жизни в медитации. В отличие от тех, кто верит в некоего отдельного от нас Бога, буддисты убеждены, что Будда, присутствует во всех нас в виде природы или сознания Будды. Как бы мы отнеслись к тому, если Гаутама объявил бы людям так же, как и Моисей, Христос и Мухаммад, о том, что он стал всевидящим и просветленным по велению Всевышнего? В таком случае мы, естественно, признали бы Будду посланником Бога, пророком, а Его учение — Священным Писанием Божиим.

Буддистская этика — учение, раскрывающее суть праведной жизни, — является сердцевиной буддизма. Ее цель — сделать поведение человека более совершенным, добиваться гармонии в отношениях с самим собой и с другими. Произошло обожествление образа Будды, превращение буддизма в религиозное мировоззрение и практику.

Важнейшая истина Будды: вся жизнь есть страдание — духкха. В ней нет ничего кроме мук; жизнь совершенно ужасна. Все рождается и гибнет в круговороте перемен; безусловных ценностей не бывает. Тем не менее освободиться от духкхы можно: для этого нужно вести жизнь, наполненную состраданием и чуткостью, воздерживаясь от всего, что отравляет, дурманит или затуманивает разум.

Будда не верил, что боги могут принести человечеству ощутимую пользу, хотя Он и не отвергал богов, полагая, что Высшая

¹ Дхарма — «долженствование».

реальность нирваны превосходит их. В буддизме нирвана (угасание) означает то же, что в других реалиях Бог.

В буддизме одно событие или феномен действий — причина, влекущая за собой другое. Основная причина в этом процессе — **карма**: действия нашего тела, речи и сознания. Будда объяснял, что наше сознание есть «тонкое, невидимое, коварное»¹.

Будда дал новое определение понятия кармы (поступки): для кармы важны не только реальные поступки, но и то, насколько нравственны рождающиеся в его уме и сердце побуждения. Алчность, ненависть и заблуждение — привод к карме, т. е. к действию, речи и сознанию. Можно ли считать тогда, что источниками преступного поведения являются именно эти свойства человека? Будда отвечает: все, что мы делаем и говорим, управляется нашим сознанием. Следовательно, источник нашего преступного поведения — сознание, которое не очищено и не обучено. Поэтому Будда советует докопаться до «нездоровых» эмоциональных корней нашего сознания и мышления, чтобы выявить причину преступного поведения, корень агрессии и зла. Будда учит, что «злые деяния — суть те деяния, что совершаются из страсти, вражды, глупости и страха. Буддизм объясняет, что следует понимать под «правильным поведением»: не отнимать жизнь, не красть, не прелюбодействовать, не употреблять одурманивающих веществ. Все как в Законе Моисея или Законах Ману, Коране и Евангелии. Иначе говоря, за чистотой помыслов надо следить не менее тщательно, чем за праведностью поступков. Эта философия Будды напоминает понятие и значение хафса (нафса), данное Всевышним Аллахом в Коране, в познании сущности и значения человеческого поведения,

¹ The Dhammapada, Translated by P. Lai, Cit. (см. рус. пер. в Дхармеападе / пер. с пали, введение и комментарии В. Н. Топорова. М., 1960. С. 49).

в том числе преступного. И там (в Коране) намерение человека связано с его сердцем. Намерения человека представляют собой карму (собственные поступки) и, таким образом, тоже имеют последствия — это окончательный вывод Будды. Волевые акты для него — осознанные и бессознательные. Поэтому намерения, как осознанные, так и бессознательные, побуждая человека к действиям, представляют собой ментальные порывы, не менее значимые для кармы, т. е. для поступка, чем реальные поступки. Карма означает действия и их последствия. Каждый производимый нами акт, даже каждая мысль и каждое наше желание формируют наш будущий опыт. Какие действия человек совершает, таким он и становится. Человек очищается чистыми деяниями, загрязняется нечистыми деяниями. Посеянные нами добро или зло мы пожинаем не только в этой жизни; они следуют за нами и после нашей физической смерти, определяя наше следующее воплощение. С этической точки зрения, это очень строгое учение, ведь каждое наше действие влечет за собой далеко идущие последствия. С правовой точки зрения, земные деяния относятся на счет закона кармы, и тем самым предполагается стимул для правомерного поведения, т. е. закон кармы является как бы противостоянием зла, преступления и вообще любого поведения, противоречащего нравственным устоям.

Страдание и неудовлетворенность есть существование духкхи, а желание есть корень духкхи. Духкха может угаснуть, когда угасает желание. Человек чувствует неудовлетворенность, поэтому страдает. Он хочет уничтожения желаний и страданий. Но как? Путем высокой нравственности, мудрости и сосредоточенности. Этот путь позволяет человеку избежать недоброжелательных действий, в том числе преступных.

Будда, в отличие от индуизма, дает свое определение и понимание понятию «дхарма». Если в индуизме дхарма означает скорее правдивость, чем право или же исполнение долга, то

для Будды слово «дхарма» обозначало не то, как есть сейчас, а то, как должно быть. Дхарма Будды не отягощена маловразумительным теоретизированием на темы создания Вселенной или существования Высшего Духа. Он считал, что при всей важности своей эти вопросы не помогут человеку — адепту достичь просветления или избавиться от духкха. Будда рассуждал приблизительно так: какая, в сущности, разница — существует этот мир вечно или был когда-то кем-то создан? Ибо от этого знания скорби, печали и страданий в мире меньше не станет.

Исходя из этой философии, Он предложил свое лекарство, при помощи которого можно избавиться от страдания здесь и сейчас: помочь человеку преодолеть реку страданий и обратиться на «другой берег». А делом самого Будды было облегчить страдания бытия и помочь своим последователям достичь блаженства нирваны. Свое учение Он сравнивал с платой, которая лишь помогает безопасно переправиться через реку, и не стоит тащить ее (плату) за собой, когда река уже позади. Вечного ничего нет, говорит Будда, целесообразность даже самого мудрого наставления со временем исчезает.

В происхождении буддизма и его распространении, а также в сути учения достаточно много схожего с христианством. И буддизм, и христианство возникли там, где уже очень давно существовали признанные этими народами религии на основе Торы у евреев в Израиле — иудаизм, а у индийцев на основе Вед — индуизм. В Израиле христианство не стало второй религией евреев, так же как буддизм, который хотя и родился в Индии, но не стал вечной религией индийцев. Христианство так же, как и буддизм, стало религией для других народов. Индия так же, как Израиль, является страной, где родились две религии.

Вообще, так же, как и в отношении И. Христа, все, что мы знаем о Будде, восходит не к каким-либо документам, а к рассказам, передававшимся от одного поколения его последователей к другому. Многочисленные поучения Будды были записаны,

как и учение И. Христа, вероятно, лишь через довольно продолжительное время после смерти. Разница лишь в том, что никто не позаботился о том, чтобы упорядочить их и создать единое каноническое жизнеописание. Именно по этой причине буддисты говорят, что буддизм — не религия Бога, а религия мудрости, просветления и сострадания. И все же Будда является родоначальником одной из мировых религий, а культурное освоение его образа продолжается уже в течение двух с половиной тысяч лет.

В самом начале своего поприща Будда, подобно И. Христу, основал братство, для которого постепенно выработался ряд правил. Он очень напоминает И. Христа и Мухаммада, которые тоже стали убеждать своих друзей и сторонников в своих пророческих миссиях со стороны Всевышнего.

Будда так же, как и И. Христос, учит, что невозможно зло и ненависть победить ненавистью и насилием, а можно только любовью. И учение И. Христа, и буддистское учение — противостоят насилию, агрессии, злу, преступлению.

Первый стих Дгаммады гласит: «Все, что в нас есть, это — результат наших помыслов, все основано на наших помыслах, все сделано из наших помыслов». Проповеди буддизма очень схожи с учением И. Христа: «Пусть побеждает зло добрым, алчного — щедростью, лжеца — правдою».

В отличие от Моисея, Иисуса, Мухаммада, Будда достиг абсолютной нирваны сам, своим внутренним прозрением, без постороннего руководства.

2. Философия преступления и наказания в буддизме основана на пяти главных заповедях морально-правового кодекса Будды: 1) не убивать живых существ; 2) не красть; 3) не вести порочной жизни; 4) не лгать; 5) не употреблять опьяняющих напитков.

Эти же заповеди можно встретить во всех Священных Писаниях. Философия буддизма относительно причин, побуждающих

к совершению насилия, зла, преступления основана на сознании и внутреннем мире человека. Буддизм считает, что человек совершает эти деяния вследствие отсутствия над собой власти, которая достигается путем внутренней работы. Отрывки из Дгаммады: «Человек сам совершает зло, сам страдает, сам искупает зло, сам очищается. Чистое или нечистое состояние зависит от самого человека; никто не может очистить другого»; «Нельзя считать хорошим такой поступок, в котором человеку приходится раскаиваться или за который он с радостью и веселием получает награду»; «Никогда не говори грубо, а то тебе будут платить тем же». Это же нравственное учение можно встретить и в других религиях, в особенности в учении И. Христа.

Философия Будды исходит из того, что жестокость, зло, страдание, преступления, насилия, это — результат не только несчастья и бедствия, условий жизни, но и недостаточная власть человека над своим телом и сознанием вследствие незнания своего существа. И это незнание и является причиной его поведения, в том числе преступного. Поэтому Будда советует докопаться до «нездоровых» эмоциональных корней нашего сознания и мышления, чтобы выявить причину преступного поведения, корень агрессии и зла.

За чистотой помыслов надо следить не менее тщательно, чем за праведностью поступков. Эта философия Будды напоминает понятие и значение хафса (нафса), данное Всевышним Аллахом в Коране, в познании сути и значения человеческого поведения, в том числе преступного. В Коране намерение человека связано с его сердцем, представляют собой карму (собственные поступки) и, таким образом, тоже имеют последствия — это окончательный вывод Будды. Волевые акты для него — осознанные и бессознательные. Поэтому намерения, как осознанные, так и бессознательные, побуждая человека к действиям, представляют собой ментальные порывы, не менее значимые для кармы, т. е. для поступка, чем реальные поступки.

Это акт доброй воли человека, который не дошел до совершенства. Будьте сами себе светильниками, учил Будда. Все действия должны основываться на ясном понимании. «Злые деяния, — говорит Будда, — суть те деяния, что совершаются из страсти, вражды, глупости и страха»¹. Этим буддизм определяет источник преступного поведения человека.

Поведение человека регулировалось не существованием наказания, а путем соблюдения буддистами восьми правил (путей), которые не определены в каком-либо письменном источнике. Четвертый аспект этого пути имеет непосредственное отношение к предмету нашего исследования, ибо именно здесь мы можем понять отношение учения буддизма к пониманию преступления, насилия, зла и причин возникновения этих явлений, а также уяснить сущность, цели и понятия наказания как противодействующего средства в борьбе с отрицательными деяниями. По учению Будды, правильное поведение начинается с соблюдения пяти нравственных принципов: не отнимать жизнь, не красть, не прелюбодействовать, не лгать, не употреблять одурманивающих веществ. Как видим, эти запреты те же самые, что и в религиях единобожия, которые посланы, по утверждению богословов, Господом Богом. Почему же нельзя считать, что Пятисловие Будды — тоже Божественное Послание? Только ли потому, что Будда и не человек, и не Бог, а «просветленный»?

По буддизму, сам человек совершает зло и сам оскверняет себя. Не совершает зло он тоже сам, и сам очищает себя. Ненасилие, по буддизму, есть само совершенство. Ненасилие означает абсолютный запрет на насилие и ненависть. Все боятся смерти, говорит Будда, поставьте себя на место другого. Вот почему нельзя ни убивать, ни понуждать к насилию. Буддизм

¹ *Sigalovada S. Dighanikaya III. P. 180–193. — Цит. по: Saddhatissa H. The Buddha's Way. New York, 1971. P. 101.*

считает, что ненасильственные средства борьбы со злом, преступлениями лучше, чем наказание, которое можно отнести к категориям зла и насилия, ибо никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она. Это, в принципе, есть отрицание наказания как средства борьбы с преступностью. Но как остановить убийства, насилия, кражи и другие виды преступного деяния?

Философия буддизма о причинах зла, преступления, жестокости не только предлагает пути, как избежать этих поступков, но и требует определенных противодействий. Буддизм учит: «Пробуждай себя сам, следи за собой сам... Обуздывай себя сам, как наездник обуздывает хорошую лошадь... Убей в себе пять чувств; оставь их, поднимись выше их... Хорошо обуздывать тело, хорошо обуздывать слово, хорошо обуздывать помыслы, хорошо обуздание во всем» (Св. Кн. В. Х. Дгамманада).

Буддизм считает, что человек тогда не станет совершать дурные деяния, когда он дойдет до совершенства, ибо совершенство — ненасилие, которое выше борьбы со злом, преступлением.

Поэтому ненасилие — это тоже добро, не ограниченное необходимостью противостоять злу. Это как бы чистое добро, которое не опускается до противостояния злу, а просто отвергает его.

Учение о четырех благородных истинах, составляющих ядро буддизма как религиозно-нравственной программы жизни, в полной мере определяет подход к институту преступления и наказания: а) констатация болезненного состояния организма, т. е. установления, определения в человеке качества насилия, зла, которое проявилось в совершенном преступлении; б) диагноз, т. е. исследование причин преступного поведения, источник и механизм преступления; в) установление того, поддается ли болезнь лечению или нет, т. е. возможно ли его исправление и перевоспитание; г) определение способа лечения того, что и как должен делать пациент, чтобы справиться с болезнью, т. е. выбор средств и методов исправления и перевоспитания

преступного человека. Буддизм, таким образом, сравнивает преступление с болезнью, а преступника — с больным человеком, которого можно вылечить лишь учением Будды.

Это также определяет философию буддизма о сущности и значении наказания в противодействии злу, жестокости, насилию. Если преступление — акт доброй воли человека, который не дошел до совершенства, наказанием же мы не сможем довести его до совершенства, ибо само это средство уже является злом, бесцельной формой борьбы с насилием. Как можно заметить, учение о наказании в буддизме совпадает с учением И. Христа «о непротивлении злу насилием».

«Вражду в этом мире нельзя прекратить враждою; конец ей может положить только примирение. Так было во все времена». В то же время человек независимо от всего несет ответственность за свои поступки: «Ни на небе, ни среди моря, ни в горных пещерах, нигде не можешь ты скрыться от последствий своих злых дел» (Дгамманада, V, 127). Даже на пути к освобождению (т. е. умирая) человек терпит наказание за грехи, которых он еще не искупил.

Хотя философия буддизма отрицала наказание смертной казнью за преступления, тем не менее все понимали, что с одними проповедями, нравственными учениями остановить насилие человека человеком невозможно. Так, например, Ашоха, занявший трон в Индии в 268 г. до н. э., был одним из самых ярких приверженцев буддизма, стремящихся к практической реализации этой религии в реальной жизни. Он понимал, что нельзя отменить смертную казнь, хотя был против этой меры наказания как противоречащей философии Будды. Кстати, Ашоха сам пришел к власти после убийства двух своих братьев.

Как и все великие мировые религии, буддизм в самой высшей своей форме стремится к обузданию прожорливого ненасытного «я», которое приносит столько бед. Особое внимание

к сущности «я» в преступном поведении человека уделено также Аллахом в Коране и Суннах Пророка Мухаммада. И это оправдано, ибо эгоистическое самосознание можно, вероятно, считать источником всего злого, агрессивного, преступного. Как показывает жизнь, чрезмерная привязанность к собственному «я» побуждает зависть или ненависть к соперникам, тщеславию, заносчивость, манию величия, гордыню, жестокость, а если «я» оказывается под угрозой, то даже насилие и способность уничтожить другого.

Итак, можно сделать вывод о том, что учение Будды не имело акцентированной социальной направленности, оно задавало совершенно новую — сугубо духовную программу человеческой деятельности и новую религиозно-нравственную и законодательную основу единения людей. В этом смысле собственное дело Будды есть дело вполне мирское, и, так как он не признает Бога, от которого зависел бы человек, его учение можно считать атеистическим. Размышлять о совершенствах Будды, удивляться ему, любить его, сознавать и чувствовать себя спасением через него, — все это чувства новые, неизвестные брахманизму. И по странному контрасту, эта религия без Бога посвятила Индию в душевные радости религиозного чувства¹. Мораль буддизма, точно так же, как и в христианстве, является в высшей степени оригинальной и проникнутой новым духом, когда ее изучают в самой жизни основателя. Будде подражали так же, как и И. Христу и Мухаммаду. Это стало как бы высшим законом, который привлек к новой религии учеников, достойных изумления.

¹ См.: *Барт А.* Религии Индии. С. 131.

ГЛАВА VI

КОНФУЦИАНСТВО: ФИЛОСОФИЯ ИЛИ РЕЛИГИЯ?

I. VI в. до н. э. — это век великого духовного расцвета в разных культурах. Примерно он совпадает с жизнью Будды, Золотым веком Афин, Персидской империей, великими иудейскими пророками и в Китае — с еще одним выдающимся мыслителем, которого на Западе называют Конфуцием, а его учение — конфуцианством. Именно эта личность развила систему, которая придает особое значение совершенствованию добродетелей, взаимоотношениям между правителями и небом. Конфуцианство — философия или религия? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, хотя и очень кратко, рассмотреть суть данной системы. Самой главной добродетелью, которая, по мнению Конфуция, может спасти общество, является **жэнь**. Существуют разные переводы этого термина: внутренняя доброта, любовь, благожелательность, совершенная добродетель, гуманность и человеколюбие. В Китае Конфуций объявил высшей добродетелью жэнь — он призывал любить людей, своих собратьев¹.

В этом смысле, мы видим, что учение Конфуция, так же как учение Будды, имеет не меньшее религиозное значение, чем учение И. Христа. Конфуций и его последователи учили тому, что смысл религии не столько в неопределенном будущем, сколько в настоящем — «здесь и сейчас».

Следует особо отметить, что с каждым веком конфуцианство становилось все более религиозным, особенно в своем взаимодействии с буддизмом. Поэтому оно существует не только как философская школа, но и как система религиозной этики.

¹ См.: *Конфуций*. Лунь Юй, 12:22.

Можно сказать так: конфуцианство представляет собой не только одну из самых влиятельных мировых религий, но и наименее религиозную из них. Хотя по сегодняшний день остается неразрешенным вопрос о том, является ли конфуцианство религией вообще. Для большинства китайцев конфуцианство — философия, этическое учение или образ жизни. В то же время, подобно мусульманам, которые считают жизнь Мухаммада примером того, как надо жить, конфуцианцы выбирают Конфуция образцом для подражания. Две с половиной тысячи лет он является духовным наставником, учителем не только китайской нации, но и других дальневосточных народов, воплощением их культурной самобытности. И сегодня каждый образованный китаец знает его учение и воспринимает его как жизненную установку. В следующем поколении китайский философ Мо цзы пошел дальше, недвусмысленно пропагандируя любовь ко всему человечеству¹. Стоит вспомнить, как И. Христос, согласно Библии, проповедовал великодушие, терпимость, даже всеобщую любовь. Представляется правильным считать систему, созданную Конфуцием, не религией, а философией, ибо она была лишь систематизацией народных правил, обычаев и традиций. Мыслитель сам признавался, что он лишь «передал, а не создал» свое учение. Тем не менее как моралист, он занимает почетное место среди других учителей человечества. Достаточно отметить, что за пять веков до И. Христа он проповедовал непоколебимые правила нравственности и основу общественной добродетели: «Не делай другим того, чего не хочешь, чтобы они тебе делали». По определению Конфуция, милосердие есть любовь ко всем людям. Главный враг, с которым милосердию приходится бороться, — это эгоизм. Человек должен победить свое «Я», чтобы сделаться поистине милосердным.

¹ См.: *Elvin* (1986). P. 334–335.

2. Ван Цзофу считает, что ядром китайской традиционной законодательной концепции является Син — наказание, которое развивалось в Древнем Китае в рамках конфуцианства, маоизма и легизма. Китай можно называть конфуцианским с таким же правом и основанием, с каким Европу называют христианской, а арабский мир — мусульманским. Конфуций оказал сильнейшее влияние на духовную жизнь китайцев, которое в свою очередь определило отношение этого народа к понятию преступления, сути и назначению наказания.

Хотя Конфуций специально, как, впрочем, и И. Христос, не обращался к понятию преступления и его причин, а также к сущности и значению наказания, тем не менее из его учения мы можем вывести некоторые положения, мысли и рекомендации относительно этих институтов уголовного права. Начнем с того, что Конфуций учил, что как для закона нужен репрессивный аппарат, так и для правил, установленных для поддержания порядка, нужен благородный муж. По мнению Конфуция, это Император. Его задача — быть гарантом соответствия государственного управления ритуалу.

У китайцев имелся аристократический кодекс, именуемый «Ли» (ритуал). Он регламентировал поведение человека, а по функции напоминал кодекс поведения — административного и уголовного. «Ли» был призван помочь людям выработать в себе благородные качества: поведение людей должно быть «милым и спокойным». Отныне «Ли» был призван предупреждать агрессивность, жестокость, насилие, а значит, покончить с преступностью. «Ли учит нас, что давать волю своим чувствам и действовать под их напором — это путь варваров... Обряд же полагает степень и границы» (Ли-цзы, 1.215; см. перевод Легге). «Ли» обуздывал (не одобрял) даже военное насилие. Когда один офицер похвастался, что убил шестерых противников, князь мрачно ответил: «Ты принесешь великое бесчестье своей

стране»¹. Кто же был этот «ши», который был убежден в силе «ли»? Это был учитель Кун Цю (ок. 551–479 гг. до н. э.), которого ученики прозвали Кун Фу-цзы, а мы именуем его Конфуцием, — религиозный мыслитель, философ, государственный деятель.

«Чего сам не желаешь, того не делай другим». Этот известный всем принцип жизни потом в другой форме будут повторять многие: И. Христос, Мухаммад, Кант и др. Но суть останется неизменной — внутренняя доброта, любовь, благожелательность, гуманность, человеколюбие и совершенная добродетель. Все это вместе Конфуций называет жэнью — самой главной добродетелью, которая может спасти общество от зла, насилия, жестокости, убийств. Он убежден, что тот, кто целиком посвящает себя жэнь, никогда не совершит зла другому человеку, у него не появится желание совершить преступления в отношении другого члена общества.

Для этого Конфуций развил целую систему, которая придает особое значение совершенствованию добродетелей, взаимоотношению между людьми в обществе, оценке деяниям людей с точки зрения их правомерности.

Конфуций полагал, что правильное понятие «ли» учит людей «весь день и каждый день» ставить себя на место других и смотреть на ситуацию с их точки зрения. Если такой подход войдет в привычку, человек преодолет эгоизм, жадность, жестокость, агрессивность поведения. Что нужно для этого ему сделать? Ведь это не так просто, тем более многие из этих качеств связаны с физиологией человека, с его внутренним миром. Для этого Конфуций предлагает человеку победить себя. Но он был реалистом и понимал, что человечеству не удастся избавиться

¹ Цзо-цжуань («Комментарии Цзо»), 1.320. — Цит. по: Legse Jamse, 1960. — См. также: *Армстронг К.* Поля крови. Религия и история насилия. М., 2021. С. 103.

от убийств, воровства, насилия и вообще всего зловердного поведения, если только рассчитывать на самого человека, на его силу воли. Поэтому он был сторонником суровых наказаний, в том числе смертной казни.

«Какого вы мнения о том, чтобы казнить смертью безнравственных людей ради блага нравственности?» — спросил его однажды глава фамилии Ки. «Государь, — отвечал Конфуций, — зачем вы вообще прибегаете к смертному наказанию? Пусть все вещи, даже сокровеннейшие желания, будут направлены к добру, и тогда ваш народ будет добрым»¹. «Если же он (царь. — *И. Р.*) присуждает к смертному наказанию народ, которого не поучал, то совершает жестокость». Однако его опыт в должности министра юстиции показал ему, что простого примера еще недостаточно, чтобы вести народ по пути добродетели. Через какое-то время после вступления в должность он подписал смертный приговор одному очень известному гражданину за нарушение общественной тишины. Это противоречие с принципом, который Конфуций так настойчиво проводил, удивило его учеников.

Отличным от Моисея был подход Конфуция к обычаю кровной мести. Учение Конфуция несколько отличается от Закона Моисея, ибо предписывает обязательное мщение только за убийство отца или брата, а Моисеев Закон, как мы знаем, устанавливал месть за убийство всякого кровного родственника. «Как должен вести себя человек, у которого убили отца или мать?» — спрашивал Цзы-Хи. «Сын, — отвечал мудрец, — должен спать на траве, подложив щит под голову. Он должен отказаться от службы и не жить под одним небом с убийцею. Встретив его на рынке или во дворе, он должен держать оружие наготове, чтобы убить его».

¹ Петгини Дж. Т., Дуглас Р. Великие Религии Востока. М., 2020. С. 371.

А как нужно мстить за смерть брата? «Оставшийся в живых брат не должен служить в одном государстве с убийцею; но если он по приказанию своего начальника идет в то место, где находится убийца, то не должен сражаться с ним». В Китае, где насчитывается больше всего буддистов, значительный процент населения исповедует конфуцианство и теоизм.

В то же время Конфуций призывал правителей апеллировать к самоуважению людей, а не действовать через насилие и страх, но понимал: если отказаться от наказания, цивилизация рухнет¹. Это свидетельствует о том, что великий мыслитель рассматривал наказание как вынужденную меру и преимущество отдавал изменению внутреннего отношения человека к социально вредному поведению. Иначе говоря, людей следует учить правильному пониманию «Ли». В то же время научение предполагает и определенное принуждение, а иногда и насилие. Не случайно в Китае пиктограмма «цзео» изображала руку с розгой, занесенную над ребенком².

Итак, во-первых, что касается преступного поведения человека и его причин, то из учения Конфуция можно сделать следующее заключение. Природа всех людей приблизительно одинакова, т. е. качества, которыми они одарены, сходны, но с течением времени являются различия. Правильное поведение человека, по Конфуцию, связано с влиянием страсти, под влиянием которой он находится. Поэтому именно страсть можно считать, по Конфуцию, причиной поведения человека, в том числе преступного. Взрослея, человек меняется под влиянием различных обстоятельств и условий жизни, что отличает его как индивидуума от других людей. Следовательно, и нет одинаковых людей с одинаковыми качествами характера, страсти, темперамента и многих других психо-физиологических

¹ См.: Аналекты, 2.3. — См. англ. пер. Слингера лэнда.

² Армстронг К. Указ. соч. С. 108.

свойств, которые оказывают влияние на поведение человека. Конфуций утверждает далее, что человек не рождается преступным. Поэтому ответственность за нарушение общественных законов, в том числе уголовно-правовых, должны нести отец семейства и государство.

Во-вторых, во взаимоотношении этики и уголовного наказания Конфуций отдает приоритет этике, однако не отрицает роль карательных мер, в том числе и суровых наказаний в поддержании правопорядка и законности. При этом он сознает, что управление с помощью стыда эффективнее, чем управление с помощью наказаний: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклоняться от наказаний и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд, и он исправится»¹.

¹ *James F. John P. Scriptures of the East. Boston, 1998. P. 156.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предлагаемой вниманию читателей работе была сделана попытка рассмотреть преступление и наказание сквозь призму мировых религий. Человечество всегда стремилось понять (познать) тайны причин зла, агрессии, насилия со стороны человека, чтобы эффективно противостоять данным явлениям. Однако, к сожалению, наука в этом направлении продвинулась недалеко. Поэтому мы вынуждены обратиться к религии, виднейшие представители которой всегда ставили перед собой цель доказать, что религия способна не просто принять вызов, брошенный разумом человека, но и, наоборот, опровергнуть данные науки относительно причин и истоков человеческого преступного поведения. Господь Бог как наш Создатель посредством Священных Писаний как будто напоминает нам о пределах наших познаний существа, которое Он создал, — человека. Религия считает, что человек — не «ошибка эволюции», как утверждает научная мысль, а творение Всевышнего. Поэтому только Ему известны тайны причин зла, агрессивного, эгоистического поведения любого живого организма, в том числе человеческого, и соответственно средства противодействия этим деяниям. Для достижения поставленной задачи автор решил вступить в диалог с иудаизмом о значении Пятикнижия как первого послания в эволюции института преступления и наказания, о понятии преступления как греха и сущности наказания как равного возмездия, о сути «жестоковидности» наказания в иудаизме; в христианский диалог о причинах противоречия Пятикнижия и учения И. Христа относительно сущности и значения наказания в противодействии злу, преступлению; в исламский диалог о нравственно-религиозных и правовых основаниях института преступления и наказа-

ния и его источниках; в индуистский диалог о логике кармы и перерождения, чтобы понять причины преступного поведения человека, по индуизму, и средство противодействия этим явлениям; и, наконец, представляет интерес философия буддизма, считающая преступление болезнью человека, а учение Будды — лекарством. Безусловно, мы далеки от мысли о том, что в работе даны исчерпывающие ответы на все вопросы. Поэтому будет правильным предоставить читателю право самому оценить значимость нашего исследования.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ИУДАИЗМ: ПРЕСТУПЛЕНИЕ — ГРЕХ, НАКАЗАНИЕ — РАВНОЕ ВОЗМЕЗДИЕ	13
§ 1. Пятикнижие: эволюция института преступления и наказания в иудаизме	13
§ 2. Закон Моисея и восточные уголовные кодексы ..	52
§ 3. Возмездие как сущность наказания Пятикнижия	72
ГЛАВА II. ХРИСТИАНСТВО: ПРЕСТУПЛЕНИЕ — ГРЕХ; НАКАЗАНИЕ — НЕ ВОЗМЕЗДИЕ	93
§ 1. Учение И. Христа как основа новой идеи эволюции института преступления и наказания ..	93
§ 2. Сущность наказания в христианстве: «О непротавлении злу насилем»	121
§ 3. Преступление и его причины в учении И. Христа	139
ГЛАВА III. ИСЛАМ: ПРЕСТУПЛЕНИЕ — ГРЕХ; НАКАЗАНИЕ — СПРАВЕДЛИВОЕ ВОЗМЕЗДИЕ ..	151
§ 1. Источники и эволюция института преступления и наказания в исламе	151
§ 2. Нравственно-религиозные и правовые основы института преступления и наказания в исламе ..	173
§ 3. Философские вопросы преступления и наказания в исламе	222

ГЛАВА IV. ИНДУИЗМ: ПРЕСТУПЛЕНИЕ — ОПАСНОЕ ДЕЯНИЕ, ГРЕХ, НАКАЗАНИЕ — ВОЗМЕЗДИЕ. .	243
§ 1. Религиозные основы института преступления и наказания: Веды, Дхармашастры	243
§ 2. Этико-правовая и религиозная сущность пре- ступления и наказания в Дхармашастрах	260
ГЛАВА V. ФИЛОСОФИЯ БУДДИЗМА: ПРЕСТУПЛЕ- НИЕ — БОЛЕЗНЬ; НАКАЗАНИЕ — ЗЛО . . .	277
ГЛАВА VI. КОНФУЦИАНСТВО: ФИЛОСОФИЯ ИЛИ РЕЛИГИЯ?	292
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	299

*Ассоциация «Юридический центр»
199004, СПб., 3-я линия В. О., д. 8*

И. М. РАГИМОВ

**ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ
В МИРОВЫХ РЕЛИГИЯХ**

ИСТОРИЧЕСКИЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ, ПРАВОВЫЕ
И ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ

Монография

Редактор: *М. А. Логинова*
Корректор: *А. М. Златогорская*
Верстка: *Е. Е. Кузьмина*

Подписано в печать 03.11.2023 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печ. л. 19,0.
Тираж 500 экз. Заказ 4195. Цена свободная

Санкт-Петербургский филиал ФГУП «Издательство “Наука”»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., д. 12/28

ISBN 978-5-6050435-5-3

9 785605 043553 >

ДЛЯ ЗАМЕТОК
